

ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)
Сочинский филиал

Е. П. ПАРИЙ-СЕРГЕЕНКО

СОЦИАЛЬНАЯ
ФУНКЦИЯ
СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

Монография

ПРОФ[®]
пресслит

Сочи — 2020

УДК 349.3
ББК 67.405.2
П 18

*Печатается по решению учебно-методического совета
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России)*

А в т о р

*Е. П. ПАРИЙ-СЕРГЕЕНКО,
кандидат наук государственного управления,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Р е ц е н з е н т ы :

*Л. К. СВИНЦИЦКАЯ,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Сочинского института (филиала) РУДН*

*И. А. САРЫЧЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России)*

П 18 Парий-Сергеенко Е.П. Социальная функция современного Российского государства: монография. Ростов н/Д: Профпресслит, 2020. — 127 с.

ISBN 978-5-6046295-2-9

Монография посвящена социальной функции современного Российского государства. В настоящее время проблема устойчивости российского социума продолжает оставаться в центре внимания как общества в целом, так и представителей научного сообщества, политических и государственных деятелей.

В работе исследованы институциональные формы и методы реализации социальной функции государства, раскрыта сущность понятия «социального» применительно к государственно-правовой сфере, подвергнута обстоятельному анализу с использованием теоретико-правового инструментария концепция сервисного государства.

Издание предназначено для преподавателей, аспирантов, обучающихся на юридических специальностях высших учебных заведений. Монография также может быть полезна для лиц, занимающихся практическими правовыми вопросами.

© Е. П. Парий-Сергеенко, 2020
© Профпресслит, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Социальная функция современного государства как объект юридического исследования	14
1.1. Понятие социальной функции и её соотношение с правовым социальным характером государства	14
1.2. Место и роль социальной функции в системе функций современного государства	26
1.5. Организационно-правовые формы и методы осуществления социальной функции государства на современном этапе развития	34
ГЛАВА II. Содержание социальной функции современного Российского государства	43
2.1. Защита личности от социальных рисков в условиях рыночной экономики	43
2.2. Создание предпосылок модернизации и развития социальной сферы	61
2.3. Распределение и перераспределение материальных ресурсов для решения социальных задач Российского государства	66
ГЛАВА III. Проблемы и перспективы реализации социальной функции современного Российского государства	71
3.1. Социальная политика Российского государства как проявление его социальной функции: современное состояние и тенденции развития	71
3.2. Совершенствование организационной структуры и методов реализации социальной функции современного Российского государства	78
3.3. Современное состояние и тенденции развития правовых форм реализации социальной функции Российского государства	89
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	97
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	104

ВВЕДЕНИЕ

Социальная функция государства самым непосредственным образом связана с понятием социального вопроса, который для России представляет особую актуальность, поскольку, как известно, обострение социальных противоречий дважды в новейшей истории приводило отечественную государственность к краху: в 1917 г. прекратила своё существование Российская империя, а в 1991 г. распался Советский Союз. Однако и в настоящее время проблема устойчивости российского социума продолжает оставаться в центре внимания как общества в целом, так и представителей научного сообщества, политических и государственных деятелей. С высоты сегодняшнего дня можно констатировать, что слом советской системы и последовавший затем период радикальных экономических реформ, осуществлявшихся в режиме «шоковой терапии», привели к ликвидации той существенной социальной страты советского общества, к характеристике которой с полным основанием можно применить ёмкое социологическое понятие «средний класс». Процесс же его возрождения уже в новых социально-экономических условиях постсоветской России замедлился в результате экономического кризиса, начавшегося в конце первого десятилетия XXI века и перманентно продолжающегося по настоящее время.

На современном этапе можно констатировать состояние раскола российского социума на две катастрофически асимметричные части: узкую прослойку людей со сверхдоходами и основную массу населения, социальные параметры которой лежат в диапазоне от бедности до нищеты.

Как известно, одним из признанных показателей социальной устойчивости общества является т. н. децильный коэффициент доходов населения (разрыв между уровнем доходов 10% самого богатого и 10% самого бедного населения). Если в 1992 г., в самом начале либеральных экономических реформ, он был равен 8, то в настоящее время, согласно экспертным оценкам, он превышен более чем в 16 раз, а в Москве — в 45 раз. Разумеется, это порождает в обществе социальную напряжённость, создаёт системные риски, делая туманными перспективы функционирования всей политической системы.

Вместе с тем, как отметил Президент РФ, в современном обществе «чётко обозначился запрос на перемены. Люди хотят развития...». В

этой связи актуализируется проблема научного осмысления социальной функции современного Российского государства, позволяющей обществу динамично развиваться без разрушительных потрясений.

При этом следует особо подчеркнуть, что социальной функции государства присущ в высшей степени динамизм. Здесь невозможно принимать решения раз и навсегда. Следовательно, плодотворный научный анализ социальной функции должен осуществляться с позиций исследования актуального её состояния. В этом отношении показателен общественный запрос на придание системе перераспределения материальных ресурсов большей социальной направленности.

Данная мера принесёт бюджету дополнительно порядка 60 миллиардов рублей. Причём, вся сумма будет использоваться целевым образом на лечение детей с тяжёлыми, редкими заболеваниями.

В советской юридической науке понятие «социальная функция государства» не получило широкого распространения. Отчасти, это объясняется его соотношением с проблематикой функционирования в странах Запада «государства благосостояния» (*welfare state*). Поскольку в советской науке резкой критике подвергалась как теория, так и практика буржуазной государственности, соответственно, в отечественном обществоведении термин «социальное» применительно к характеристике государства интерпретировался как буржуазная альтернатива социалистическому государству.

В постсоветский период конституционное положение о социальном характере Российского государства актуализировало в отечественном правоведении исследование вопроса и о его социальной функции. Прежде всего, речь идёт о представителях теоретико-правовой науки, которые, анализируя проблему функционала современного государства и теорию социальной государственности, неизбежно обращались к рассмотрению данной функции. В этой связи необходимо упомянуть имена М. Н. Марченко, В. С. Нерсеянца, Г. И. Мусихина и др.

На уровне монографического исследования социальная функция государства в новейший период была изучена О. В. Родионовой, которая, с позиций сравнительно-правового анализа, выявила тенденцию к её унификации в современных государствах мира¹.

В последние годы различные проявления социальной функции государства в свете рассмотрения вопросов теории и практики социального государства получили отражение в целом ряде научных

¹ Родионова О. В. Социальная функция современного государства: монография. М.: Юрлитинформ, 2010.

работ¹. Некоторые исследователи считают необходимым говорить о социальных функциях государства (т. е. во множественном числе).

В частности, Ю. Н. Беляева понимает под социальными функциями государства (функциями социального государства) направления государственной деятельности, нацеленные на повышение качества жизни населения, обеспечение достойного уровня жизни каждого гражданина и соблюдение гарантий для тех, кто по объективным причинам не в состоянии реализовать свой потенциал².

Правовые аспекты реализации социальной функции современного Российского государства представлены в работах В. В. Литвиновой³, П. Л. Лихтера⁴, В. В. Локосова и А. В. Ярашева⁵, Ю. Ю. Осокиной⁶ и др.

¹ *Аристов Е. В.* Научные интерпретации содержания понятий «социальное государство» и «социальность государства» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 417–429; *Быстренко В. И.* Россия как социальное государство: миф или реальность? // Идеи и Идеалы. 2018. №4 (38). Т. 1. С. 26–48; *Галустян И. Ш., Мелекаев Р. К.* Понимание правового государства как социального в отечественной теории права // Северо-Кавказский федеральный университет. 2019. №1. С. 198–204; *Губанкова Т. Н.* Эволюция теоретико-правовых воззрений о социальном государстве в контексте развития социальной доктрины Российской Федерации // Вестник ТГУ. 2016. Выпуск. 2 (6). С. 75–82; *Колесников, Е. В., Плотникова, И. Н., Старшова, У. А.* Становление социального государства в Российской Федерации: проблема развития социальных и экономических прав человека и гражданина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. №4. С. 91–109; *Родионова О. В.* Проблемы развития теории и практики современного социального государства // Lex Russica (Закон Русский). 2015. №1 (Том ХСVIII). С. 28–40; *Ходусов А. А.* К вопросу о сущности и проблемах социального государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. №4. С. 114–125 и др.

² *Беляева, Ю. Н.* О социальных функциях государства // Журнал российского права. 2016. №1. С. 3.

³ *Литвинова В. В.* Сравнительный анализ социальных кодексов субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2019. №3 (100). С. 151–160.

⁴ *Лихтер П. Л.* Правовая категория «общее благо» в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации // Lex Russica (Закон Русский). 2019. №4. (149). С. 78–83.

⁵ *Локосов В. В., Ярашева А. В.* Социальный кодекс России: pro et contra: монография. М.: ЛексПраксис, 2014.

⁶ *Осокина Ю. Ю.* Нормативно-правовое регулирование социальной функции государства в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №2. С. 19–20.

Особого внимания заслуживает проблема соотношения социальной функции с социальным характером государства. С точки зрения С. С. Олейникова, статус социального приобретает лишь то государство, в котором социальная функция играет ведущую роль¹.

Современные исследователи отмечают эволюцию социальной функции Российского государства в условиях экономической нестабильности, когда исполнение государством своей роли оказывает существенное влияние на поддержание социальной стабильности.

Существенный вклад в проблематику исследования был внесён А. В. Александровой, Н. А. Волгиным, С. А. Глотовым, В. А. Иваненко, В. С. Иваненко, С. В. Калашниковым, И. В. Леоновым, Е. А. Лукашевой, Ж. Х. Македонской, С. С. Сулакшиным, М. Ю. Фёдоровой, Т. В. Яхонтовой и др.

Авторское видение многих вопросов, относящихся к проблемному полю исследования, сформировалось под влиянием работ ряда исследователей. В частности, С. А. Авакьяна, А. Г. Аганбегяна, С. Н. Бабурин, В. П. Барышкова, П. Е. Матвеева, Н. С. Бондаря, С. Е. Жичкиной, В. Н. Жукова, Г. Ю. Канарша, Л. Н. Кочетковой, И. Ю. Ларионова, Е. Ю. Калининой, С. Э. Несмеяновой, В. И. Пернацкого, И. В. Понкина, В. Д. Роика, Д. А. Семёновой, В. Е. Чиркина, Е. М. Якимива и других учёных.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, связанных с политико-правовым обоснованием и реализацией социальной функции современного Российского государства.

Предметом исследования выступают ценностно-целевые основания, системные свойства и организационно-правовые формы и методы реализации социальной функции Российского государства, а также внутренние и внешние условия, влияющие на её развитие.

Цели и задачи исследования. Исходя из актуальности заявленной темы, целью исследования является комплексный анализ социальной функции Российского государства на современном этапе развития.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- 1) раскрыть содержание социальной функции и проанализировать её соотношение с правовым социальным характером государства;
- 2) обозначить место и роль социальной функции в функциональной системе современного государства;

¹ Олейникова, С. С. Становление социальной функции государства в системе его внутренних функций // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Юриспруденция. 2011. №2. С. 59.

3) исследовать организационно-правовые формы и методы осуществления социальной функции государства на современном этапе развития;

4) рассмотреть проблему защиты личности от социальных рисков в условиях рыночной экономики в качестве содержательного аспекта современного Российского государства;

5) проанализировать проблему создания предпосылок модернизации и развития социальной сферы;

6) охарактеризовать проблему распределения и перераспределения материальных ресурсов для решения социальных задач современного Российского государства;

7) проанализировать в проблемном ключе современное состояние и тенденции развития социальной политики Российской Федерации;

8) исследовать перспективы совершенствования организационной структуры и методов реализации социальной функции современного Российского государства;

9) охарактеризовать современное состояние и перспективы развития правовых форм реализации социальной функции Российского государства.

Теоретическую основу исследования составили научные труды по теории государства и права¹, теории социального государства²,

¹ *Государство созидающее*: теоретическая модель и современные риски: монография / под ред. О. Н. Полухина. М.: Юрлитинформ, 2016; *Любашиц В. Я., Разуваев, Н. В.* Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель: монография. М.: РИОР: Инфра-М, 2018; *Разуваев Н. В.* Государство в эволюционном измерении: монография. М.: Юрлитинформ, 2018; *Тонков Е. Е.* Государство созидающее как вектор развития современной России: монография. М.: Юрлитинформ, 2019; *Тонков Е. Е.* Модернизация юридических форм государственной деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2011; *Фетюков Ф. В.* Взаимодействие государства и гражданского общества (теоретико-правовое исследование): монография / Ф. В. Фетюков. М.: Юрлитинформ, 2017; *Афанасьев В. С.* Функции государства: начала философско-системного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2018. №3 (47). С. 54–59; *Хабриева Т. Я.* Воплощение идей теории государства и права в законотворческой практике // Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография/пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. М.: Юриспруденция, 2016. С. 280–289 и др.

² *Аристов Е. В.* Правовая парадигма социальности государства: монография. М.: Юнити-Дана, 2016; *Клишас А. А.* Социальное государство: монография. М.: Международные отношения, 2017; *Кочеткова Л. Н.* Социальное государство: Опыт философского исследования: монография. М.: Либроком, 2016 и др.

теории социальной политики¹, конституционной экономике².

Нормативную основу исследования составляют: Конституция РФ; акты международного права в сфере защиты социальных прав человека; федеральное и региональное законодательство; подзаконные акты; документы стратегического планирования в сфере социально-экономического развития Российской Федерации. Из массива нормативных правовых актов Президента РФ принципиальное значение имеют те из них, которые рассматриваются в качестве документов стратегического планирования в социальной сфере. Прежде всего, речь идёт о пакете нормативных правовых актов 2012 г., получивших условное название «майских» указов Президента РФ. Кроме того, программно-стратегический характер имеет Указ от 7 мая 2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»³.

Особый акцент в работе был сделан на анализе кодифицированных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в социальной сфере.

Эмпирическую базу исследования составил анализ официальных данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат); данных социологических опросов населения, имеющих отношение к социально-трудовой сфере, а также материалов судебной практики по широкому кругу вопросов, относящихся к проблемному полю исследования.

Научная новизна монографии связана с актуальным анализом влияния конституционных изменений, планируемых в ходе конституционной реформы, а также документов стратегического планирования на состояние социальной функции Российского государства на современном этапе развития. В работе представлена авторская версия видения развития социальной функции отечественного го-

¹ Жичкина С. Е. Концепция «социального вопроса» и современность: монография. М.: Юрлитинформ, 2013; Канарш Г. Ю. Справедливость, демократия, капитализм: Пути модернизации России в XXI веке: монография. М.: Ленанд, 2020 и др.

² Фомин А. А. Социальное государство, достойная жизнь и преодоление бедности: взаимообусловленность в условиях конституционализации экономики России; Мосин Е. Ф. Конституционно-экономическая проблематика справедливости налогообложения и распределения его результатов // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2019. С. 389–407; 477–486; Каранетов А. Г. Экономический анализ права: монография. М.: Статут, 2016 и др.

³ Собрание законодательства Российской Федерации, 2018. №20, ст. 2817.

сударства в свете социокультурных трансформаций российского общества.

Теоретическая значимость исследования связана с решением ряда принципиальных вопросов теоретико-методологического свойства. В частности, выявлена взаимосвязь и взаимообусловленность реализации социальной и экономической функций государства. Исследованы институциональные формы и методы реализации социальной функции государства. Раскрыта сущность понятия «социального» применительно к государственно-правовой сфере, была подвергнута обстоятельному анализу с использованием теоретико-правового инструментария концепция сервисного государства.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что изложенные в нём положения и выводы могут быть использованы:

- в деятельности по разработке политико-правовых документов стратегического планирования развития социальной сферы, а также правотворческой деятельности, направленной на совершенствование социального законодательства;

- в учебном процессе при разработке курсов по следующим дисциплинам: теория государства и права (вопросы, связанные с функциями государства, а также общей характеристикой социального государства); теория правового и социального государства; история учений о праве и государстве (политико-правовой дискурс вокруг проблемы социального измерения современного государства); история отечественного государства и права.

Методология исследования базируется на использовании ряда методов и подходов, позволивших решать разнообразные задачи, причём, как общего, так и частного свойства. Прежде всего, следует упомянуть диалектический метод, позволивший увидеть предмет исследования в единстве и многообразии всех его проявлений. Научное исследование основывалось на следовании принципу объективности и познаваемости объективного мира. Важная роль в процессе работы была отведена системно-структурному подходу, а также методу критического анализа. Использовались также конкретно-исторический и сравнительно-правовой методы. В числе специальных и частных методов следует упомянуть методы сбора эмпирической информации и её обобщения, а также догматический метод, включающий совокупность общих логических методов (сравнения, аналогии, анализа, синтеза, абстрагирования).

В силу тесной взаимосвязи социальной и экономической функции государства активно использовался методологический инструментарий экономической науки. Наконец, специфика проблематики

исследования предопределила задействование социологического подхода.

В результате проведенного исследования в качестве ведущих были сформулированы следующие концептуальные положения:

1. В современной теоретико-правовой науке отсутствует единое понимание социальной функции современного государства. Всё многообразие выявленных автором подходов может быть сведено к двум основным, которые условно можно обозначить как «узкий» и «широкий». Сторонники узкого подхода выступают за минимизацию социальной функции, фактически, ограничивая её пределы социально-обеспечительной сферой. Приверженцы широкого подхода в своих теоретических построениях раздвигают «социальные горизонты», рассматривая данную функцию не только с позиций защиты и обеспечения прав индивидов, относящихся к социально уязвимым стратам, но и трактуют её под углом зрения перспектив развития «человеческого капитала». Именно второй подход, несущий в себе мощный инновационный импульс, в наибольшей степени отвечает потребностям российского общества на современном этапе развития.

2. Исследование социальной функции государства имеет важное теоретико-методологическое значение, позволяющее понять социальную природу государственности в её аксиологическом измерении. При этом широта социальной сферы и динамизм социальных отношений затрудняют определение чётких пределов социальной функции. Социальная компонента буквально пронизывает все сферы государственно-правовой жизни, актуализируя постановку вопроса о необходимости «социализации» как государственно-властного механизма, так и всего законодательного массива.

3. Социальная функция современного Российского государства тесно связана с системообразующей политической функцией, поскольку последняя в рамках мероприятий стратегического планирования определяет национальные цели и стратегические приоритеты развития, объём и направления социальных мероприятий. Тесная связь существует и между социальной и экономической функциями, поскольку именно от эффективности экономической политики зависит реализация государством социальной функции.

4. Современное российское общество с полным основанием может быть охарактеризовано как «общество риска». В этой связи особую актуальность приобретает необходимость теоретико-правового осмысления феномена социального риска, формирование концепции управления социальными рисками и с этих позиций дальнейшее совершенствование правового регулирования социального обеспе-

чения. Специфика социальных рисков связана как с биосоциальной сущностью человека, так и с закономерностями функционирования общества. Защита от рисков не может быть сведена исключительно к преодолению их последствий. Существенное значение приобретают также прогнозирование, предупреждение социальных рисков, их оценка и минимизация. Комплексное правовое воздействие на социальные риски осуществляется многими отраслями российского права (административным, финансовым, трудовым, гражданским), что придаёт особую актуальность отраслевым, межотраслевым и междисциплинарным исследованиям данного вопроса.

5. Политико-правовая концепция «сервисного государства» применительно к современным российским реалиям несёт в себе определённую угрозу социальной государственности, а не выведения её, как полагают некоторые исследователи, на качественно новый уровень. Для понимания проблемы необходим социокультурный контекст. В России реформирование сферы государственных и муниципальных услуг началось как составная часть административной реформы, однако существенной проблемой является совмещение государственно-административного характера сферы государственного и муниципального управления, тяготеющего к монополизации и патернализму, с рыночной логикой производства и потребления услуг. Совмещение этих двух режимов (административного и рыночного) создаёт серьёзные проблемы как теоретического, так и практического свойства. Коммерциализация государственной деятельности будет неизбежно усиливать тенденцию политического отчуждения.

6. Эффективной реализации социальной функции современного Российского государства препятствуют противоречия общественного развития (несоответствие декларируемых целей реальному положению вещей), неустойчивость и неопределённость социальных ориентиров, низкий уровень общественной солидарности, который, скрывая гражданскую инициативу, не позволяет развиваться институтам гражданского общества, лишь во взаимодействии с которыми на современном этапе возможно полноценное раскрытие социального потенциала.

7. Для реализации социальной функции современного Российского государства в процессе стратегического планирования необходимо отказаться в решении проблем социальной сферы от экономического детерминизма и сконцентрироваться на ценностно-ориентационных мировоззренческих аспектах. Сохранение и развитие традиционных духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации является условием для

позитивного развития таких социально значимых поведенческих установок, как доверие, солидарность и милосердие, способствующих преодолению социокультурного раскола и кризиса межпоколенческих отношений, развитию созидательных общественных структур и практик.

Структура монографии включает введение, три главы, подразделённые на девять параграфов, заключение и библиографический список использованных автором нормативных правовых актов, научно-исследовательской литературы, статистических материалов и юридической практики.

ГЛАВА I

Социальная функция современного государства как объект юридического исследования

1.1. ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ И ЕЁ СООТНОШЕНИЕ С ПРАВОВЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ХАРАКТЕРОМ ГОСУДАРСТВА

Прежде чем мы обратимся к анализу социальной функции современного Российского государства, целесообразно раскрыть сущность такой базовой теоретико-правовой категории, как «функция государства». По мнению Д. В. Пожарского, предпринявшего попытку её историографического анализа, уже в отечественной юридической науке советского периода проблематика функций государства приобрела форму теории (учения) и использовалась при исследовании вопроса о сущности и социальном назначении государства на очередном этапе исторического развития. В целом, в российском правоведении сложилось несколько основных подходов к пониманию функций государства. Так, с позиций *деятельностного* подхода функции исследуются при помощи категории «деятельность». В свою очередь *предметно-политический* подход трактует функции государства как предмет (направления) и содержание политики государства. Кроме того, сюда же отнесены и обеспечивающие её средства, а также способы (механизм). Наконец, *социально-телеологический* подход понимает функции как обусловленные телеологией проявления социального назначения государства. Суммируя разнообразие подходов к пониманию функций государства и их дефинитивного выражения, учёный-правовед приходит к заслуживающему поддержки выводу об относительно изменчивом характере деятельности государства и эволюции научных представлений о закономерностях его функционирования¹.

¹ Пожарский Д. В. Становление теории функций государства в отечественной юридической науке: историографический очерк // Труды Академии управления МВД России. 2011. №4 (20). С. 9–10.

Последнее замечание заставляет нас вспомнить общепринятое значение слова «функция», под которым понимается явление, зависящее от другого и изменяющегося по мере изменения этого другого явления, а также работа, производимая каким-либо органом (организмом), либо обязанность, круг деятельности. При этом именно юридической науке, как отмечает Ю. Н. Беляева, удалось наполнить это понятие, применительно к государству *особым политико-правовым смыслом*. При анализе функций государства мы наглядно понимаем род деятельности его органов по управлению государством, а также методов осуществления соответствующих функций. Причём к содержательной стороне вопроса следует отнести предмет, цели, методы, а также формы и средства осуществления функций государства¹.

Таким образом, государство, выполняя те или иные функции в соответствующей сфере общественных отношений, посредством разнообразного политико-правового инструментария воздействует на состояние общественных процессов, на их динамику и направленность. В литературе справедливо отмечается, что в силу методологической сложности данной проблемы в орбиту научного поиска неизбежно вовлекаются и другие, не менее важные аспекты. В частности, статический и динамический ракурс проблемы и, тесно связанный с этим, момент понимания функциональности как таковой. Причём этот последний аспект обуславливает не только весь последующий алгоритм реализации функций, но и их системный характер. В этой связи использование программно-целевого подхода, задающего свойства функциональности любому элементу системы, в потенциале объясняет многогранность проблемы обнаружения дисфункций социальных систем².

Следует согласиться с суждением С. Н. Бабурина о том, что проблема осмысления функций государства может иметь методологическое решение только при осмыслении этических и социальных аспектов сущности государства как такового³. Сложно при этом опровергнуть и тезис, что само государство «является базовой общесоциальной ценностью»⁴.

¹ Беляева Ю. Н. О социальных функциях государства // Журнал российского права. 2016. №1. С. 100.

² Ковалева Е. А. Функции государства в аспекте программно-целевого подхода к управлению социальными процессами // Пробелы в российском законодательстве. 2011. №2. С. 78.

³ Бабурин С. Н. Сущность государства // Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект, 2014. С. 153.

⁴ Пожарский Д. В. Российское государство и полиция в системе конституционных ценностей // Труды Академии управления МВД России. 2019. №1(49). С. 8.

Вопрос о функциях государства имеет первостепенное значение, поскольку именно функциональный анализ позволяет с достаточно высокой степенью достоверности получить представление как о характере самого государства в целом, так и о социальном векторе его деятельности.

Основная проблема теоретического осмысления социальной функции государства кроется в неоднозначности и широте слова «социальная».

Кроме того, даёт о себе знать многоаспектность и слабая разработанность концепции социальных отношений и социальной сферы, которая, занимая чрезвычайно обширное пространство общественной жизни, характеризуется значительным разнообразием относящихся к ней явлений. Правоведы совершенно обоснованно отмечают, что социальные отношения не только олицетворяют непосредственные условия и процессы обеспечения человеческого существования, но и складываются между социальными общностями, охватывая все виды их деятельности (экономическую, политическую, культурную и др.). В сущности, они, охватывая все отдельные виды человеческой деятельности, имеют синкретический характер, не позволяющий провести чёткое разграничение одних явлений от других.

Следует также учитывать динамизм социальной сферы и социальных отношений. Последнее обстоятельство затрудняет определение чётких пределов социальной функции современного государства. В силу данного обстоятельства нельзя не согласиться с Е. В. Аристовым в том, что «понятия социального государства и социальности государства по факту являются на сегодня наименее исследованными ключевыми конституционными характеристиками современного демократического правового государства, притом что конституционно-правовое значение этой характеристики неоспоримо»¹.

Серьёзной проблемой является вопрос о генезисе социальной функции государства. В научно-исследовательской литературе существует два диаметрально противоположных взгляда на вопрос о времени появления социальной функции государства. Если одни авторы утверждают, что социальная функция присуща каждому государству уже с момента его возникновения, то другие учёные связывают её появление с определённым уровнем общественного развития. Например, А. В. Шарков в своём диссертационном исследовании в качестве положения, выносимого на защиту, сформулировал тезис: «Социальная функция государства присуща ему с момента

¹ Аристов Е. В. Социальность государства: зарубежный опыт конституционно-правового обеспечения: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 3.

образования»¹. В его работе содержится анализ развития философских представлений о функциях государства различных типов и цивилизаций от древневосточных до современных. Профессор В. Н. Жуков, напротив, неоднократно подчёркивает, что «социальная функция относительно новая»².

Компромиссную позицию занимают исследователи, которые, не отрицая проявления социальной функции уже на самых ранних этапах развития государственности, полагают, что применительно к современному этапу общественного развития она претерпела серьёзную трансформацию, став деятельностью государства, которая направлена на минимизацию различий в доступе членов общества к общественным благам».

Несомненно, краеугольной проблемой исследования выступает соотношение социальной функции современного Российского государства и его конституционно провозглашённого социального характера.

Необходимо отметить, что формирование социальной государственности представляет собой длительный процесс, который органически связан с утверждением в общественном сознании и социальной практике идей гуманизма, демократии, правового государства и развитого гражданского общества. Причём, задолго до институционализации социального государства в интеллектуальном наследии мыслителей Нового времени оформились два принципиально отличных подхода к пониманию социальной роли государства. Первый подход связан с именами Ж. Ж. Руссо, А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Т. Оуэна и других авторов, которые, не отрицая значимости индивидуальных свобод личности, тем не менее, исключительно в государстве видели силу, способную обеспечить подчинение общественного развития утверждению принципов равенства и социальной справедливости. Собственно говоря, именно этот эгалитарский подход оказал определяющее влияние на формирование современного европейского социального государства (*welfare state*), его особых функций и приоритетов. Впрочем, существенным катализатором процесса развития идей социальной государственности в странах Запада стало возникновение Советского государства, провозгласившего социальную ориентированность государственной власти. И, хотя практика реального социализма далеко не во всём

¹ Шарков А. В. Социальная функция государства: история и современность (формационные и цивилизационные аспекты): Дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2019. С. 10.

² Жуков В. Н. Государство. Право. Власть: философия и социология: монография. М.: Мир философии, 2015. С. 537.

соответствовала декларируемым целям, нельзя отрицать влияние реальных достижений социалистического государства на утверждение идеи социального государства в странах Западной Европы.

Идейными оппонентами обозначенного нами понимания государства выступали представители классической либеральной политической экономии, которые с помощью различных аргументов пытались обосновать вредность идеи регулирующей социальной роли государства. Их основной посыл сводился к следующему: всякое ограничение индивидуальной свободы в интересах всеобщего равенства неизбежно ведёт к деспотизму, а чрезмерная опека индивида делает его инфантильным, отучая от экономической и социальной активности. Олицетворяли данный подход имена А. Смита, Дж. С. Милля, Б. Константа, Дж. Локка.

Уже в XX веке, благодаря усилиям Ф. фон Хайека и Дж. Кейнса, приобрела окончательные формы доктрина либерального государства, поднявшая на свой щит идею незыблемости индивидуальной свободы, вменяя государству в качестве основной обязанности охрану этой свободы от любого вмешательства, в том числе и со стороны государства.

Мировой экономический кризис конца 20-х — начала 30-х гг. XX века дал мощный импульс новому этапу социализации современного государства. В 1930 г. Геллером было введено в оборот понятие «социальное правовое государство», которое предполагало законодательное закрепление принципа гарантированности государством социальных прав человека¹.

Анализ научных работ, посвящённых юридическому анализу социального государства, позволяет выделить, как минимум, три аспекта, раскрывающих его сущность.

Во-первых, в самом широком значении, не подразумевающим оценочной коннотации, понятие «социальное» равнозначно общественному, или связанному с обществом. Фактически, речь идёт о понимании *социального* в самом общем плане. Соответственно, говоря о социальном государстве, имеют в виду такую универсальную политическую организацию власти, которая несёт ответственность за существование социального организма как целостной системы. При этом оно выходит за узкие рамки представления о государстве как о «ночном стороже».

Во-вторых, возможна интерпретация слова «социальный» как указание на общественный статус человека, его связь с обществом. В этом смысле правовая конструкция «социальное государство» под-

¹ *Леонов И. В. Современное социальное государство: сущность, признаки, проблемы формирования. М.: МГИМО-Университет, 2006. С. 23.*

чёркивает существование обязанностей индивида по отношению к другим людям и обществу в целом.

Наконец, в-третьих, под социальным государством понимается такая властная политическая организация, которая стремится повлиять на распределение экономических благ в духе принципов справедливости, чтобы обеспечить каждому индивиду достойное существование.

В сущности, приверженцы третьего подхода обратились к общеденному пониманию слова «социальное» и связали современную государственность с конкретным историческим политическим движением, преследующим социальные цели. В этой связи важно подчеркнуть, что в современной научно-исследовательской литературе само явление социальной государственности рассматривается как *социальная инновация Запада, возникшая в ответ на проблемы, порождённые индустриальным капитализмом*¹.

Важно отметить, что в современных правовых исследованиях некоторыми правоведами предлагается разграничивать понятия «социальность государства» и «социальное государство». В частности, по мнению Е. В. Аристова, в первом случае речь идёт о характеристике государства, признаке, требовании. Во втором же случае мы имеем дело с определённым состоянием, данностью наличия в государстве, отражаемой в чертах его конституционного строя, государственного устройства, его текущем состоянии государственной политики, т. е. всем тем, что подпадает под данную характеристику².

Сама идея о том, что в число общих дел, которыми должно заниматься государство, должна входить и социальная защита населения, начала активно распространяться в общественном сознании уже в конце XIX столетия. Фактически, это была модификация абсолютистских представлений о заботе монарха о своих подданных. В новых исторических условиях она получила своё оформление в институте государственных пенсий, социальном страховании рабочих, государственном контроле над бедностью и т. п.

Первопроходцем здесь выступала Германия, где были предприняты как первые законодательные меры, так и наиболее обстоятельно разработана концепция социального государства. При этом в странах Западной Европы теория социального государства конкурировала с теорией государства социалистического. Впрочем, по-

¹ *Канарш Г. Ю.* Справедливость, демократия, капитализм: Пути модернизации России в XXI веке: монография. М.: Ленанд, 2020. С. 168.

² *Аристов Е. В.* Концепция проекта Социального кодекса Российской Федерации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2018. Том 48. №3. С. 510.

следнее могло определяться и несколько иначе. Например, австрийским правоведом и социальным мыслителем А. Менгером была предпринята попытка обоснования «нового учения о государстве», которое он определяет понятием «народное трудовое государство»¹. Показательно, что А. Менгер противопоставляет *социалистическое государство индивидуалистическому*. При этом положительным моментом в развитии последнего, по мнению исследователя, было то, что «оно открыло существование интересов неимущих классов, составляющих огромное большинство человечества»². Данное обстоятельство проявилось в создании учреждений, деятельность которых была направлена на благо неимущих слоёв населения (народное образование, санитарная и городская полиция, уголовное судопроизводство и т. п.). Впрочем, эти усилия были весьма незначительными. А. Менгер, противопоставляя индивидуалистическому государству народное трудовое государство, следующим образом раскрывает сущность этой новой политической организации, в которой *общественное и всеобщее блага будут совпадать*³. «Наиболее общей формулировкой его сущности будет та, что главной целью его государственной деятельности являются индивидуальные интересы больших народных масс. Господствующие и имущие должны отречься от отождествления своих личных интересов с общественным благом, как бы естественно ни было, с человеческой точки зрения, принимать своё личное благо за благо всех»⁴.

Важно отметить — не только в германском мире, но и в других европейских странах в конце XIX века раздавалась критика индивидуализма. В частности, основатель концепции солидаризма, французский конституционалист Л. Дюги, указывал, что *современные общества, и прежде всего французское, эволюционируют к социалистическому или скорее к солидаристическому воззрению*⁵.

Соответственно, государство «должно употреблять власть, которой оно располагает, на служение социальной солидарности, следовательно, оно обязано самим правом издавать все те законы, которые обеспечат каждому материальную и моральную возможность содействовать социальной солидарности, например, законы, обе-

¹ Менгер А. Новое учение о государстве: Создание правового фундамента народного трудового государства/А. Менгер; пер. с нем. под ред. В. Л. Шанцера. изд. 2-е. М.: Ленанд, 2015.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Менгер А. Указ. соч. С. 20–21.

⁵ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства: монография. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2016. С. 307.

спечаивающие каждому бесплатный *minimum* обучения, обеспечивающие средства для существования всякому лицу, не способному добыть их своим трудом, и, наконец, законы, позволяющие всякому человеку, могущему и желающему работать, найти труд»¹. Справедливости ради следует заметить, что Л. фон Мизес в своём известном обществоведческом трактате отнёс солидаризм к числу псевдосоциалистических систем².

Мыслитель обращает внимание на программный характер социалистического учения, как движения общества к идеалу. «Ведь социализм, — писал он, — есть программа преобразования экономической жизни и устройства общества в соответствии с определённым идеалом»³. И именно в России была предпринята первая попытка радикально активизировать социальную функцию государства.

Манфред Шпикер интерпретирует социальную государственность не только в качестве политической организации, которая стремится к социальной безопасности, но также и призванной служить достижению социальной справедливости, общественной интеграции и созданию возможностей для персонального развития личности. Именно сбалансированное приближение к этим целям, являющимся *интегральной составной частью общего блага, предопределяет легитимность социального государства*. При этом автор делает важное замечание: «В задачи социального государства не входит целиком и полностью заниматься осуществлением этих целей. Оно должно только следить за тем, чтобы общество в рамках определённых ему условий было в состоянии их осуществлять»⁴.

По мнению немецкого исследователя, именно персональное развитие индивида является той основополагающей целью социального государства, в которой могут быть сосредоточены все другие цели. В рамках данного подхода акцент делается не на институционализации социально-государственной системы, а именно на готовности и способности общества (прежде всего семьи, общественных объединений, предприятий и т. п.) проявлять инициативу, прилагать усилия и добиваться результатов. Ради достижения данной цели со-

¹ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства: Монография. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2016. С. 307.

² Мизес Л. фон Социализм: экономический и социологический анализ / Л. фон Мизес; пер. с англ. Б. Пинскера; науч. ред. Р. Левита. — М., Челябинск: Социум, 2016. С. 228–231.

³ Мизес Л. фон Указ. соч. С. 27–28.

⁴ Шпикер М. Социальное государство: принципы — границы — возможности // Нойхауз, Н. Ценности христианской демократии / Н. Нойхауз; пер. с нем. М.: Республика, 2005. С. 67.

циальное государство должно соблюдать принципы солидарности и субсидиарности.

Рассмотрим каждый из названных принципов более подробно.

Несомненно, именно принцип человеческой солидарности положен в основание идеи социального государства. Причём, солидарность выступает и как добродетель, призывающая человека быть готовым и способным последовательно добиваться общего блага, и как долг. Требование солидарного долга связано с решением множества проблем (вопросы трудоустройства, пенсионного обеспечения, социального страхования, помощи жертвам войны и их семьям, социальной помощи для защиты от нужды и т. п.).

В литературе справедливо указывается на финансовую генеалогию понятия солидарности. Как известно, первоначально речь шла об общедолговом (солидарном) обязательстве, когда несколько лиц, вместе получив банковскую ссуду, начинают нести перед кредитором солидарную ответственность.

Н. Нойхауз, анализируя проекцию *солидарности* на область социальных учений, выделяет три принципиально отличающихся понятия общественной солидарности.

Первый подход связывается исследователем с либеральной доктриной. Поскольку либеральный индивидуализм признаёт обязательство солидарности лишь в том случае, если оно опирается на договор, то можно утверждать, что индивидуалистической интерпретации в строгом смысле слова не существует, ибо, если личные интересы и интересы сообщества согласуются, то договор солидарен, в противном же случае — нет.

Второй подход — коллективистский — диаметрально противоположен либеральному индивидуализму и связан с марксистской интерпретацией развития общества, как арены классовой борьбы. Здесь солидарность проявляется лишь по отношению к пролетариату и партии, которая ведёт рабочий класс на борьбу с теми социальными силами, с которыми не может быть никакой солидарности (с классовыми врагами, реваншистами, реакционерами).

Третий подход, восходящий к социальному учению церкви, именуется исследователем персоналистской интерпретацией солидарности, которая охватывает все социальные группы, особенно наиболее уязвимые¹.

По мнению М. Шпикера, принцип солидарности «понимают неправильно, если толкуют его как постоянное расширение социально-

¹ Нойхауз Н. Ценности христианской демократии / пер. с нем. М.: Республика, 2005. С. 59–60.

государственной системы, как единственную защиту для нуждающихся в помощи. Он предполагает также солидарность с теми, кто за это платит, с теми семьями, которые своим трудом гарантируют договор поколений»¹.

Иными словами, если изменения в составе населения представляют угрозу для социально-государственной системы, в целях недопущения конфликта между поколениями, принцип солидарности с будущими поколениями должен рассматриваться в качестве ключевого условия стабилизации социального государства².

При этом важно учитывать, что категория солидарности является важнейшим принципом права. Из этого вытекает три принципиально важных положения.

Во-первых, принцип солидарности предполагает наличие определённых ограничений для законодателя, который, принимая новые законы, должен уважать ранее установленные нормативные правовые рамки.

Во-вторых, принцип солидарности предъявляет соответствующие требования к обществу и государству, настаивая на определённых мерах законодательного характера для устранения имеющихся нарушений. При этом данный принцип определяет содержание и границы законов, в пределах которых эти социальные изъяны могут быть устранены.

В-третьих, даже если необходимые законы отсутствуют, каждый человек в силу требований солидарности соответствующими мерами призван содействовать устранению социальных нарушений. Мобилизация общественной инициативы может принимать самые разнообразные формы (сбор пожертвований, профсоюзные инициативы, наконец, мирные публичные протесты)³.

Теперь рассмотрим принцип субсидиарности в контексте социального государства. Именно он, по мнению исследователей, является тем средством, которое оберегает государство от превращения в *несоциальное обеспечивающее* государство.

Как указывает М. Шпикер, данный принцип «постоянно напоминает социальному государству о том, что его действия всегда должны быть помощью для самопомощи, что в его задачи не должно входить постоянно снабжать граждан всем необходимым или брать на себя их личное развитие»⁴.

¹ Нойхауз Н. Ценности христианской демократии / пер. с нем. М.: Республика, 2005. С. 68.

² Там же.

³ Нойхауз Н. Указ. соч. С. 63–65.

⁴ Шпикер М. Указ. соч. С. 69.

Таким образом, субсидиарность базируется на следующей антропологической предпосылке: не система, оказывающая социальные услуги, но готовность и способность отдельных индивидов и их объединений проявлять инициативу и совершать определённые действия является той первоосновой, от которой напрямую зависит удача человеческой жизни.

В западноевропейской политико-правовой мысли разработка принципа субсидиарности имеет долгую историю. В частности, теоретическое его осмысление привело к оформлению множества теорий, восходящих как к философским воззрениям Аристотеля и Фомы Аквинского, так и мыслителей более позднего времени (Э. Мунье, Д. де Ружмона, А. Марка и др.). Предшественницей современного понимания принципа субсидиарности называют доктрину Альтузия, основанную на ортодоксальном кальвинизме. Согласно воззрениям Альтузия, различные сообщества и ассоциации играют чрезвычайно важную роль в процессе удовлетворения нужд отдельных лиц. Политическая же власть берёт своё начало в соглашении, заключённом между различными объединениями. Государству отводится роль координатора коллективных усилий, призванного обеспечивать симбиоз между ассоциациями граждан на основе консенсуса¹.

Не осталось чуждой исследуемая проблематика и католической традиции субсидиарности, которая наиболее последовательно разрабатывалась в русле доктрины католического персонализма. В целом ряде папских энциклик («*Rerum novarum*» — 1891 г.; «*Quadragesimo Anno*» — 1931 г.) звучит озабоченность социальной нестабильностью и указываются возможные пути реформирования общественного устройства. В энциклике «*Quadragesimo Anno*» субсидиарность обосновывается в качестве новой составляющей социальной философии римской курии, возводимой в принцип социальной организации².

¹ Анисимова Н. В. Исторические традиции принципа субсидиарности // Социальная роль права: история и перспективы. Материалы международной научной конференции / под ред. Ю. И. Скуратова. М.: Союз, 2003. С. 142.

² «Насколько неправильно забирать у индивида и передавать коллективу функции, с которыми может справиться частное лицо, настолько же несправедливо и неразумно забирать у объединений низшего порядка функции, которые они способны выполнить сами, и поручать их выполнение более обширной группе. Это правило является основополагающим, непоколебимым и непреложным принципом социальной философии. Сама природа и цель общественной деятельности заключается в помощи членам социума, но не в их разрушении и поглощении» (*Quadragesimo Anno, Actae Apostolicae Sedis*. XXIII. 1931. P. 203.)

Несомненно, конституционная характеристика Российской Федерации как государства социального коррелируется с мировой тенденцией, получившей теоретико-правовое осмысление и конституционное закрепление во многих зарубежных конституциях. При этом вопрос о понимании конституционных параметров социального государства и механизме его функционирования в отечественном правоведении остаётся открытым.

В частности, по мнению А. А. Клишаса, в настоящее время относительно широкое распространение получил формально-юридический подход к толкованию содержания социального государства. С этих позиций оно рассматривается как «конституционный принцип организации публичной власти»¹.

С точки зрения авторитетного российского правоведа в данном случае происходит смешение понятий в той части, в которой социальное государство относится к конституционно-правовой характеристике государства, определяющей его сущность как публичного феномена, и в той части, в которой речь идёт о юридическом закреплении механизма реализации государственных функций. Например, установление пенсий, пособий, иных социальных выплат и т. п.²

Говоря о конституционных индикаторах социального государства, следует иметь в виду, прежде всего, его активную, интервенционистскую деятельность, которая выражается в активном вмешательстве государства в сферу социально-экономических отношений, а также отношений в области культуры, духовной жизни общества, а в конечном счёте и в сферу политики в общих (общественных) целях. Разумеется, при этом далеко не всегда и в равной мере соблюдаются интересы всех слоёв общества и индивидов. Последнее замечание тем более важно, учитывая, что эти интересы могут иметь и диаметрально противоположную направленность.

Для уяснения сути вопроса необходимо принимать как данность асимметричность общества. Оно всегда асимметрично, в нём происходит постоянная борьба, конкуренция различных социальных групп и индивидов. Разумеется, она может принимать и разрушительный характер и задача государства не допустить подобный негативный сценарий развития ситуации. Однако социальная конкуренция имеет и положительную коннотацию, поскольку является мощным стимулом общественного развития.

Регулирующая роль социального государства, его социальная функция, заключается в обеспечении различными методами усло-

¹ Клишас А. А. Социальное государство: монография. М.: Международные отношения, 2017. С. 8.

² Там же.

вий для поступательного движения общества по пути социального прогресса. При этом юридическое содержание конституционного принципа социального государства определяют: во-первых, положение о социальной функции частной собственности¹; социальное партнёрство, обуславливающее отношения труда и капитала, наёмных работников и работодателей; предоставление социальных услуг всем членам общества; социально ориентированная экономика; социальная справедливость.

Некоторые представители российской юридической науки практически отождествляют социальную функцию (социальные функции) с самим социальным государством².

Нельзя игнорировать в высшей степени динамический характер рассматриваемой научно-практической категории «функции государства», претерпевающей существенные изменения в зависимости от трансформации политической и социально-экономической обстановки. Данное обстоятельство неизбежно влечёт видоизменение самих функций, их содержания, а также реализующих эти функции субъектов³.

В целом, на современном этапе развития из теоретического концепта социальное государство трансформируется в политико-правовую практику управления обществом посредством проведения социально ориентированной политики. Проблема социальности государства самым непосредственным образом связана с осуществлением им социальной функции.

1.2. МЕСТО И РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В юридических исследованиях новейшего периода акцентируется внимание на необходимости анализа функциональной характеристики современного государства с позиций системного подхода. Как справедливо отмечает В. А. Рыбаков, именно

¹ Интересный взгляд на социальную функцию частной собственности представлен в работе: *Донцов С. Е. Оправдание частной собственности: монография. М.: Оригинал-макет, 2015.*

² *Бабаев С. В. Теория функций современного Российского государства: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 12; Иваненко В. А., Иваненко В. С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционно-правовые аспекты: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 57–58.*

³ *Беляева Ю. Н. О социальных функциях государства // Журнал российского права. 2016. №1. С. 100.*

системность является дифференцирующим началом, призванным обеспечивать структурный анализ, наличие внутренних связей между различными элементами функций государства, наконец, целостность и устойчивость государства как системы более высокого порядка¹.

Правоведы справедливо указывают на тесную взаимосвязь социальной функции государства с такими функциями, как политическая, экономическая, экологическая, финансовая, правоохранительная².

При этом функциональные разграничения зачастую условны, что даёт учёным основания либо укрупнять отдельные функции за счёт включения в них близких направлений деятельности государства в определённой сфере, либо, наоборот, увеличивать число самостоятельных функций. Например, с точки зрения содержания политической функции, она складывается из таких направлений деятельности, как обеспечение государственной и общественной безопасности; обеспечение социального и национального согласия; подавление сопротивления противоборствующих социальных сил; охрана суверенитета от внешних посягательств³.

Совершенно ясно, что столь широкий диапазон проявлений политической функции затрагивает и социальную (обеспечение социального согласия), и правоохранительную (обеспечение государственной и общественной безопасности) функции.

В юридической литературе предложена классификация функций государства посредством структурирования горизонтального и вертикального уровней. Так, система функций горизонтального уровня предполагает выделение: политических функций как направлений деятельности государства в политической сфере; экономических функций как деятельности в экономической сфере; социальных функций как деятельности по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь человека и др.⁴

Следует подчеркнуть, что именно политическая функция государства рассматривается в качестве системообразующей, поскольку она «предопределяет содержание других функций государства, обеспечивает их реализацию»⁵.

¹ Рыбаков В. А. Функции государства: системный подход // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. №2 (51). С. 14–18.

² Новикова А. С. Социальная функция в системе функций Российского государства // Научный журнал КубГАУ. 2014. №104 (10): URL: <https://ej.kubagro.ru/2014/10/pdf/057.pdf>. С. 4–9.

³ Рыбаков В. А. Указ. соч. С. 14–18.

⁴ Рыбаков В. А. Указ. соч. С. 15.

⁵ Там же. С. 18.

Безусловно, политическая функция, определяя объём и направление социальных мероприятий, неизбежно тесно связана с социальной функцией государства: при отсутствии условий для жизнедеятельности человека, несоблюдении и необеспеченности его прав, неизбежно возникновение политических и социальных противоречий, рост недовольства государственной властью, что ведёт к социальным конфликтам.

Столь же очевидна и теснейшая связь социальной и экономической функций, поскольку именно от экономической политики в наибольшей степени зависит эффективность реализации социальной функции. Экономическая функция связана с формированием и координацией стратегических направлений государственной деятельности по развитию экономики. Именно за счёт экономического роста происходит увеличение государственного бюджета, являющегося условием для проведения масштабных социальных мероприятий. Иными словами, экономическая сфера общества создаёт условия для реализации социальной деятельности государства. В то же самое время растущее благосостояние граждан оказывает самое прямое влияние на экономическую активность населения.

Как полагает В. А. Рыбаков, «система функций государства горизонтального уровня — это цельная, взаимосвязанная деятельность всей системы государственных органов, направленная на гармоничное политическое, экономическое, социальное и духовное развитие общества, при непрерывном взаимодействии и сотрудничестве с другими государствами»¹.

В свою очередь вертикальная градация государственных функций предполагает выделение иерархического ряда, когда государство выражает свою сущность и содержание через сложную и иерархически организованную систему государственных функций. Соответственно, они размещаются в иерархическом порядке, понимаемом как тип структурных отношений в сложных многоуровневых социальных системах. Причём уровневая градация строится на таких категориях диалектики, как «общее», «особенное», «единичное» в которых находят выражение объективные связи государства и общества.

Вертикальный иерархический ряд предполагает выделение некой *общей функции государства*, которая, не охватывая в силу объективных причин, всего многообразия конкретных форм и путей деятельности аппарата, дифференцируется на функции более низкого порядка, т. н. *особенные функции*. Тем самым общая функция детализируется в деятельности других групп функций государства.

¹ Рыбаков, В. А. Указ. соч. С. 16.

За общей функцией (иногда в юридической литературе именуемой «главной» или «генеральной») закрепляется характеристика *системообразующей функции государства*. Как известно, обеспечение целостности и функционирования социального организма является абсолютным приоритетом. Следовательно, государство преследует цели организации власти и управления, которые, фактически, исчерпывают всё многообразие более конкретных целей, выступая имманентными характеристиками государства как специфической социальной организации.

В сущности, общая функция государства сводится к реализации общих дел, создающих объективные предпосылки человеческого существования. В этом смысле государство выступает силой, обеспечивающей общественную интеграцию, т. е. добывающейся в обществе мира и согласия. В современных развитых правовых порядках это, как правило, закреплено в национальных конституциях в виде целей и задач развития общества. Например, декларируется стремление к обеспечению мира и согласия, процветания и благополучия страны, построения правового социального демократического государства и т. д.

Общая функция государства применительно к различным сферам жизни общества дифференцируется на *особенные функции государства*, объектами которых выступают наиболее значимые социальные сферы. В данном случае «особенное» выступает неким объединяющим началом общего и единичного в рамках целого.

В свою очередь *единичные функции* выражают неповторимые (специфические) особенности явлений, составляющие их уникальную качественную и количественную определённую. В функциональной системе государства в качестве «единичного» выступают те функции, которые не подлежат дальнейшему дроблению. В научно-исследовательской литературе предложены различные термины для их обозначения: «неосновные», «производные», «вспомогательные». Пожалуй, наиболее верным является применительно к ним использование термина «конкретные». В качестве примера таких функций можно назвать функции налогообложения, финансового контроля и т. п.

Разумеется, предлагаемые учёными критерии классификации весьма условны (что, кстати, признают и сами авторы), поскольку невозможно раз и навсегда чётко определить критерии разграничения. Более того, каждая функция является объективно необходимой для конкретного государства. И все виды государственной деятельности равно важны, что, впрочем, не исключает возможности выделения на конкретно-исторических этапах приоритетных направлений, ко-

торые становятся основными. Трудно не согласиться с В. А. Рыбаковым в том, что «если мы говорим о направлениях действия государства сообразно с самой его природой, тогда мы имеем чёткие границы его действия в рамках определённой системы функций. За этими пределами возникает осознание неадекватности действий государства»¹.

Распространённым критерием классификации функций государства выступает *степень их значимости*. С этих позиций, соответственно, выделяются исследователями главные функции (направленные на решение наиболее важных, основополагающих задач, стоящих перед обществом) и производные (вспомогательные), которые имеют более узкие задачи и подчинены главным. Как справедливо отмечает В. Н. Жуков, в подобной классификации можно обнаружить здравый смысл, но также имеет место и определённая опасность чрезмерного и неоправданного дробления функций государства. В силу данного обстоятельства логичнее было бы рассматривать вспомогательные функции как составные части главных функций государства².

Если рассматривать социальную функцию в качестве главной, а это, несомненно, так, то в качестве производной от неё следует назвать, например, функцию индексации. Данная функция представляет определённый научный интерес, являясь примером интеграции и междисциплинарного синтеза правовой и экономической наук. Как справедливо полагает Ю. Л. Беляева, для эффективного осуществления направлений деятельности современного российского социального правового государства целесообразно посредством научного инструментария теории государства и права исследовать функцию индексации, которая традиционно рассматривалась исключительно в рамках экономической науки³.

Действительно, функция индексации в равной степени принадлежит как к экономической, так и социальной сфере современного государства, поскольку она «направлена на удовлетворение социальных потребностей населения, поддержание его уровня жизни и осуществляется посредством регулирования экономических институтов общества финансовыми способами и правовыми методами»⁴.

С позиций структурного анализа функция индексации выражается в создании условий, нацеленных на реализацию пред-

¹ Рыбаков В. А. Указ. соч. С. 17.

² Жуков В. Н. Государство. Право. Власть: философия и социология: монография. М.: Мир философии. 2015. С. 531.

³ Беляева Ю. Н. Указ. соч. С. 105.

⁴ Там же.

посылок, обеспечивающих конституционно провозглашённую достойную жизнь и свободное развитие человека. Она обладает следующими существенными признаками. Во-первых, территориальный масштаб осуществления данной функции охватывает всю территорию Российской Федерации. Во-вторых, с точки зрения социальной стратификации, реализация функции индексации направлена на экономическую стабильность отдельных социальных групп, выделение которых проводится по различным критериям: гендерному, демографическому, уровню занятости в экономике и её отдельных секторах. В частности, можно говорить о таких социальных стратах, как пенсионеры, инвалиды, студенты, работники государственных и муниципальных учреждений, органов государственной и муниципальной власти и т. п. В-третьих, по способу осуществления, несомненно, функция индексации — регулятивная, поскольку индексация является механизмом гармонизации денежных доходов населения в целях поддержания покупательской способности населения при росте потребительских цен. При этом очевидна социально-регулятивная направленность этой функции, поскольку её реализация способствует сокращению дифференциации и неравенства в доходах между различными социальными стратами. В-четвёртых, функции индексации, несомненно, присущ определённый дуализм: с одной стороны, это временная функция, поскольку как экономический феномен инфляция не является постоянным процессом; с другой стороны — она постоянная, поскольку реализуется через непрерывное создание условий для формирования определённого стандарта жизни населения.

Распространённым критерием классификации функций государства является выделение внутренних и внешних функций. В научной литературе справедливо отмечается, что в эпоху динамичного развития международной интеграции данное деление становится всё более условным. Если же рассматривать место социальной функции в данной системе координат, то, как правило, социальная функция рассматривается в качестве одной из внутренних функций. Впрочем, есть и иной подход, так, например, В. Н. Жуков, рассматривает социальную функцию в двух проявлениях — внутреннем и внешнем. Внешняя социальная функция государства, по мысли учёного, включает в себя три направления: во-первых, деятельное членство в международных организациях социального профиля (ВОЗ, МОТ); во-вторых, оказание гуманитарной помощи финансами, продовольствием, медикаментами и медицинским оборудованием, промышленными товарами и т. д.; в-третьих, участие в

создании международных нормативных актов о гуманном отношении к человеку¹.

Определённая логика в рассмотренном подходе есть, хотя традиционно перечисленные направления деятельности государства рассматриваются как проявление внешней функции государства в виде международного сотрудничества и взаимодействия с международными организациями и зарубежными государствами.

В ряде исследований социальная функция государства раскрывается как совокупность нескольких подфункций, где в качестве критерия выступают соответствующие её проявления. Так, обеспечение социальной безопасности человека, его жизни, здоровья и достоинства, а также поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, забота о безработных, лицах преклонного возраста, а также лицах, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, позволяет учёным выделить защитную социальную подфункцию государства. В свою очередь проведение структурных реформ в экономической сфере с целью придания ей более высокой степени социальной ориентированности, осуществление воздействия на процессы ценообразования, перераспределения доходов между слоями населения через бюджет, бюджетное финансирование социальных программ, а также нормативное правовое регулирование благотворительной деятельности позволяет говорить о регулятивной социальной подфункции государства. Обеспечение социального согласия и партнёрства, социальной справедливости, права человека на «собственный этнический путь» и т. д. связано с осуществлением стабилизирующей социальной подфункции. Наконец, контрольно-охранительную социальную подфункцию образует система мер, связанных с осуществлением контроля и охраны в сфере общественных отношений социальной направленности.

Функции отличаются комплексным, синтезирующим характером, за ними скрывается осознанная, целенаправленная деятельность всего государственного аппарата и каждого государственного органа, в частности. В них прослеживается прямая связь с целями и задачами государства, они никогда не бывают социально нейтральными, наоборот, отражают социально-классовую сущность государства, социальную направленность решения политических, экономических и культурно-воспитательных задач.

Как верно отмечает С. В. Калашников, функции и функциональные системы направлены на достижение определённой иерархии целей. В условиях возрастающей социальной активности государства,

¹ Жуков В. Н. Указ. соч. С. 539.

его функции приобретают целенаправленный характер, оформляясь в стройную функциональную систему.¹

Особенностью социальной функции современного государства является её направленность на достижение специфических целей, в других формах государственности не существующих. При этом происходит процесс «социализации» иных функций государства, которые приобретают социальную тональность.

С. В. Калашниковым предложена заслуживающая внимания концепция этапов развития социальных функций. Исследователь развивает тезис, согласно которому появление у государства новых социальных задач ведёт, с одной стороны, к появлению новых функций, специфических для социального характера государства, а с другой стороны, происходит определённая трансформация в сторону большей социальности традиционных функций.

На первоначальном этапе имели место такие функции, как функция регулирования трудовой деятельности, функция обеспечения общедоступности естественных благ и т. д. Затем произошло выделение экономических функций, направленных на достижение социальных целей. Речь, в частности, идёт о создании благоприятных экономических условий, регулирование природопользования, повышение уровня личного потребления и т. п. Позже появляются общие социальные функции (обеспечения доступного здравоохранения и образования, удовлетворения культурных запросов и др.). Наконец, появляются собственно социальные функции социального государства (обеспечение занятости, социальное обеспечение и пр.).

В результате, пройдя через указанные этапы, «социальные функции стали ведущими по отношению к другим государственным функциям, трансформируя их под социальные критерии»². Наиболее показательный пример трансформации под решение социальных задач представляет экономическая сфера, в которой получила развитие форма социально ориентированного рыночного хозяйства.

В целом, можно сделать вывод о существовании тесной диалектической взаимосвязи между функциями государства, что придаёт процессу реализации функций свойства системности и организованной целостности, поскольку вне этих свойств эффективное функционирование государства невозможно. Именно они придают процессу реализации функций государства необходимую целенаправленность, согласованность и последовательность. Благодаря им осуществляется координация и субординация усилий огромного

¹ Калашников С. В. Очерки теории социального государства. М.: Экономика, 2006. С. 104–105.

² Калашников С. В. Указ. соч. С. 106.

количества институтов управления, должностных лиц, служащих органов государственной власти и муниципальной службы.

Таким образом, функциональная система современного государства представляет собой взаимосвязанную деятельность всей системы государственных органов, направленную на гармонизацию политического, экономического, социального и духовного развития общества, его взаимодействие и сотрудничество с другими государствами, мировым сообществом.

1.3. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Важнейшим инструментом, с помощью которого реализуется социальная функция государства, обеспечивается социальная стабильность, создаются ключевые предпосылки развития, связанные с формированием человеческого капитала и гармонизацией отношений между различными социальными группами, является социальная политика. Закреплённая в правовой форме и имеющая актуальное значение для благосостояния народа, она является «практическим выражением социальной функции государства»¹.

Социальная политика охватывает многообразные формы воздействия государства на воспроизводство населения, миграционные процессы, трудовые отношения, распределение доходов, жилищную обеспеченность, функционирование сфер образования, здравоохранения, социальной поддержки и культуры².

Социальная функция государства проявляется в том политическом курсе, который проводит государственная власть посредством формулирования стратегических целей и национальных приоритетов, социальных задач, стоящих перед обществом, определения путей и механизмов их достижения и минимизации возможных социальных рисков.

Важно отметить, что само понятие социальной политики, являясь предметом достаточно широких научных дискуссий междисциплинарного характера, широко используется в практике государственного строительства, активно употребляется в разнообраз-

¹ *Осокина Ю. Ю.* Нормативно-правовое регулирование социальной функции государства в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №2. С. 19.

² *Социальная политика в России: долгосрочные тенденции и изменения последних лет / отв. ред. Я. И. Кузьминов, Л. Н. Овчарова, Л. И. Якобсон.* М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 6.

ных официальных документах. При этом объём данного понятия, представленный в различных источниках, подчас существенно отличается.

Следовательно, государственная социальная политика есть деятельность соответствующих властных субъектов, призванных выражать и обеспечивать прежде всего интересы сохранения и воспроизведения целостности государственно организованного социума, устойчивости (жизнеспособности) его социальной структуры, и, что немаловажно, относительно мирного взаимодействия в обществе социальных сил, направленных на противоречащие друг другу интересы. Иными словами, своей деятельностью государство призвано гарантировать реальную возможность цивилизованной политики в общенациональном масштабе. Другое дело, что в условиях развитого гражданского общества происходит существенная трансформация, в результате которой уже само общество становится центральным субъектом исторического процесса, а значит и ведущей силой исторического движения становится само общество. При этом государству отводится служебная (вспомогательная), а не самодовлеющая роль. Интересную мысль высказывает в этой связи В. И. Пернацкий, полагая, что в этих новых условиях «государство должно быть уже не политическим, а социальным»¹.

Впрочем, большинство отечественных учёных именно государству отводит ведущую роль в управлении социальными процессами. В современном российском правоведении чётко прослеживается аксиологический подход к пониманию феномена государственности². Как верно отмечал Л. С. Мамут, ценность государства как сложного многомерного объекта, взятого в его целом, несомненна и очевидна. «В качестве реально существующего факта государственность есть публично-властная форма организации социально стратифицированного общества. Эта организация объемлет собой всех членов данного общества и вместе с тем претворяется в систему отношений, норм, учреждений публичной власти»³. При этом само общество как форма жизни целого народа сталкивается с проблемами, которые в науке определяют как *целообщественные*, поскольку они касаются всего общества в целом. Поскольку народ структурно рас-

¹ Пернацкий В. И. *Философия политики и права: учебное пособие*. М.: РИОР: ИНнфра-М, 2013. С. 189.

² Тонков Е. Е. *Государство созидающее как вектор развития современной России: монография*. М.: Юрлитинформ, 2019.

³ Мамут Л. С. *Государствоведение: аксиологический подход // Политико-правовые ценности: история и современность: монография / под ред. В. С. Нерсисянца*. М.: Эдиториал Урсс, 2000. С. 135.

слоён и редко действует, будучи сосредоточенным на одну задачу как единое целое, по его поручению действует государство, ставя и решая целообщественные проблемы¹.

Социальная политика государства призвана решать, как минимум, четыре целообщественные проблемы: во-первых, проблему видения социальных перспектив; во-вторых, проблему определения социальных целей; в-третьих, проблему адекватного видения социальных возможностей; в-четвёртых, проблему минимизации социальных рисков.

Авторитетные российские правоведы — В.Я.Любашиц и Н.В.Разуваев — акцентируют внимание на необходимости различать понятия «политика социального правового государства», его «социальная» и «экономическая» политика. В частности, первое из перечисленных понятий является более широким, охватывающим два следующих понятия. «Политика социального государства, — отмечают учёные, — обеспечивает условия реализации права человека на достойную жизнь посредством социальной защиты индивида (социальная политика) и роста уровня жизни населения, социальных слоёв гражданского общества (экономическая политика)»².

По мнению исследователей, существует объективное противоречие между требованием непрерывности социальной политики с одной стороны и гибкостью циклической экономической политики правового государства — с другой. Оно разрешается следующим образом: при невозможности решения проблемы циклической политики экономическими мерами социальная сфера становится дополнительным средством экономической политики в виде сокращения социальных программ, уменьшения размера пособий и выплат социально обеспечительного характера и т. п. В этой связи оптимальная модель разрешения данного противоречия состоит в компромиссе между социальной и экономической политикой, но не за счёт средств государственной помощи, поскольку в этом случае соответствующие социально уязвимые группы населения могут оказаться за чертой бедности.

Итак, за отправную точку социальной политики берётся забота индивида о реализации его права на достойную жизнь. В современных развитых правовых порядках общепризнанными принципами социальной политики выступают:

- во-первых, принцип сочетания государственной и негосударственной (общественной) социальной помощи, её финансирование

¹ *Государственная и муниципальная социальная политика. Курс лекций: учебное пособие / под общ. ред. Н. А. Волгина. М.: КноРус, 2018. С. 35.*

² *Любашиц В. Я., Разуваев Н. В. Указ. соч. С. 367.*

осуществляется из налоговых поступлений, а также различных благотворительных фондов;

- во-вторых, принцип организации и осуществления самопомощи посредством различного рода страховых пособий;

- в-третьих, принцип развития пенсионного обеспечения, выступающего результатом государственной социальной политики и финансируемого из налогов.

В целом, социальная политика правового государства в общественной системе с рыночной экономикой строится на следующих постулатах. Институт частной собственности с присущим ему обладанием экономической властью ведёт к существованию в обществе неравенства в доходах, собственности и, соответственно, социальном статусе. Таким образом, участники экономического оборота имеют доходы, которые определяются их ролью и рыночной конъюнктурой. В обществах рыночного (капиталистического) типа легитимирующими нравственными основами выступают частное обеспечение, частная ответственность и солидарность. Иными словами, если в нерыночном обществе государство как единственный субъект социальной политики берёт, что называется, «всё на себя», то в обществе с развитой социально ориентированной рыночной экономикой оно выступает «ресурсом эффективной социальной политики, т. е. эффективных социально-политических взаимодействий»¹.

Согласно условию социальной солидарности, тот, кто не участвует в экономическом процессе, получает возмещающее пособие. При этом социальная защищённость населения осуществляется главным образом в виде денежного пособия, которое индивид может использовать по собственному усмотрению. Иными словами, потребности, которые не могут быть финансированы индивидом, удовлетворяются государственными и общественными организациями, которые и несут расходы.

В свою очередь социально ориентированная экономическая политика за отправную точку берёт общественную потребность в средствах жизнедеятельности. Принципами такой политики выступают: во-первых, государственная минимизация негативных последствий экономического цикла; во-вторых, более равномерное распределение доходов между социальными группами гражданского общества. «Первому принципу, — отмечают В. Я. Любашиц и Н. В. Разуваев, — соответствует политика государственного интервенционизма в рыночную экономику. Второму принципу — дистрибутивная по-

¹ *Государственная и муниципальная социальная политика. Курс лекций: учебное пособие / под общ. ред. Н. А. Волгина. М.: КноРус, 2018. С. 35.*

литика. Государства, проводящие эту политику, иногда именуется “государствами всеобщего благоденствия”. В теоретическом плане концепция государственного благоденствия вбирает в себя концепцию Дж. Кейнса, обосновавшего необходимость активного вмешательства государства в рыночную экономику»¹.

С точки зрения приверженцев политики экономического интервенционизма, которую также именуют структурной политикой, первоочередной задачей государства должна быть защита групп населения, экономических секторов от негативных последствий «рыночной стихии». Соответственно, методом осуществления такой политики является ограничение рыночных сил, конкуренции. При этом важно подчеркнуть, что происходящая в результате осуществления структурной экономической политики подмена рыночных функций государственными должна происходить при условии сохранения инвестиционной способности частных предприятий. В противном случае, если экономика будет подвергнута тотальному администрированию, экономический рост неизбежно утратит свою внутреннюю динамику.

Важно отметить, что на выработку стратегии социальной политики Российского государства постсоветского периода сильное влияние оказывали идеи либеральной политической философии, которые наиболее последовательно применительно к развитию социального законодательства были сформулированы Фридрихом Августом фон Хайеком². Мыслитель строил свою теорию на противопоставлении двух диаметрально противоположных взглядов на понимание общества. Согласно либеральному подходу, который разделял сам мыслитель, общество должно пониматься как некий *стихийный порядок*, наиболее очевидным выражением которого является рыночная стихия. Этому взгляду противопоставляется представление об обществе как о некой *финалистической* организации, которая служит достижению определённой конечной (финальной) цели³. В первом случае, согласно Ф. А. фон Хайеку, мы имеем дело со свободным обществом, которое другой активный приверженец либеральной идеи — К. Поппер назовёт *открытым*

¹ Любашиц В. Я., Разуваев Н. В. Указ. соч. С. 372.

² Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики/пер. с англ. — М.: ИРИСЭН, 2006; *Он же*. Конституция свободы/пер. с англ. М.: Новое издательство, 2018.

³ Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек / пер. с англ. под ред. А. Куряева. М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2008. С. 295.

обществом, а во втором — с тоталитарным (закрытым) обществом. Всякая политическая организация власти, задавшаяся целью реализации социального идеала и предпринимающая для его достижения активное государственное вмешательство в экономическую сферу общества, как полагал мыслитель, неизбежно, превращается в тоталитарную диктатуру. Наиболее последовательно эта мысль проводится Ф. А. фон Хайеком в его знаменитой работе «Дорога к рабству». Показательно, что её перевод и публикация в современной России, осуществлённая Фондом «Либеральная миссия» обосновываются актуальностью основной идеи книги, поскольку именно избыточное вмешательство государства в экономику является серьёзным препятствием на пути свободного развития нашей страны¹.

В этой связи важно отметить, что в другом своём программном труде — «Конституция свободы» Ф. А. фон Хайек доказывал несовместимость двух понятий — «правовое» и «социальное» — применительно к государству. Свою позицию мыслитель аргументировал следующим образом. Метаморфоза социальной государственности заключается в том, что эта организация «превращается в государство-семью, в котором патерналистская власть контролирует большую часть доходов общества и распределяет средства между людьми в тех формах и в тех количествах, в каких они, по его мнению, нуждаются или заслуживают»².

Данная социальная практика базируется на праве соответствующих государственных органов, наделённых дискреционными полномочиями, осуществлять индивидуализированное патерналистское воздействие, которое, неизбежно порождает дискриминацию (т. е. отсутствие правового равенства) между индивидами, вступая, таким образом, в противоречие с правовым характером государства.

Излишне говорить, что в развитых правопорядках эта позиция А. Ф. фон Хайека не получила поддержки. Наоборот, социальное государство рассматривается как наивысшая точка в развитии правовой государственности, именно как «правовое социальное государство». Этот тезис применим не только к правовой жизни западных обществ, но и к российскому социуму. В силу данного обстоятельства нельзя не согласиться с П. Л. Лихтером в том, что «осмысление развития России исключительно с позиций индивидуализма и либе-

¹ Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005. С. 5.

² Хайек Ф. А. фон. Конституция свободы / Ф. А. фон Хайек / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2018. С. 341.

рализма влечёт игнорирование базисных социокультурных факторов жизни населения»¹.

Подобное упрощение, справедливо полагает учёный-правовед, приводит к отраслевым деформациям, в результате которых рыночно-экономические начала соответствующих институтов становятся доминирующими, а социальные начала нивелируются.

Применительно к современной социальной государственности необходимо соотносить три фундаментальных понятия: «государство», «право» и «справедливость». На это верно указывал О. Хёффе, отмечая, что в пользу их систематического осмысления говорит не только энциклопедический интерес к максимально полному осмыслению человеческого общежития, но, прежде всего, имеющая решающее значение их систематическая связь. Данная связь, по мнению мыслителя, предполагает следующую *тройственную гипотезу*: «если человеческое общежитие хочет иметь легитимный характер, то оно должно: во-первых, иметь правовой характер; во-вторых, право должно обрести качество справедливости и, в-третьих, справедливое право должно быть защищено общественным порядком — а значит, принять облик государства — справедливого государства»². О. Хёффе, отмечал, что каждый из перечисленных элементов обладает статусом истинности не сам по себе, а лишь в совокупности. Причём изложенный трёхчленный тезис можно прочесть и в обратной последовательности: «1) государство обязано быть справедливым, 2) политическая справедливость образует нормативно-критический масштаб права, 3) справедливое право есть легитимная форма человеческого общежития»³.

Как верно отмечают Т. Н. Москалькова и В. В. Черников, государство и право находятся между собой в состоянии сложной функциональной зависимости. Право при этом выступает самым эффективным инструментом государственного управления. С его помощью государство оформляет свою волю на цели, направления и пути общественного развития. Именно в силу придания ей нормативности эта воля на движение вперёд становится обязательной для государственных органов, органов местного самоуправления, граждан, их коллективов и иных субъектов социальной жизни. Право оформ-

¹ Лихтер П. Л. Правовая категория «общее благо» в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации // *Lex Russica (Закон русский)*. 2019. №4 (149).

² Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / пер. с нем. Вл. С. Малахова при участии Е. В. Малаховой. М.: Гнозис; Логос, 1994. С. 11–12.

³ Там же. С. 12.

ляет державную организацию, определяет границы её деятельности, создавая юридические предпосылки для продуктивного функционирования всех звеньев государственного аппарата¹.

Одной из правовых форм реализации функций государства является правотворческая деятельность, которая в социальном государстве предполагает разработку нормативных документов стратегического характера и социальных стандартов².

Важным направлением реализации социальной функции государства является придание характера стратегического планирования. В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» формируется адекватный современному уровню общественного развития подход к решению социальных задач государства, предусматривающий разработку и реализацию мер организационного, нормативно-правового и методического характера³.

В формирующейся системе документов стратегического планирования можно выделить три группы документов.

Первую группу образуют целеполагающие документы. В частности, ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, указы главы Российского государства, доктрины, концепции, стратегии, основы государственной политики.

Вторая группа представлена прогнозирующими документами. К ним следует отнести прогноз социально-экономического развития на долгосрочный период, бюджетный прогноз на долгосрочный период, прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период и другие.

В третью группу объединяются планирующие и программирующие документы, например, государственные программы Российской Федерации, планы деятельности федеральных министерств и ведомств и др.

Как справедливо отмечает В. Ш. Сургуладзе, именно на прогнозирующие документы ложится особенно сложная задача предвидения будущих сценариев социально-экономического развития и обеспечения органов государственной власти пониманием того, какая ма-

¹ Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. 2-е изд. М.: Проспект, 2020. С. 15–16.

² Степушкина Е. И. Правотворческая деятельность социального государства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. №4. С. 194–200.

³ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2014. №26 (часть I). Ст. 3378.

териальная база, ресурсное обеспечение и фактический фундамент могут быть подведены под задекларированные в рамках целеполагающих цели и задачи¹.

Основными методами реализации социальной функций являются директивно-императивный, диспозитивный и индикативный (рекомендательный). Важнейшими средствами выступают поощрение, убеждение и легитимное принуждение, а также такие формы, как прогнозирование, разработка и принятие нормативных правовых актов и политико-правовых документов стратегического планирования, осуществление контроля за исполнением принятых решений.

Реализуя социальную функцию, государство задействует разнообразные ресурсы — материальные, интеллектуально-кадровые, материально-финансовые, информационные, силовые, демографические и др.

В целом следует признать, что именно правотворческой деятельности принадлежит ключевая роль, поскольку регулирование государством социальной сферы начинается с издания правовых норм и только затем можно говорить об их реализации, т. е. о правоисполнительной и правоприменительной формах осуществления социальной функции.

¹ *Сургуладзе В. Ш.* Актуальные проблемы прогнозирования в системе государственного стратегического планирования (на примере Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.) // *Власть.* 2016. №10. С. 20.

ГЛАВА II

Содержание социальной функции современного Российского государства

2.1. ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Исходным посылом исследования социальной функции современного Российского государства является чёткое понимание того, что в нашей стране сформировалась рыночная система экономических отношений, а такой системе априори присущ рисковый характер. В этих условиях на передний план выходит проблема минимизации социальных рисков, то, что они будут иметь место в условиях рынка, следует принимать как данность. Причём риски, как социальный феномен, вышли за рамки хозяйственных (экономических) отношений. Тектонические социальные трансформации последних десятилетий позволяют наиболее глубоким аналитикам оценивать современное общество как «общество риска». Как отмечал крупный диагност современности Уильям Бек, благодаря которому и было введено в пространство научного дискурса это ёмкое определение, риски уже не исчерпываются наступившими следствиями и нанесённым ущербом. «В них, — указывал он, — находит выражение существенная компонента *будущего*»¹. Утверждается осознание того, что риск невозможно устранить из социальной жизни. При этом социальный порядок в обществе риска детерминируется его нормативным идеалом. В этой парадигме безопасность становится главным ориентиром деятельности социальных институтов².

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: монография./пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 38.

² Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. №1. С. 3–35.

К концепции общества риска примыкает и концепция «общества травмы». При этом «травмированность» современного российского общества накладывает тяжёлый отпечаток на все проявления социальной активности личности. По мысли видного отечественного учёного, члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко, анализ современных социальных процессов невозможно выразить в терминах «эволюция — революция», в полный голос заявляет о себе третий феномен — «общество травмы»¹.

С точки зрения исследователя, либеральный экономический курс, проводившийся в Российской Федерации на протяжении последних трёх десятилетий, привёл к формированию общества травмы. При этом автор полагает, что общество травмы не может существовать вечно, «эта форма обязательно или превратится очередным революционным взрывом, или найдёт в себе силы и возможности для ненасильственной реализации логики развития и успешного существования общества»². Впечатляют приводимые автором монографии статистические данные. В частности, по данным *Global Wealth Report*, Российская Федерация лидирует по ряду важнейших показателей, характеризующих глубину социально-экономического расслоения российского общества. Так, 71% национального богатства оказался сосредоточенным в руках 1% населения страны³.

Возвращаясь к понятию социального риска, следует заметить, что он характеризуется как определённой внутренней структурой, так и внешними механизмами, обуславливающими его возникновение. В частности, структура социального риска охватывает рискованные события различного рода (рождение ребёнка, достижение пенсионного возраста, болезнь, инвалидность и т. д.), а также их последствия, которые выражаются в отсутствии, утрате или снижении дохода либо необходимости несения повышенных социально значимых расходов, появлении потребностей в медицинской помощи или иных видах социального обеспечения⁴.

В Российской Федерации защита личности от социальных рисков, как показывает анализ нормативных правовых актов, оперирует понятийно-категориальным аппаратом, не имеющим чёткого дефинитивного определения. Юридическая доктрина выражает их либо

¹ Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. С. 9.

² Там же. С. 301.

³ Там же. С. 43.

⁴ Фёдорова М. Ю. Правовые проблемы социальной защиты мигрантов в решениях Конституционного Суда РФ // Труды Института государства и права РАН. 2017. №1. С. 115.

одно через другое, либо выстраивает в некую иерархию. В частности, речь идёт о таких понятиях, как «социальная защита», «социальное обеспечение», «социальная поддержка», «социальная помощь».

Многие доктринальные трактовки понятий носят дискуссионный характер. Так, например, попытка определить социальную защиту как оказание помощи и поддержки нетрудоспособным гражданам и гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в объёме, который *должен отвечать требованиям достойной жизни*, вызывает обоснованную критику. В этой связи Е. Р. Метелёва справедливо замечает, что в современном обществе практически невозможно достичь согласия относительно того, какой именно уровень жизни можно считать «достойным». Кроме того, крайне проблематично достижение социального компромисса по вопросу о том, какие именно формы помощи и поддержки надлежит использовать в отношении граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации¹.

Профессор П. А. Астафичев указывает, что действующая Конституция России, следуя отечественным государственно-правовым традициям советского периода, воздержалась от институционализации *права на достойный жизненный уровень*, равно как и *права на достойное человеческое существование*. Впрочем, возможно, сказались и заимствование зарубежного конституционного опыта². Справедливости ради следует заметить, что право на достойный уровень жизни впервые в истории отечественного права было закреплено в Декларации «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики»³. Кроме того, в конституционном опыте европейских государств можно обнаружить

¹ Метелёва Е. Р. Определение ключевых терминов в социальной сфере // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. №1. С. 94.

² Астафичев П. А. Свобода экономической деятельности и право на достойный жизненный уровень в конституционном праве России // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2019. С. 70.

³ «Государственный суверенитет РСФСР провозглашается во имя высших целей — обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу — на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах» (Декларация Съезда народных депутатов РСФСР «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. №22-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. №2, ст. 22.)

примеры наполнения рассматриваемых понятий конкретикой¹.

В действующем российском правовом массиве обеспечение достойного уровня жизни получило закрепление в отдельных федеральных законах, подзаконных актах, а также политико-правовых документах, однако, меры по обеспечению достойного уровня жизни предусмотрены, главным образом, в отношении социально незащищённых категорий населения. Вряд ли столь узкое понимание субъектов права на достойный уровень жизни оправдано. Следует согласиться с тем, что само признание социальной государственно-сти стоять на страже достойного жизненного уровня для всех своих граждан является залогом устойчивого существования всей социальной организации как целостной системы, необходимым условием её самосохранения и совершенствования. Опыт наиболее успешных государств подтверждает данный тезис².

Велением времени является необходимость выведения права на достойное существование за узкие рамки законодательства о социальном обеспечении. Основная задача состоит в том, чтобы социализировать всё российское законодательство, а в качестве одного из критериев достижения поставленной цели и следует рассматривать развитие правового регулирования права на достойный уровень человеческого существования в его широком понимании.

¹ В качестве примера можно привести ст. 23 Конституцию Бельгии от 17 февраля 1994 г.: «Каждый имеет право вести жизнь, соответствующую человеческому достоинству.

С этой целью закон, декрет или норма, указанные в статье 134, гарантируют с учётом соответствующих обязательств экономические, социальные и культурные права и определяют условия их осуществления.

Эти права включают, в частности:

1°. Право на труд и свободный выбор профессиональной деятельности в рамках общей политики занятости, направленной, помимо прочего, на обеспечение достаточно стабильного и по возможности высокого уровня занятости; право на справедливые условия труда и вознаграждение, а также право на информацию, консультацию и коллективные переговоры;

2°. Право на социальное страхование, охрану здоровья, социальную, медицинскую и юридическую помощь;

3°. Право на достойное жилище;

4°. Право на здоровую окружающую среду;

5°. Право на культурное и социальное процветание» (Конституция Бельгии от 17 февраля 1994 года (консолидированный текст) // Конституции государств Европы: В 3-х т. Т. 1. М.: Норма, 2001. С. 344.)

² *Бакланова Е. В.* Истоки признания права на достойную жизнь в контексте разных правовых культур // *История государства и права.* 2006. №12. С. 6–9.

В этой связи заслуживает самого пристального внимания предложение о необходимости экологизации социального законодательства, социальных стандартов. Как верно полагает Д. С. Велиева, обязательным компонентом социальных стандартов достойного уровня жизни должны выступать экологические факторы. Их влияние на жизнь и здоровье каждого человека, на экономическое и социальное благополучие более чем очевидно. Признание на конституционном уровне экологической составляющей права на достойный уровень жизни следует рассматривать как соответствие требованиям современности¹. Применительно к проблеме защиты человека от социальных рисков следует заметить, что в целом ряде случаев они порождаются изъянами в развитии технической сферы современного общества.

Некоторые учёные-правоведы полагают, что в силу самого факта конституционного провозглашения России социальным государством (в совокупности с рыночной и конкурентной системой хозяйства, основанной на институте частной собственности и предпринимательской инициативе) имеются основания для фактической конституционализации в российской правовой системе права на достойный уровень жизни.

Реализация концепции права на достойный уровень жизни находится под влиянием как собственно социальных факторов, так и экономических. Рассуждая о взаимосвязанности и взаимообусловленности социальных и экономических принципов социальной политики государства, П. А. Астафичев, отталкиваясь от ретроспективного подхода к данной проблеме, приходит к следующим заслуживающим внимания умозаключениям.

Неразрывная связь социальной и экономической компонент прослеживается в кристаллизации такой базовой конституционно-правовой категории, как социально-экономические права. Все советские конституции, по мнению исследователя, основывались на сравнительно узком понимании социально-экономических прав граждан. В сущности, их нормативное содержание включало определённую сумму прав социального и экономического характера (право на труд, право на отдых, право на социальное обеспечение и т. д.). Действующая же конституционная модель базируется на принципиально иных теоретико-методологических конструкциях. «Не отрицая прав на труд, отдых, социальное обеспечение, образование, здравоохранение и культуру, действующий Основной Закон гарантирует, прежде всего, свободу предпринимательства и право

¹ Велиева Д. С. Проблемы конституционной концептуализации понятия «достойная жизнь» // Ленинградский юридический журнал. 2014. №2(36). С. 83.

частной собственности. Исходя из этого, государство не освобождается от бремени обеспечения права на труд, отдых, социальное обеспечение, образование, здравоохранение и культуру, но это бремя становится как бы «общей сферой» ответственности государства и гражданского общества. Государство теперь не может рассматриваться как основной источник социального обеспечения, гарантирующий наёмный труд посредством всеобщей занятости. Именно гражданин обязан стремиться к материальному обеспечению себя и своей семьи посредством предпринимательской или трудовой деятельности. Государство берёт на себя социальные обязательства лишь в некоторых случаях, большинство из которых обусловлено невозможностью самостоятельного удовлетворения гражданином его материальных потребностей. Данному методологическому подходу, — заключает П. А. Астафичев, в большей степени соответствует демократическая конституционная концепция права на достойный жизненный уровень»¹.

В сущности, позиция автора детерминирована экономическим фактором, который, подчиняя себе социальную составляющую, выражает узкое понимание права на достойную жизнь, которое сводится к материальным потребностям, имеющим стоимостное выражение, в то время как достойный жизненный уровень включает и нематериальные аспекты.

Между тем, именно «социальная защита» является наиболее всеобъемлющим понятием. Выступая в качестве одного из видов социальной политики современного Российского государства, она направлена на предотвращение социальных, экономических рисков и опасностей с которыми сталкиваются граждане, и устранение их последствий.

На современном этапе общественного развития защита личности от социальных рисков не может быть сведена лишь к преодолению их негативных последствий. Не менее значимым является прогнозирование и предупреждение рисков, их оценка и минимизация, например, путём распределения между индивидуальными и коллективными субъектами. В данном случае речь идёт о комплексном воздействии, представляющем собой управление социальными рисками. В результате такого целенаправленного воздействия на риски формируется принципиально новая, в большей степени соответствующая потребностям субъекта реальность защищённости².

¹ Астафичев П. А. Указ. соч. С. 71.

² Истомина Е. А., Фёдорова М. Ю. Правовое положение граждан как субъектов управления социальными рисками // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 579.

К сожалению, как показывает анализ действующего законодательства и правоприменительной практики, защита личности от социальных рисков в условиях рыночной экономики сужается до рамок поддержки, главным образом, социально уязвимых слоёв населения.

В современном правовом поле, причём как на международном, так и национальном уровне выделяется особая социальная страта — «уязвимая группа лиц». В правовой литературе обоснованно отмечается, что понятие уязвимости «характеризует не внутреннее самовосприятие, а внешнюю оценку рисков, в которых находятся или потенциально могут оказаться отдельные группы лиц, категории населения, индивиды»¹. Отмечая широту понимания «уязвимости» исследователями предлагается выделение таких её ипостасей, как естественная уязвимость и приобретённая уязвимость.

Так, говоря о приобретённой уязвимости, имеют в виду лиц, которые в силу определённых причин в большей или меньшей степени, нежели другие, подвержены влиянию негативных факторов и не способны противостоять отрицательным обстоятельствам жизни. В частности, речь идёт о лицах, которые могут стать жертвой социально-экономических кризисов или катастроф природного или техногенного характера. Наиболее очевидным примером потенциально высокой степени естественной уязвимости выступают дети.

Помимо понятия «уязвимая группа» выделяют и такие понятия, как «уязвимая занятость», «уязвимая ситуация» и т. д.

Существенным проявлением уязвимой занятости следует назвать явление самозанятости граждан. Инновационная экономика нацелена на активное внедрение информационных технологий, основанных на достижениях научно-технического процесса, что влечёт трансформацию традиционных форм организации труда и управления. Радикальным образом меняется структура занятости населения. Появляются нестандартные формы занятости, которые чрезвычайно разнообразны. В частности, речь идёт о дистанционной занятости, неполной занятости, неформальной занятости, случайной занятости и т. д. Разумеется, можно назвать ряд положительных аспектов данного явления (например, появление новых мотивов и стимулов трудовой деятельности, новых рабочих мест, дополнительных возможностей для трудоустройства лиц с низкой конкурентоспособностью и т. д.). Однако мы должны, прежде всего, сосредоточить наше внимание на ключевом социальном риске само-

¹ Несмеянова С. Э., Калинина Е. Г. Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт // Российское право: образование, наука, практика. 2017. №4. С. 8.

занятости — отсутствии надлежащей социальной защиты граждан, относящихся к данной категории.

Как отмечают исследователи, в отличие от представителей других по статусу занятости групп, самозанятые граждане находятся в более уязвимом положении в области социальной защиты. Так, представители рассматриваемой категории граждан не всегда могут претендовать на социальные гарантии государства и существующие меры социальной поддержки, включая защиту в случае конфликтных ситуаций с работодателями, в той же мере, как, например, работники наёмного труда¹.

В 2019 г. Центром социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС было проведено развёрнутое социологическое исследование, посвящённое оценке распространённости самозанятых на отечественном рынке труда. Согласно полученным эмпирическим данным, на российском рынке труда работают около 22,4% самозанятых в общей численности занятого населения. Причём для 10% населения подобная занятость является основным и единственным источником дохода, а 12,4% с различной периодичностью подрабатывают в качестве самозанятых. При этом исследователи подчёркивают, что значительная часть самозанятых граждан (64,1%) работают вне правовых взаимоотношений, что, собственно говоря, и позволяет органам власти воспринимать данную деятельность как исключительно «теневую», осуществляемую вне правового поля².

Как полагают аналитики, при эффективном регулировании деятельности самозанятых граждан на государственном уровне, возможно решение ряда взаимосвязанных задач: увеличения предпринимательской активности, реализации трудового потенциала населения и создания новых рабочих мест. Разумеется, поддержка самозанятых позволит снизить уровень безработицы и социальной напряжённости. Однако ключевым условием эффективного регулирования деятельности самозанятых граждан является, помимо полноценной законодательной базы, осуществление лояльной налоговой политики³.

В настоящее время нормативная правовая база для деятельности самозанятых граждан находится в стадии формирования. Так, в июле 2017 г. были внесены изменения в Гражданский кодекс, преду-

¹ Покида, А. Н., Зыбуновская, Н. В. Самозанятые граждане и социальные гарантии // *Власть*. 2020. №3. С. 169.

² Покида, А. Н., Зыбуновская, Н. В. Указ. соч. С. 166–167.

³ Карпова, Т. Ю., Арбаев, Г. Э. Самозанятость в Российской Федерации: проблемы и пути развития // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2017. №6. С. 98.

смастривающие возможность граждан заниматься отдельными видами предпринимательской деятельности без образования юридического лица и без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя¹. Однако при этом остаётся открытым вопрос правового статуса самозанятых. Анализ обновлённой редакции ст. 23 ГК РФ даёт основания рассматривать деятельность самозанятых граждан как предпринимательскую².

С 1 января 2019 г. федеральный законодатель инициировал проведение эксперимента по легализации самозанятых граждан³. Первоначально проведение эксперимента осуществлялось в четырёх субъектах Российской Федерации, затем поэтапно к участию в нём подключались всё новые и новые регионы. К настоящему времени эксперимент по установлению специального налогового режима охватывает практически всю Россию.

В числе первоочередных мер исследователями предлагаются следующие шаги: во-первых, сформировать полноценную законодательную базу; во-вторых, определить правовой статус самозанятых; в-третьих, создать лояльную систему налогообложения самозанятых.

Важнейшим направлением защиты личности от социальных рисков выступает эффективно функционирующая система пенсионного обеспечения. На протяжении долгого времени (ещё с советских времён) ключевым достоинством пенсионной системы признавалась её предсказуемость. Каждый работающий имел возможность рассчитать заранее будущий размер своей пенсии. Именно советская и постсоветская модели заложили в сознание работающих граждан чёткое представление о том, что по достижении установленного пенсионным законодательством возраста и при наличии требуемого стажа, государство гарантирует им пенсию по старости. Однако отрицательная демографическая динамика последних десятилетий привела к старению населения. В результате рост числа пенсионеров опережал количество работающих трудоспособных граждан,

¹ О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 26 июля 2017 г. №199-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2017. №31 (Часть I). Ст. 4748.

² «В отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя».

³ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. №422-ФЗ (в ред. от 15.12.2019) // Собр. законодательства РФ. 2018. №49 (Часть I). Ст. 7494.

создавая существенную нагрузку на государственный бюджет. В поисках выхода из возникшей проблемы была предложена новая модель пенсионной системы, в основу которой было положено гибкое формирование пенсионных прав. Как отмечает И. В. Карданова, данный подход получает всё большее распространение в странах со стареющим населением (например, в ФРГ, Италии, Швеции и др.) и выражается в том, что пенсионные права накапливаются не в денежных, а в условных расчётных единицах (баллах), стоимость которых определяется с учётом имеющихся финансовых ресурсов¹.

В 2015 г. в российское пенсионное законодательство было введено условие о наличии индивидуальных пенсионных коэффициентов. Причём, эти показатели ежегодно увеличиваются. В частности, в 2020 г. для выхода на пенсию требуется 11 лет страхового стажа и 18,6 пенсионных балла, а к 2025 г. эти показатели, достигнув 15 лет и 30 баллов соответственно, перестанут расти².

Поскольку ключевым параметром пенсионной системы солидарного типа, каковой является российская пенсионная система, выступает соотношение численности работников, за которых уплачиваются страховые взносы (застрахованных) и численности пенсионеров, то при неблагоприятной демографической ситуации в стране оптимальным способом признаётся повышение пенсионного возраста. В качестве обоснования необходимости проведения пенсионной реформы её сторонниками активно приводились статистические данные, свидетельствующие о старении населения³.

В свою очередь оппоненты пенсионной реформы, также ссылаясь на статистические данные, заявляли, что в современной России средняя продолжительность жизни остаётся низкой и продолжительность пребывания на пенсии крайне мала, а значительная часть населения и вовсе не доживает до пенсии.

¹ Карданова И. В. Проблема реализации прав граждан на пенсионное обеспечение // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 20. М.: Юрист. 2020. С. 213–214.

² О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. №400-ФЗ (в ред. от 01.10.2019) // Собр. законодательства РФ. 2013, №52 (Часть I), ст. 6965.

³ «В 2015 г. доля лиц старше установленного пенсионного возраста (мужчин — 60+, женщины 55+), по данным Росстата составила 24,56%, а к 2030 г. возрастёт до 28%, по оценкам отдела народонаселения ООН к 2030 г. — 26,8%, к 2050 г. — 33,4%. Для сравнения: в 1939 г. эта доля составляла 8,6%, в 2002 г. — 20,5%» (Горлин Ю. М., Ляшок В. Ю., Малева Т. М. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // Экономическая политика. 2018. Т. 13. №1. С. 151).

Следует особо отметить, что острая научная дискуссия и широкий общественный резонанс в контексте конституционных стандартов достойной жизни связан именно с пенсионной реформой, в части, касающейся повышения пенсионного возраста.

Оценка конституционности модели пенсионной реформы должна осуществляться с учётом правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом РФ.

Во-первых, необходимо соотнесение ст. 39 Конституции РФ, закрепляющей право на социальное обеспечение по возрасту с другими нормами основного закона. Причём конституционный принцип социального государства выходит за рамки собственно социально-экономической сферы общественных отношений, наделяя государство значением фактора общественного благополучия. В силу данного обстоятельства «социальная политика государства, преследуя цель равномерного содействия благу всех граждан и распределения имущественной нагрузки пропорционально их экономическим возможностям, одновременно выступает условием социальной стабильности и, в конечном счёте, прочности конституционного строя»¹.

Во-вторых, законодатель обладает довольно широкой свободой усмотрения в сфере правового регулирования конституционных гарантий в социальной сфере, и может закрепить в законе правовые основания назначения пенсий, их размеры, порядок исчисления и выплаты. Он также вправе изменять установленное им в данной сфере регулирование, учитывая финансово-экономические возможности государства на соответствующем этапе его развития. При этом он должен соблюдать принципы справедливости, равенства, соразмерности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, которые предполагают сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм.

В-третьих, принципиальное значение имеет правовая позиция Конституционного Суда РФ о недопустимости отмены или умаления прав граждан. Следовательно, законодатель не вправе издавать законы, отменяющие или умаляющие права граждан. Помимо этого следует запрет введения не имеющих объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, находящихся в одинаковых или сходных обстоятельствах.

В-четвёртых, в целях сохранения разумной стабильности правового регулирования и поддержания доверия граждан к закону и

¹ *Дорошенко Е. Н.* Конституционные стандарты достойной жизни и свободного развития человека при проведении пенсионной реформы // Актуальные проблемы российского права. 2018. №12 (97). С. 44.

действиям государства недопустимо внесение произвольных изменений в действующую систему норм.

В-пятых, необходимо сохранение достигнутого уровня социальной защиты. Согласно сформулированной правовой позиции, в силу имеющейся у законодателя дискреции, само по себе изменение источников и форм социального обеспечения граждан не противоречит Конституции РФ при условии, что обеспечивается сохранение и возможное повышение достигнутого уровня социальной защищённости соответствующей категории граждан; кроме того, сохраняется разумная стабильность правового регулирования.

В-шестых, необходима обоснованность дифференциации правовых условий и оснований назначения пенсий. Например, в отношении разницы в пенсионном возрасте для мужчин и женщин в обоснование были положены не только физиологические различия между полами, но и осознание особой роли материнства в обществе.

В-седьмых, федеральному законодателю, обладающему широкой дискрецией в сфере регулирования систем обязательного и добровольного пенсионного страхования, а также государственного пенсионного обеспечения надлежит учитывать финансово-экономические возможности государства на соответствующем этапе его развития.

В-восьмых, поскольку основным содержанием пенсионного обеспечения является предоставление средств к существованию, а пенсия имеет особое значение для поддержания материальной обеспеченности пенсионеров, на законодательном уровне необходимо обеспечивать стабильность правового положения пенсионеров. Гражданин, как участник пенсионного правоотношения, согласно сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции, должен быть уверен в стабильности своего официально признанного статуса и в том, что приобретённые в силу этого статуса права будут уважаться и реализовываться государством¹.

Важным аспектом защиты личности от социальных рисков является социальная защита мигрантов. В научно-исследовательской литературе справедливо обращается внимание на то, что построе-

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, их семей» в связи с жалобой гражданина С. В. Иванова: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. №1-П // Собр. законодательства РФ. 2016. №4. Ст. 551.

ние общего рынка труда между странами ближнего зарубежья предполагает необходимость интеграции как социально-экономических, так и правовых систем в целях защиты социальных и трудовых прав граждан интегрирующихся государств¹.

Как верно отмечает М. Ю. Фёдорова, миграционный фактор социального риска оказывает влияние не только на самих мигрантов, но и на население принимающей страны. Соответственно, специфика социальных рисков, порождённых миграцией, требует комплексного подхода к организации системы социальной защиты мигрантов, которая сориентирована на предупреждение социальных рисков, а также нейтрализацию их последствий².

Совершенно очевидно, что помимо социальных рисков, которым подвержены как граждане Российской Федерации, так и мигранты (безработица, болезнь, инвалидность, рождение и воспитание детей, старость и т. д.), на рассматриваемую социальную категорию оказывают влияние риски, обусловленные изменением места жительства и вызывающие необходимость жилищно-бытового обустройства, оказания мигрантам медицинской помощи, содействия занятости. При этом следует заметить, что сами мигранты могут выступать для принимающей стороны источником опасностей и угроз.

Особого внимания заслуживает защита трудовых прав мигрантов, поскольку трудовая миграция является заметным явлением социально-экономической жизни Российской Федерации. Причём, существенная часть занятости работников-иностранцев сконцентрирована в теневой экономике, характеризуя их положение как крайне нестабильное, выражающееся неопределённостью и усечённостью их социально-правового статуса. Согласно оценкам экспертов свыше 3 млн мигрантов работают на территории Российской Федерации без разрешительных документов, т. е. незаконно.

Как известно, в Конвенции МОТ №143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» используется неизвестное национальному российскому законодательству определение «трудящийся-мигрант», но поскольку её положения распространяются исключительно на лиц, въехавших в страну в качестве трудовых мигрантов,

¹ Эсмантович И. И. Социальная защита прав мигрантов как одно из направлений деятельности социального государства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. №3–2. С. 221–224.

² Фёдорова М. Ю. Правовые проблемы социальной защиты мигрантов в решениях Конституционного Суда РФ // Труды Института государства и права РАН. 2017. №1. С. 117.

исключается сама возможность применения её положений к нелегальным мигрантам¹.

Применительно к легальным трудовым мигрантам используется закреплённое в Федеральном законе №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» понятие «иностранный работник»², которое, в сущности, совпадает с термином «трудящийся-мигрант» Конвенции МОТ.

Исследователи полагают, что реструктуризация российской экономики и занятости идёт в русле общемировых тенденций, давая основания полагать, что в ближайшей перспективе российская экономика будет зависеть от притока мигрантов в той же мере, в какой это наблюдается в экономиках развитых стран. По данным МВД России, в 2019 г. численность иностранных граждан, получивших разрешительные документы на работу в Российской Федерации, составила 1793,7 тыс. человек, причём основной приток трудовой миграции идёт из стран СНГ (1709, 8 тыс. чел.).

На современном российском рынке труда довольно отчётливо выкристаллизовываются секторы преимущественной занятости мигрантов. Поистине огромные масштабы теневой экономики России стимулируют нелегальную миграцию. Труд мигрантов-нелегалов прочно срастается с теневой экономикой, дешёвая рабочая сила активно используется недобросовестными предпринимателями.

Следует отметить, что Российским государством реализуются определённые меры, направленные на сокращение нелегальной миграции. В частности, с одной стороны законодательно были упрощены процедуры регистрации по месту временного жительства и получения разрешения на работу для мигрантов из стран СНГ. С другой стороны, с 1 января 2015 г. все иностранные работники, прибывшие в Российскую Федерацию в безвизовом порядке, должны приобретать патент. С этого момента обычные разрешения на работу выдаются иностранным гражданам, въехавшим на территорию Российской Федерации, по визе. Действующая нормативно-правовая база предусматривает при официальном найме иностранного работника возникновение у работодателя ряда дополнительных обязанностей как административно-правового, так и социального характера. По-

¹ Воробьёва И. В. Труд мигрантов в России: декларации и реальность // Прекариат: становление нового класса: коллективная монография / под ред. Ж. Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. С. 263.

² О правовом положении иностранных граждан в российской Федерации: Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. №115-ФЗ (в ред. от 01. 03. 2020) // Собр. законодательства РФ. 2002. №20. Ст. 3032.

мимо этого, за выдачу работодателю разрешения на привлечение и использование иностранных работников необходимо заплатить 10 тыс. руб. за каждого привлекаемого работника. Вместе с тем эксперты отмечают, что часть работодателей по-прежнему заинтересована принимать на работу иностранных работников, легально въехавших на территорию нашей страны, без разрешения на работу¹. Как правило, в современной ситуации работодатели заставляют иностранных работников-нелегалов принимать все риски на себя, оформляя фиктивную регистрацию и другие документы, например поддельное разрешение на работу. Нередки случаи, когда граждане Российской Федерации (главным образом пенсионеры) за небольшое вознаграждение фиктивно оформляются на работу, которую фактически выполняют трудящиеся-мигранты. Как отмечают П. П. Лисицин и А. М. Степанов, именно работодатели являются инициаторами перевода работников-мигрантов в «серое» правовое поле. При этом полученные исследователями эмпирические материалы красноречиво свидетельствуют, что подавляющее большинство интервьюированных работников-мигрантов были бы рады легализоваться, однако понимают, что их сомнительный статус, связанный с нахождением в «сером» правовом поле, даёт им определённые конкурентные преимущества при найме на работу, которое осознают работодатели и которое видят сами мигранты. Согласно полученным результатам полевых социологических исследований, например, в г. Санкт-Петербурге, в среднем продолжительность рабочего времени нелегального трудового мигранта составляет 10–12 часов в день. Схожая ситуация наблюдается и в других городах. Совершенно очевидно, что указанная продолжительность рабочего времени существенно превышает существующие нормативы, позволяя работодателю получать дополнительную прибавочную стоимость, а мигранту — успешно конкурировать при приёме на работу с российскими гражданами, работающими по официальным нормативам, предусматривающим и определённый «социальный пакет». Таким образом, «серое» правовое поле стало неформальным правилом миграционного взаимодействия, общим как для мигрантов, так и для работодателей. Показательно, что в современной России новые трудовые мигранты (работающие менее месяца), прибыв впервые на принимающую территорию, даже не стремятся работать в легальном правовом поле,

¹ В настоящее время установлены довольно высокие штрафы за привлечение к труду иностранцев и лиц без гражданства, у которых отсутствует разрешение на работу. Так, размер штрафа для физических лиц установлен в диапазоне от 2000 до 5000 рублей; для должностных лиц — от 25 000 до 50 000 руб., а для юридических лиц — от 250 000 до 800 000 руб.

но, зная о существовании «серой» зоны, изначально стремятся работать именно в ней¹.

Принцип недопустимость дискриминации в сфере образования, получивший закрепление в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», требует, среди прочего, распространения социальных гарантий на граждан, потерявших кормильца и проходящих обучение в образовательных организациях, вне зависимости от правового статуса данной организации. Общими основаниями соответствующих социальных гарантий являются: потеря кормильца; обучение в образовательной организации; недостижение лицом возраста 23-х лет. Конституционным Судом РФ в 2009 г. была сформулирована правовая позиция, согласно которой лица, потерявшие кормильца и проходящие обучение в образовательной организации иностранной юрисдикции, относятся к одной и той же категории, и способ поступления в иностранное образовательное учреждение не может ограничивать реализацию социальных гарантий².

Конституционный Суд РФ указал, что при освоении лицом образовательной программы в очной форме — в отличие от обучения по очно-заочной (вечерней) и заочной формам — устанавливается максимальный объём аудиторной учебной нагрузки, предполагающий обучение в качестве основного вида деятельности обучающегося. Данная специфика соответствующей формы организации учебного процесса существенно ограничивает возможности приобретения детьми умершего кормильца, обучающимися по очной форме обучения, постоянного источника средств к существованию за счёт самостоятельной трудовой деятельности. В этой связи отнесение

¹ Лисицин П. П., Степанов А. М. Формы взаимодействия низкоквалифицированных трудовых мигрантов и работодателей в принимающих обществах (на примере Греции, России и Франции) // Журнал исследований социальной политики. 2018. Том 16. №4. С. 617

² По делу о проверке конституционности пункта «а» части третьей статьи 29 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», пункта 3 статьи 57 Закона Российской Федерации «Об образовании» и подпункта 1 пункта 2 статьи 9 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н. С. Лаппы: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2009 г. №18-П // Собр. законодательства РФ. 2009. №49 (2 ч.). Ст. 6041.

их к числу нетрудоспособных членов семьи умершего кормильца, имеющих право на получение пенсии по случаю потери кормильца, обусловлено тем, что эти лица, лишившись необходимого материального содержания, для завершения процесса обучения нуждаются в поддержке со стороны государства.

Сформулированная Конституционным Судом РФ правовая позиция, позволила Суду в другом своём постановлении — от 5 декабря 2017 г. №36-П признать частично неконституционными положения Федерального закона от 28 декабря 2013 г. №400-ФЗ «О страховых пенсиях». В итоговом решении Конституционного Суда РФ было указано, что реализация гражданином РФ права на выбор организации, осуществляющей образовательную деятельность, предполагает возможность обучения как в российских, так и в иностранных учебных заведениях. Причём действующее законодательство не препятствует самостоятельному (без направления на учёбу) поступлению российских граждан в иностранные образовательные организации (в том числе при отсутствии соответствующего международного договора Российской Федерации о сотрудничестве в области образования)¹.

В условиях интеграции российской системы образования в мировое образовательное пространство, развития международной академической мобильности обучающихся, как указал Конституционный Суд РФ, не ограничивается только российскими образовательными организациями. Это в полной мере соответствует как Конституции РФ, так и международно-правовым актам, в частности Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, из статьи 13 которого вытекает запрет умаления свободы выбора учебного заведения².

Конституция РФ провозглашает право каждого на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда.

В свою очередь трудовое законодательство определяет оплату труда работника как вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий

¹ По делу о проверке конституционности пункта 1 части 2 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с запросом Кузнецкого районного суда Пензенской области: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2017 г. №36-П // Собр. законодательства РФ. 2017. №51. Ст. 7911.

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень Верховного Суда. 1994. №12.

выполняемой работы, а также компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные выплаты компенсационного характера) и стимулирующие выплаты.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, каждому работнику в равной мере должны быть обеспечены как заработная плата в размере не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, так и повышенная оплата в случае выполнения работы в условиях, отклоняющихся от нормальных, в том числе при совмещении профессий (должностей). В противном случае месячная заработная плата работников, привлечённых к выполнению работы в условиях, отклоняющихся от нормальных, не отличалась бы от оплаты труда лиц, работающих в обычных условиях. Иначе говоря, работники, выполняющие в рамках установленной продолжительности рабочего дня (смены) наряду с основной трудовой функцией дополнительную работу в порядке совмещения профессий (должностей), оказывались бы в таком же положении, как и те, кто осуществлял работу только по профессии (должности), определённой трудовым договором (основную трудовую функцию)¹.

В другом своём решении Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, согласно которой в механизме правового регулирования оплаты труда дополнительная гарантия в виде минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации должна в соответствующих случаях применяться вместо величины минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом, не заменяя и не отменяя иных гарантий, предусмотренных Трудовым кодексом РФ².

Важными направлениям социальной функции Российского государства являются защита материнства и детства, многодетный се-

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой-четвёртой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г. П. Лукичова: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2019 г. №40-П // Собр. законодательства РФ. 2020. №52 (часть II). Ст. 8137.

² По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвёртой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. С. Григорьевой, О. Л. Дейдей, Н. А. Капуриной и И. Я. Кураш: Постановление Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. №38-П // Собр. законодательства РФ. 2017. №51. Ст. 7913.

мей, пожилых людей и инвалидов. К сожалению, объём работы не позволяет проанализировать каждую из страт более детально, тем не менее, анализ научно-исследовательской литературы свидетельствует о существовании множества проблем, связанных с защитой личности от социальных рисков. Нерешённость многих вопросов ведёт к росту социального напряжения.

Как отмечают аналитики, динамика недовольства значительной части российского общества является реакцией на тенденцию вытеснения государства из социальной сферы и замещения его рыночными структурами.

В целом следует признать, что современное российское общество с полным основанием может быть охарактеризовано как «общество риска». В этой связи остро встаёт проблема теоретико-правового анализа понятия социального риска. Необходимо также приступить к разработке концепции управления социальными рисками и с этих позиций дальнейшее совершенствование правового регулирования социального обеспечения.

Важно также отметить, что специфика социальных рисков связана как с биосоциальной сущностью человека, так и с закономерностями функционирования общества.

Защита от социальных рисков не может быть сведена исключительно к преодолению их последствий. Существенное значение приобретают также прогнозирование, предупреждение социальных рисков, их оценка и минимизация.

Наконец, следует признать, что комплексное правовое воздействие на социальные риски осуществляется различными отраслями российского права, в частности административным, финансовым, трудовым, гражданским. Данное обстоятельство придаёт особую актуальность отраслевым, межотраслевым и междисциплинарным исследованиям данного вопроса.

2.2. СОЗДАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК МОДЕРНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Социальная функция современного отечественного государства в значительной мере отражает характерные черты российской модернизации. Показательно, что если в странах Запада с их рыночной экономикой понятие «система социальной защиты населения» получило распространение уже с конца XIX столетия, то в России утверждение данного понятия, равно как и поэтапное эволюционное реформирование всей системы социального обеспечения, возникает в постсоветский период. И связано это, прежде

всего, с необходимостью компенсировать населению те потери, которые оно понесло в результате проведения либеральных реформ.

Как известно, сам термин модернизация является производным от английского слова *«modern»*, означающего «современный» («обновлённый»). Традиционно, под модернизацией понимается обновление объекта и приведение его в соответствие с современными требованиями и нормами. Истоки феномена модернизации восходят к философским идеям эпохи Просвещения, базирующимся на вере в неодолимую силу исторического прогресса. Применительно к российским условиям это выразилось в стремлении радикального переустройства общества на неких рациональных началах, которые можно механически перенести из опыта стран с рыночной экономикой на российскую почву. В результате игнорирования социокультурной (цивилизационной) специфики российскими реформаторами были педантично перенесены все недостатки, присущие западной модели, и оставлены без внимания все её достоинства. Если для западной цивилизации исключительно велико значение этических регуляторов функционирования социально-экономических институтов, что убедительно доказал М. Вебер¹, то в модернизируемой России игнорирование этой компоненты привело к катастрофическим процессам атомизации российского социума. Несмотря на декларируемое возвращение к традиционным религиозно-этическим ценностям, на практике имеет место доминирование индивидуалистических моделей социального действия, препятствующих становлению развитого гражданского общества, вкуче с низким статусом ценности личности в российском обществе. И. Е. Дискин очень точно охарактеризовал эту двойственность, когда происходит складывание «безличностного индивидуализма», вызывающего «серьёзное противоречие между характером усложняющихся институциональных установлений, с одной стороны, и наличными моделями социального действия — с другой»².

Между тем, необходимым условием успешности российской модернизации является наличие гражданской солидарности, высокий уровень доверия граждан к государству, его тесное взаимодействие с институтами гражданского общества. Это тем более важно, учитывая общие закономерности функционирования публичной сферы в капиталистическом обществе. Как полагает Ю. Хабермас, социальной предпосылкой «развитой» буржуазной публичности является либерализованный рынок, который по возможности передаёт обо-

¹ Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 3-е изд., доп. и испр. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2016.

² Дискин И. Е. Кризис... И всё же модернизация! М.: Европа, 2009. С. 102.

рот в сфере общественного производства в компетенцию частных лиц, общающихся между собой, и, таким образом, завершает приватизацию буржуазного общества¹.

Совершенно очевидно, что эффективное функционирование этой системы общественных отношений немыслимо без исключительно высокого уровня социальной ответственности всех субъектов, вовлечённых в сферу общественного производства. В противном случае возможны развитие крайних деструктивных проявлений, ставящих под вопрос само существование общества как целостной системы.

Как справедливо отмечают В. В. Соколов и Д. Л. Цыбаков, в ходе радикальных реформ 1990-х годов в Российской Федерации была полностью разрушена структура советского варианта среднего класса². В результате оказалась подорванной материальная основа социальной самоорганизации. При этом возникла парадоксальная ситуация. С одной стороны, социальная политика по-прежнему продолжала определяться патерналистской традицией взаимоотношения между государственной властью и обществом, где именно власть выступала в качестве единственного субъекта, аккумулирующего и распределяющего материальные ресурсы для поддержания социальной сферы. С другой стороны, в условиях нехватки ресурсов на поддержание в удовлетворительном состоянии социальной сферы и ещё в большей степени под влиянием ультра-либеральной идеологии «минимального» государства осуществлялся курс на свёртывание социальных гарантий государства. К сожалению, российская модернизация в значительной степени обернулась «сбрасыванием» бремени социальных обязанностей с государства.

При этом следует подчеркнуть, что при переходе к рыночным отношениям социальная система современной России не столько целенаправленно реформировалась, сколько ситуативно (стихийно) приспособилась к новым реалиям. В частности, по мере развития частной собственности активизировался процесс создания многочисленных частных организаций в сфере образования и здравоохранения. Зачастую на базе уже существующих государственных структур (с использованием их материально-технической базы) организовывались предпринимательские структуры. Столь же противоречи-

¹ *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. С предисловием к переизданию 1990 года / Ю. Хабермас; пер. с нем. В. В. Иванов. — М.: Весь Мир, 2017. С. 131.

² *Соколов В. В., Цыбаков Д. Л.* Проблемы и перспективы формирования социальной политики государства в современной России // *Власть*. 2020. №3. С. 49.

вая картина наблюдалась и в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Нередко частные организации по жилищно-коммунальному обслуживанию возникали лишь как «смена вывески» на уже существовавших государственных жилищно-эксплуатационных контролах. Не в лучшую сторону менялась и пенсионная система, которая в значительной мере реализуется за счёт государства. Немало критических замечаний заслуживает и налоговая система, с безраздельно господствующей фискальной составляющей. В этих условиях социальная сфера во многом продолжает оставаться огосударственной, порождая как бесплодные ожидания, так и социальное иждивенчество. Практически по любому социальному вопросу люди вынуждены обращаться к государству со всевозможными требованиями.

Между тем, вплоть до рубежа XXI в. государственные институты, исходя из задач снижения уровня протестного потенциала в связи с существенным снижением уровня жизни основной массы населения, вынуждены были осуществлять политику предоставления всё новых и новых социальных обязательств. Они распространялись на самые широкие социальные страты (пенсионеров, ветеранов, учащихся, военнослужащих и т. д.). В первое десятилетие наступившего века властью были предприняты решительные шаги по оптимизации не оправдывающей себя в новых реалиях системы социальных гарантий (по различным оценкам большая часть населения оказывалась обладающей основаниями на получение социальных льгот). Однако реализация политики «монетизации льгот» обернулась дестабилизацией социальной обстановки. В контексте решения социальных проблем государство заявило о стратегическом плане действий, который получил оформление в виде так называемых «национальных проектов». Их важнейшей целью стало существенное повышение качества жизни граждан Российской Федерации.

В числе первоочередных задач в социальной сфере были определены следующие: обеспечение граждан доступным жильём¹, качественным образованием² и здравоохранением³.

¹ О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №600 // Собр. законодательства РФ. 2012. №19. Ст. 2337.

² О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №599 // Собр. законодательства РФ. 2012. №19. Ст. 2336.

³ О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №598 // Собр. законодательства РФ. 2012. №19. Ст. 2335.

В связи с неблагоприятной экономической конъюнктурой, вызванной мировым экономическим кризисом, снижением мировых нефтяных котировок на биржах и введением против Российской Федерации санкций, резко сократилось пополнение государственного бюджета. В этой связи Правительство РФ выступило с инициативой разработки «приоритетных национальных проектов». После вступления в должность вновь избранный Президент РФ В. В. Путин подписал соответствующий Указ, в котором поставил перед Правительством РФ 13 стратегических целей, которые необходимо достичь к 2024 году¹.

Следует подчеркнуть, что модернизация и развитие социальной сферы в современной России в последние годы осуществляются на основе стратегического планирования. Именно Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. стал ключевым программным документом, определившим перспективы развития Российской Федерации до 2024 г.

Национальные цели, содержащиеся в Указе Президента от 7 мая 2018 г., дали старт самому масштабному и системному инструменту исполнения задач в современной истории — национальным проектам и Комплексному плану модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. Причём паспорта проектов не только фиксировали цели, но и распределяли их по годам, определяли инструменты их достижения, стоимость и всех ответственных за исполнение лиц. Все документы объединял фокус на человеке и его потребностях: от медицины и образования до дорог, уровня заработной платы и доступа к IT-ресурсам.

К сожалению, эпидемия изменила социально-экономические условия и потребовала от властей корректировки целей, способности, что называется, заглянуть за нынешний горизонт планирования национальных целей и проектов.

В целом, создание предпосылок модернизации и развития социальной сферы направлено на всемерное развитие «человеческого капитала», который связывается с такими личностными качествами, как:

- во-первых, жизнеспособность (максимальное продление активного долголетия и продолжение его в своих потомках);
- во-вторых, работоспособность — способность человека (субъекта труда) работать за пределами своих сил необходимое время, создавая потребительную стоимость мирового уровня за счёт своей воли к жизни и интеллекта;
- в-третьих, способность к обучению, позволяющую приобретать знания, умения, навыки и эффективно отдавать их в процес-

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. №204 (в ред. от 19. 07. 2018) // Собр. законодательства РФ. 2018. №20. Ст. 2817.

се решения совершенно новых задач, непрерывно возникающих во всех сферах социальной жизни;

■ в-четвёртых, способность к инновациям, понимаемая как способность личности создавать качественно новые продукты во всех сферах деятельности, опираясь на свои жизненные ценности и не теряя веру в свою правоту в постоянно меняющемся мире¹.

2.3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЗАДАЧ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Реализация социальной функции в распределении и перераспределении материальных ресурсов для решения социальных задач государства является одной из наиболее сложных проблем. При этом в современной России чрезвычайно актуально звучат следующие слова германского учёного М. Шпикера: «Социальная политика, которая устанавливает социальную справедливость только при раздаче, а не думает о ней уже при сборе средств, такая политика губит готовность к деятельности и солидарность»².

В современных исследованиях справедливо акцентируется внимание на том, что, помимо фискальной функции налогообложения, не менее значимой является и её распределительная, социальная по своей сути, функция.

Как отмечает Н. З. Зотиков, «социальная функция налогов направлена на решение социальных задач путём перераспределения национального дохода с помощью поддержания в обществе благоприятного климата. Более того, выполнение налогом социальной функции является обязательным условием, без выполнения которого современное общество просто не может существовать»³.

На основе анализа специальной литературы, главным образом экономической, можно выделить следующие направления реализации социальной функции налогообложения. Прежде всего, она реализуется посредством социальных налогов и сборов, формирующих финансовый базис всей государственной системы социального обеспечения. За счёт страховых взносов производятся выплаты го-

¹ Юрьев А. И. О монографии академика А. Г. Аганбегяна «О приоритетах социальной политики»: размышления политического психолога // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. №3. С. 117.

² Шпикер М. Указ. соч. С. 68.

³ Зотиков Н. З. Социальная функция налогов и страховых взносов // Вестник Евразийской науки. 2019. №2. Том. 11. С. 3. URL: <https://esj.today/PDF/50ESVN219.pdf> (дата обращения: 01.02.2020).

сударственных пенсий и социальных пособий, а также финансируется система медицинского страхования. Помимо этого социальный характер прослеживается и в системе налоговых льгот. Безусловно, льготный режим характерен для многих налогов, однако наиболее отчётливо он проявляется в налоге на доходы физических лиц, где предусмотрены стандартные вычеты на детей, а также социальные вычеты, связанные с расходами на лечение или, например, обучение; кроме того, имеют место имущественные вычеты, связанные с приобретением жилого имущества. Статья 219 Налогового кодекса РФ регламентирует социальные налоговые вычеты¹. Следует также обратить внимание, что целый ряд имущественных налогов (земельный, налог на имущество физических лиц, транспортный) характеризуется социальной направленностью, поскольку наиболее обеспеченные граждане несут повышенное налоговое бремя. Кроме того, социальное содержание присуще и косвенным налогам — налогу на добавленную стоимость и акцизам. В первом случае имеет место освобождение от налога образовательных и медицинских услуг, а также использование пониженной налоговой ставки на ряд товаров первой необходимости, продовольственных и детских товаров. В свою очередь с помощью повышенных ставок акцизов происходит скрытое выравнивание доходов между менее и более обеспеченными слоями населения.

Для успешной реализации социальной функции налогообложения, государство должно найти «золотую середину» меж двух противоположных проблем. С одной стороны, необходимо увеличить поступления доходов в бюджет; с другой стороны — уменьшить налоговое бремя для налогоплательщика. При этом справедливость налогообложения отнюдь не праздный вопрос. Согласно общепризнанному постулату, сформулированному ещё в XVIII в. А. Смитом, именно всеобщность налогообложения наряду с равенством и соразмерностью являются составляющей справедливого налогообложения². Как отмечает С. А. Ядрихинский, налоги, имея публичное предназначение, «призваны обеспечивать реализацию государством своих функций в интересах всего общества. А это, в свою очередь, подразумевает *всеобщий* характер налогообложения. Всеобщность в законе выражается через слово “каждый” и означает, что в процесс формирования денежных фондов государства должны быть вовлече-

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (Часть вторая): Федеральный закон РФ от 5 августа 2000 г. №117-ФЗ (в ред. от 27.12.2019 // Собр. законодательства РФ. 2000. №32. С. 3340.

² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 761.

ны все члены общества независимо от своего социального статуса»¹.

Вместе с тем, в условиях существующей в настоящее время в Российской Федерации избыточной дифференциации доходов населения, особую актуальность приобретают вопросы именно социально ориентированной налоговой политики, предусматривающей перераспределение доходов населения между различными категориями граждан в целях стимулирования развития человеческого капитала и поддержания социального равновесия. Говоря об избыточной дифференциации доходов населения, следует отметить, что децильный коэффициент (показатель, выражающий соотношение между средним доходом 10% населения с наиболее высокими доходами и средним доходом 10% наименее обеспеченных граждан) в современной России составляет запредельную величину в 15,7 раза, в то время как безопасный диапазон для дифференциации доходов составляет 6–8 раз². Показательно, что в 1992 г. этот показатель был равен 8³.

В этой связи, на основе обобщения опыта перераспределительной политики в зарубежных странах, исследователи аргументированно отстаивают идею реформирования российской модели налогообложения. В частности, речь идёт прежде всего о необходимости введения прогрессивной шкалы налогообложения по налогу на доходы физических лиц. Именно прогрессивное налогообложение доходов («богатые платят больше») в наибольшей степени отвечает принципам социальной справедливости. Необходимо подчеркнуть, что о необходимости данной меры представители экспертного сообщества говорят уже на протяжении многих лет.

По-видимому, следует согласиться с Е. Ф. Мосиным, в том, что справедливая налоговая политика, справедливое налогообложение и распределение результатов налогообложения являются «вечными» вопросами жизни государственно организованного общества, не имеющими конечного решения⁴.

¹ Ядрихинский С. А. Принцип всеобщности налогообложения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. №9. С. 98–99.

² Ермакова Э. Р. Социально-экономическое неравенство как следствие несовершенства процессов перераспределения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. №7. С. 1238.

³ Семёнова Н. Н. Совершенствование налогообложения доходов физических лиц в России в контексте формирования социально ориентированной налоговой политики // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. №3. С. 130.

⁴ Мосин Е. Ф. Конституционно-экономическая проблематика справедливости налогообложения и распределения его результатов // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2019. С. 389.

Профессором П. А. Астафичевым, к воззрениям которого мы уже обращались в первом параграфе этой главы нашего исследования, была сформулирована точка зрения, с которой мы не можем согласиться в полной мере. С позиций экономического детерминизма известный правовед призывает государство к «бережливости» в тратах на обеспечение достойного жизненного уровня граждан. «Обеспечение конституционного права граждан на достойный жизненный уровень за счёт бюджетных средств требует от государства соблюдения принципов сдержанности, разумности, соразмерности и пропорциональности»¹. Никто не отменял истинность тезиса, восходящего ко временам античности: всё познаётся в сравнении и говоря о соразмерности важно иметь чёткое представление о том, что с чем сравнивать. К сожалению, современное Российское государство, проявляя исключительную сдержанность в расходовании бюджетных средств на поддержание базовых витальных потребностей населения, проявляет невероятную щедрость в тратах тех же самых бюджетных средств на сомнительные дорогостоящие проекты. Настоящим бичом современной России является нецелевое использование бюджетных средств. Но помимо этого, мы имеем дело с сомнительной расстановкой приоритетов социальной политики.

П. А. Астафичев, несмотря на высказываемую мысль о взаимообусловленности социальной и экономической политики, развивая тезис о *социально-экономической политике как комплексной деятельности государства*, явно склонен всецело подчинять социальную сферу экономическому прагматизму, возведённому в крайнюю степень. Причём, аргументация исследователем строится на конституционно-правовом фундаменте. По мнению учёного, «одной из целей конституционно-правовой науки является не столько поиск новых направлений социального обеспечения различных слоёв населения, сколько их минимизация, ограничение социальной политики исчерпывающим перечнем видов и направлений, что позволило бы сконцентрировать бюджетные ресурсы на тех из них, которые являются действительно приоритетными и важными»².

Показательно, что всё теоретическое построение строится автором исключительно на основе анализа ч. 1 ст. 39 Конституции РФ. В ней перечислены пять оснований для государственного социального обеспечения: возраст, болезнь, инвалидность, потеря кормильца, воспитание детей. Именно эти основания законодатель не вправе игнорировать. Все же другие случаи, которые в Основном Законе Российского государства обозначены как «иные», по мнению

¹ Астафичев П. А. Указ. соч. С. 71.

² Астафичев П. А. Указ. соч. С. 72.

исследователя желательно секвестировать. П. А. Астафичев предлагает мысленный эксперимент: представить, что произойдёт, если законодатель полностью откажется от социального обеспечения всех тех категорий лиц, которые не входят в круг лиц — обладателей пяти оснований для обязательного социального обеспечения. К каким же конституционно-правовым последствиям это приведёт? — вопрошает он. И сам же отвечает: «последствия будут довольно благоприятными, особенно в условиях экономического кризиса. Государство должно распоряжаться бюджетными ресурсами бережливо и экономно, не расходуя средства налогоплательщиков на второстепенные цели. Чем хуже социально-экономические условия, тем более экономной и бережливой должна быть налогово-бюджетная политика»¹.

Исследователь также обращает внимание, что выдвинутый им тезис имеет и оборотную сторону — антитезис. Все категории граждан, которые не имеют оснований в силу возраста, болезни, инвалидности, потери кормильца и воспитания детей, должны обеспечивать свой жизненный уровень самостоятельно, без помощи средств федерального, регионального или муниципального бюджетов. Каждое же исключение из общего правила, помимо положительных аспектов, связанных с социальным обеспечением соответствующей группы лиц, имеет и негативные аспекты, приводящие к снижению уровня социального обеспечения, прежде всего тех социальных групп, которые упомянуты в ч. 1 ст. 39 Основного Закона России.

Вместе с тем, как полагает исследователь, необходимо исходить из комплексного толкования ч. 1 и ч. 3 статьи Конституции РФ. В частности, последняя часть поощряет создание дополнительных форм социального обеспечения. Таким образом, налицо явное противоречие: «основной закон страны не определил главный приоритет в социальной политике государства, если это связано с бюджетными расходами. Должен ли законодатель стремиться к расширению форм социального обеспечения или, напротив, ограничиться теми из них, которые прямо установлены Конституцией?»² По мнению исследователя, с формальной точки зрения, любое из указанных направлений социальной политики будет считаться конституционным.

В целом, вопросы распределения и перераспределения материальных ресурсов для решения социальных задач Российского государства являются концентрированным воплощением единства политической, правовой и экономической составляющих.

¹ Астафичев П. А. Указ. соч. С. 72.

² Там же. С. 74.

ГЛАВА III

Проблемы и перспективы реализации социальной функции современного Российского государства

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЕГО СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В научно-исследовательской литературе справедливо отмечается, что проводимые в Российской Федерации «реформы основных социальных институтов не принесли желаемых результатов»¹. По формальным признакам, в том числе провозглашённым конституционно, Россия позиционирует себя в качестве социального государства, однако реально пока ни один из признанных в мировой практике критериев социального государства пока ещё не достигнут².

Впрочем, отечественный опыт вписывается в мировой тренд последних десятилетий, на который указывают сравнительно-правовые исследования проблем социального государства. В частности, Е. В. Аристов указывает на «конфликт между приверженностью российского руководства к сохранению и развитию социальности государства в Российской Федерации» и «объективно фиксируемой повсеместно в мире тенденцией прогрессирующего снижения возможностей реального воплощения в жизнь конституционного императива социальности государства»³.

Многие принципы и характеристики Российского государства как социального остаются декларативными, заставляя исследовате-

¹ Осокина Ю. Ю. Нормативно-правовое регулирование социальной функции государства в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №2. С. 20.

² Быстренко В. И. Россия как социальное государство: миф или реальность? // Идеи и Идеалы. 2018. №4 (38). Т. 1. С. 39.

³ Аристов Е. В. Социальность государства: зарубежный опыт конституционно-правового обеспечения: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 3–4.

лей говорить о необходимости формирования национальной социальной доктрины¹.

При этом научное видение ключевых аспектов социальной политики современного Российского государства далеко от достижения консенсуса.

В частности, одни учёные акцентируют внимание на проблеме социального расслоения общества, усматривая в ней серьёзное препятствие для реализации социальной государственности. «Социальное неравенство, порождённое бедностью, а также огромный социальный разрыв между богатыми и бедными являются непреодолимыми препятствиями консолидации, компромисса между столь различными социальными слоями. Проблема отторжения как одного из негативных явлений российской жизни вызывает серьёзную тревогу но, — полагает Е. А. Лукашева, — остаётся не замеченной властью»².

Другие авторы усматривают основную проблему в распространении в действующей модели социального государства таких общественных болезней, как *социальное иждивенчество* и *социальный паразитизм*, Последний, отмечает А. А. Ходусов, «является унаследованным ещё с советского времени, когда безвольные и пассивные граждане привыкли во всём полностью полагаться на государство»³.

По мнению исследователя, расширение социальной сферы возможно лишь до определённого порогового предела, по достижении которого государство начинает испытывать дефицит ресурсов, за счёт которых происходит покрытие социальных обязательств, взятых на себя в прежние годы. В частности, в настоящее время в России закончились так называемые «лёгкие» деньги от продажи энергоносителей. Кроме этого, ограничена возможность получения дешёвых западных кредитов. В силу этого прежние обязательства, составляя существенную часть расходной части, ложатся тяжким бременем на бюджет Российского государства. При этом, отмечает автор, существенная социальная прослойка, привыкнув получать в прежние годы адресную социальную поддержку, «питает большие

¹ Абдурахманова И. В. Становление концепции социального государства в российской и в зарубежной юриспруденции // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. №3. С. 144.

² Лукашева Е. А. Мифологизация политической и правовой жизни: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 261.

³ Ходусов А. А. К вопросу о сущности и проблемах социального государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. №4. С. 121.

социальные надежды и ожидания даже на увеличение социального содержания. Непопулярные меры в виде сокращения по социальным обязательствам, принятым на себя в прошлые годы, наносят существенный урон концепции социального государства, однако они помогают уменьшить дефицит бюджета»¹.

Последняя позиция, безусловно, представляет оценочное суждение исследователя, однако заслуживает внимания тот вывод, который делает автор статьи. Возникает ситуация, когда бессильное общество иждивенческого типа остро нуждается в государстве, являющемся источником социальной поддержки, а государство в подобном обществе не нуждается, поскольку существующее общество не является источником какой-либо власти. В рассматриваемой системе общественных отношений государство может занимать по отношению к обществу и позицию отрицания, и позицию нейтралитета. Парадокс ситуации в том, что рассматриваемое государство «будет являться социальным, поскольку общество заинтересовано в существовании государства, которое является источником существования такого общества из-за социальной поддержки. Государство же в лице государственной власти существует как вещь в себе, не нуждаясь ни в чём, обладая источником власти, который никак не связан с обществом и народом»².

А. А. Ходусов, характеризуя данную систему, полагает, что государство в ней будет предъявлять к обществу повышенные социальные обязательства, поскольку они будут являться следствием существования всего общества за счёт средств социальной поддержки, выделяемой государством. Причём, за невыполнение социальных обязательств могут устанавливаться санкции (социальные и юридические), за счёт чего будет происходить социальное расслоение на лиц соблюдающих и исполняющих социальные обязательства и на лиц, которые уклоняются от их исполнения. Соответственно, неисполнение таких обязательств может стать поводом для лишения социальных прав и деклассирования ряда социальных элементов в низшую социальную страту, за счёт которой исполняющие свои обязательства члены общества могут получать дополнительные преференции. В результате «государство будет постоянно искусственно воспроизводить социальное неравенство, основанное на изначальном равенстве и социальной природе государства»³.

В свою очередь Т. Н. Губанкова верно указывает, что степень понимания сущности социальной политики находит отражение

¹ Ходусов А. А. С. 120–121.

² Там же. С. 121.

³ Ходусов А. А. Указ. соч. С. 122.

во взаимоотношениях государства и общества. Применительно к российской действительности сущность социальной политики определяется исследователем в двух направлениях. Во-первых, через реализацию государственной установки на развитие минимального количества социальных программ, позволяющих войти в международный рейтинг социально благополучных государств. Во-вторых, через развитие институтов гражданского общества и гражданских инициатив, направленных на повышение социальной ответственности и гарантий государства в сфере реализации социальных проектов¹.

«Социальная политика как регулятор разнообразных интересов социальных групп эффективна лишь при условии стабильности общества. В таком случае она призвана разрешать противоречия между текущими и перспективными интересами общества, между несовпадающими или противоречащими интересами множества социальных групп и слоёв общества»².

Изначально представление о социальной политике государства раскрывалось главным образом через функцию труда и потребления. В дальнейшем происходило расширение данной функции посредством включения в неё дополнительных элементов (например, функции повышения благосостояния народа, оказания социальных услуг населению и т. д.). Новейшие тенденции позволяют исследователям констатировать изменение объёма и содержания функции социальной политики. В частности, речь идёт о функции регулирования воспроизводства рабочей силы; функции поощрения прогрессивных мотиваций к труду и т. д. При этом особое значение имеет такая функция социальной политики государства, как социальная защита населения.

В целом социальная политика государства призвана решать двудединую задачу. С одной стороны, она защищает индивидов от нужды и унижения. С другой — способствует согласию между социальными группами населения и, следовательно, непосредственным образом связана с процессом регулирования социальных интересов.

Поскольку именно Президент РФ, являясь главой Российского государства, в соответствии с Конституцией России определяет основные направления его политики, целесообразно обратиться к такому источнику, в котором соответствующие направления определены в максимально концентрированном виде и, что немаловажно, с учё-

¹ Губанкова Т. Н. Эволюция теоретико-правовых воззрений о социальном государстве в контексте развития социальной доктрины Российской Федерации // Вестник ТГУ. 2016. Вып. 2(6). С. 77.

² Там же. С. 78.

том постоянно меняющихся (под влиянием как внутренних, так и внешних процессов) политических реалий. Несомненно, в качестве такого документа программно-политического характера должны быть названы ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ. Они, как верно отмечают правоведа, являются основой понимания курса дальнейшей модернизации¹. При этом вопрос о нормативном характере посланий Президента РФ является предметом научной дискуссии. По мнению Г. А. Мавлютовой, если изначально как в законодательном, доктринальном и практическом понимании послания главы государства были адресованы лишь палатам Федерального Собрания РФ, то в настоящее время коллективным субъектом, к которому обращается Президент РФ является всё российское общество².

Поручения главы государства, озвученные в ходе оглашения послания, *de facto* носят обязательный характер для органов исполнительной власти. Для законодательного корпуса подобные обращения также носят в известной мере программный характер. Можно привести множество примеров принятия российским федеральным парламентом законодательных актов в качестве меры реагирования на соответствующие послания. В 2016 г. постановлением Государственной Думы была образована рабочая группа по реализации положений ежегодных посланий Президента РФ³.

Несомненно, на выработку социальной политики государства должны оказывать влияние институты гражданского общества и, прежде всего, политические партии, являющиеся «неотъемлемыми условиями конституционного строя в его статическом состоянии и функционировании»⁴. Правоведа справедливо указывают на потенциал политических партий как институтов гражданского общества

¹ *Общая теория государства и права: учебник* / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018.

² *Мавлютова Г. А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию как обновлённая стратегия развития Российского государства // Экономическая безопасность и качество. 2018. №2 (31). С. 6.*

³ *Об образовании рабочей группы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по реализации положений ежегодных посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. №298–7 ГД (в ред. от 10 мая 2018 г.) // Собр. законодательства РФ, 2016, №50, ст. 6978.*

⁴ *Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования: монография. М.: Проспект, 2014. С. 236.*

в решении сложных задач, стоящих перед современной Россией как социальным государством¹.

Именно социальная направленность действий политических партий является их важнейшей конституционной функцией, а система ценностей, отражённая в программах политических партий намечает основные направления политики государства, которые в случае прихода к власти партия будет реализовывать².

При этом проблематика социального благополучия граждан довольно широко представлена в программных документах российских политических партий. Так, В. Л. Шаповалов, на основе анализа программ политических партий пришёл к выводу о существенной дифференциации как в целях, так и в методах осуществления социальной политики. При этом исследователь констатирует, что для большинства партий, представленных в российском политическом спектре, социальная проблематика является приоритетной³.

Государственная политика в социальной сфере должна быть нацелена на преодоление состояния глубинного социокультурного раскола, наличие которого осознаётся не только экспертным сообществом, но и политическим руководством Российского государства.

Одним из первоочередных шагов по преодолению социокультурного раскола было названо заключение нового «Общественного договора» между государством, бизнес-сообществом и обществом (населением). Причём предложенные Президентом РФ поправки в Конституцию РФ расцениваются как «запуск процесса» заключение такого Договора, который должен закрепить приоритет партнёрских отношений государства, бизнеса и населения⁴.

¹ *Аристов Е. В.* Роль политических партий в формировании социального государства: монография. М.: Юнити-Дана, 2016; *Комарова В. В.* Потенциал политической партии как института гражданского общества: правовое закрепление // В. В. Комарова // Право и общество. 2017. №1 (23). С. 35–48.

² *Кабышев С. В., Ермаков А. Д.* Конституционные цели политических партий современной России: монография. М.: Городец, 2015. С. 60, 21.

³ *Шаповалов, В. Л.* Социальное благополучие граждан в программах российских политических партий // В. В. Шаповалов // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2019. №2. С. 58.

⁴ Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства: Научно-методический семинар Аналитического управления в рамках подготовки заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации / под общ. ред. В. Д. Кривцова // Аналитический вестник Совета Федерации. 2020. №1 (748). С. 51.

При этом основной проблемой признаётся отсутствие в современной России социального интегратора «высшего уровня» при сохранении раскола в обществе. Фактически, в российском социуме соседствуют несколько противоборствующих культур (субкультур) с разным видением иерархии ценностей. И носители этих различных субкультур так и не смогли выработать действенные механизмы стыковки, согласования своих ценностей, идеалов и, соответственно, интересов. «Двукратный слом в парадигме развития страны в 1917 и 1991 годах, — отметил один из участников семинара, — только обострил эту проблему, и сегодня мы являемся свидетелями наличия в обществе системы монологов — власти, групп населения с различными “идеологическими” установками»¹.

Проблема доверия в общесоциальном контексте анализировалась в Совете Федерации неоднократно. Как отмечал один из участников дискуссии, опираясь на системный подход Т. Парсонса, «общество может быть самодостаточным только в той мере, в какой оно может полагаться на то, что деяния его членов будут служить адекватным вкладом в его функционирование»².

Ещё одной серьёзной проблемой является утрата в российском обществе «культуры труда», что активизирует необходимость разработки новой трудовой этики и формирования «нового человека», осознающего себя Личностью и воспринимаемого в таком качестве обществом и государством, нацеленного на творческий созидательный труд.

Последнее обстоятельство, в свою очередь, диктует потребность в разработке общенациональной доктрины развития образования, которая способна стать объединяющим началом, точкой отчёта и даже взаимодействия различно ориентированных частей российского общества.

Предполагается, что в общенациональной доктрине, принимаемой всеми, может быть определено, к какому обществу надлежит двигаться, какие достижения в области духовного, интеллектуального, волевого развития будут поощряться и приниматься за образец.

В первоочередную повестку дня был поставлен вопрос о необходимости выработки объединительной идеи, выступающей в качестве своеобразного двигателя, обеспечивающего позитивное разви-

¹ Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства... С. 52.

² Доверие в пяти ракурсах. Материалы семинара «Реалистическое моделирование» 29 ноября 2018 года // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2019. №2 (716). С. 8.

тие страны: «Пока у России есть смысловая функция, страна существует как целостность»¹.

В целом, развитие государственной социальной политики Российской Федерации отражает симбиоз двух тенденций — этатистской и либеральной. В определённом историческом контексте этатизм и либерализм не конкурируют, а взаимодействуют, взаимобусловливают друг друга и взаимопроникают.

При этом важно учитывать, что либерально-ориентированный этатизм в контексте осуществления социальной политики современного Российского государства выступает двояко. С одной стороны, как потенциальная возможность социальных трансформаций, с другой — как реальная практика государственного развития, что способствует отходу от распространённых суждений оценочного характера в отношении допустимости или недопустимости вмешательства государства в жизнь общества. В результате легитимируется сфера государственно-правового регулирования социальной сферы в интересах стабильного поступательного развития всего общества.

3.2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ И МЕТОДОВ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Поиск баланса интересов личности и государства актуализирует в российском научном дискурсе проблему поиска новых путей взаимодействия. В этой связи в работах отечественных правоведов в последнее время всё активнее используется термин «сервисное государство», который позволяет пересмотреть параметры социального государства с учётом наработок экономического подхода к праву, а также эффективности размещения ресурсов и сокращения трансакционных издержек.

Основные идеи концепта сервисного государства являются интерпретацией (применительно к российским условиям) идей американского исследователя М. Ротбарда, которые были сформулированы в его программной работе «К новой свободе: Либертарианский манифест»². Критически оценивая теорию и практику «государства

¹ Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства: науч.-мет. семинар Аналитического упр-ния в рамках подготовки заседания Науч.-экспертн. совета при Председателе Совета Федерации / под общ. ред. В.Д.Кривцова // Аналитический вестник Совета Федерации. 2020. №1 (748). С. 53.

² *Ротбард М.* К новой свободе: Либертарианский манифест / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2009.

всеобщего благосостояния» (в российской версии — «социальное государство»), автор задаётся вопросом «Что *может* сделать государство для помощи бедным?» и сам же отвечает: «уйти с дороги. Пусть правительство уберёт созданные им барьеры на пути производительной энергии всех групп населения — богатых, средних и бедных классов, и результатом станет огромный рост благосостояния и уровня жизни каждого, а прежде всего бедных, от имени которых действует так называемое государство всеобщего благодеяния»¹.

Отсюда следует всемерное расширение частной инициативы, добровольной экономики, основанной на частном предпринимательстве и, наконец, приватизация всех правительственных служб, т. е. «ликвидация государственного сектора»². Альтернативу неэффективной громоздкой судебной системе должен составить частный арбитраж и т. д.³

Как отмечает профессор Н. А. Филиппова, пионером реализации концепции сервисного государства выступила Великобритания, где ещё в 1991 г. была принята «Хартия гражданина». По мнению правоведа, именно традиции англосаксонского права, которое, как известно, не признаёт разделения на частное и публичное, самым радикальным образом способствовали пересмотру представлений как о природе государства вообще, так и о его социальной функции в частности. Позже был принят ещё ряд документов, касавшихся стандартизации порядка предоставления государственных услуг. Впоследствии представление о сервисном государстве стало интерпретироваться как реализация пяти ключевых принципов: во-первых, создание открытого правительства; во-вторых, ограничение центрального правительственного аппарата и ужесточение контроля за его решениями; в-третьих, отказ от монополии государства на предоставление публичных услуг в пользу негосударственных организаций; в-четвёртых, цифровизация государственного управления; в-пятых, инновации в государственном управлении⁴.

Рецепция западной модели сервисного государства на российскую почву воспринимается российским научным сообществом далеко неоднозначно. С одной стороны, исследователи склонны

¹ Там же. С. 186.

² Ротбард М. Указ. соч. С. 227.

³ Там же. С. 151.

⁴ Филиппова Н. А. Скрытые государственные и муниципальные услуги как коррупциогенный фактор // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики РФ в области противодействия коррупции: Сборник научных трудов по итогам III Всероссийской научной конференции с международным участием (26–27 октября 2018 г., Екатеринбург). Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2019. С. 139–140.

рассматривать формирующуюся тенденцию как неизбежную и, отчасти, оправданную, поскольку она выступает в качестве идейной основы российской модернизации. С другой стороны, указывается, что она не органична для российского общественного сознания, сформировавшегося под сильным влиянием патерналистских установок. В силу данного обстоятельства её механическое перенесение в чужеродную среду несёт серьёзные социальные риски.

Сторонники идеи сервисного государства предлагают рассматривать политическую систему в качестве инструмента оказания услуг, главным потребителем в этой системе отношений является гражданин, а государство ставится в одну аксиологическую плоскость с иными субъектами, способными оказывать публичные услуги.

Правоведами Я. В. Коженко и А. Ю. Мамычевым была предложена дефиниция сервисного государства как особой политической формы организации публичной власти, располагающей специальным аппаратом управления, направленным на оказание публичных услуг индивидам, а также система социально-правовых гарантий достойного жизнеобеспечения человека, прав и свобод¹.

С точки зрения Ю. М. Большаковой становится всё более очевидной тенденция перехода государственного управления от классической к неклассической (институциональной) парадигме. В рамках этой модели институт государственного сервиса определяется как норма взаимодействия государства и общества (как субъектов процесса производства — потребления государственных услуг), которая преследует цель достижения (поддержания) консенсуса государства и общества в соответствующей сфере общественных отношений².

Исследователь полагает, что государственный сервис можно определить как продукт субъект-объектных отношений производителя и потребителя услуг. Причём в развитой фазе сферы государственных услуг понятия «государственный сервис» и «государственная услуга» следует понимать как тождественные. Напротив, в кризисных состояниях развития общества функционирование института государственных услуг может рассматриваться как свидетельство несоответствия сложности объекта и субъекта управления, находящихся в патологическом состоянии вырождения³.

¹ Коженко Я. В., Мамычев А. Ю. Сервисное государство: проблемы теории и практики реализации // *Власть*. 2010. №3. С. 46.

² Большакова, Ю. М. От государственных услуг к государственному сервису: к социологии современного государственного управления // *Власть*. 2018. №6. С. 113.

³ Большакова, Ю. М. Указ. соч. С. 113.

Иными словами, в последнем случае речь уже не идёт о наполнении конструкта «социальное государство» новым смыслом, но о коммерциализации властных институтов в условиях «приватизированного» государства.

В современных российских условиях возникают сложности теоретико-методологического и практического свойства, связанные с проблемой совмещения рыночной логики производства и потребления услуги с государственно-административным характером сферы государственного и муниципального управления, на которые накладывает свой отпечаток и стремление к патернализму. В результате совмещения двух режимов функционирования (рыночного и административного) возникает множество проблем.

Некоторые исследователи, осознавая эти риски, предлагают альтернативную патронажно-сервисную модель государства, которая структурирует пространство взаимодействия государства и общества на целерациональную область и ценностно-рациональную область. И если в первой из них реализуется сервисная модель, то другая область ревизии не подвергается. Таким образом, предлагаемая модель может рассматриваться как пример синтеза концепций сервисного и сильного государства¹.

Ряд учёных, критически оценивая попытки слепого копирования опыта зарубежного опыта сервисного государства, отстаивают идею сохранения фундаментального разграничения публичного и частного интереса в процессе предоставления публичных услуг.

Профессор О. В. Романовская, анализируя концепцию сервисного государства, отмечает, что её сторонники основываются на Конституции РФ, провозглашающей Российскую Федерацию социальным государством, однако, поскольку на практике Российское государство не справляется с эффективным осуществлением своих функций в социальной сфере, то таковые могут осуществляться иными субъектами — коммерческими и некоммерческими организациями².

Применительно к правовой сфере развитие концепции сервисного государства ведёт к проникновению гражданско-правовой терминологии из области частного права в публично-правовую сферу. Российские правоведы констатируют, что на современном этапе активно наблюдается тенденция проникновения частного права в публичную сферу. Как отмечает Н. М. Коршунов, особенностью

¹ Там же. С. 116.

² Романовская О. В. Политико-правовое учение М. Ротбарда и основы сервисного государства в России // Наука. Общество. Государство. Электронный научный журнал. 2018. Т. 6. №1 (21). С. 23. URL: <http://esj.pnzgu.ru>

рассматриваемого процесса является «стимулирование при помощи частноправовых средств индивидуально-правового начала возникновения, содержания и реализации правоотношений»¹.

Как известно, частноправовой метод регулирования общественных отношений основывается на основе консенсуса их участников, что ведёт к активному использованию различных договорно-правовых средств, имеющих источником объективированные начала свободы личности и иных субъектов. С точки зрения авторитетного российского правоведа, рассматриваемое направление конвергенции «тесно связано с формированием и укоренением демократических институтов, переходом на более высокую степень цивилизационного развития современного общества. Такой переход будет осуществлён ненасильственными методами: не принуждением, а убеждением, не подавлением, а раскрытием творческого потенциала каждой личности, саморегуляцией и самоуправлением, не запугиванием, а заинтересованностью, не противопоставлением, а сближением интересов личности, государства и общества»².

Развитие рассматриваемого подхода предполагает активное проникновение договорных начал практически во все сферы публичной сферы, в том числе имеющие социально-экономический характер, традиционно регулируемые нормами конституционного, административного и процессуального законодательства. В современной России расширение и усиление роли частных (индивидуальных) начал в установлении субъективных прав и обязанностей частных и публичных субъектов, прежде всего предпринимательских структур и государства (в лице его соответствующих органов) на договорных началах находится на начальном этапе. Наиболее очевидным примером правового опосредования государственно-частного партнёрства является договор концессии. В научно-исследовательской литературе концессионное соглашение квалифицируется и как гражданско-правовой, и как административно-правовой договор³.

В административно-правовой сфере обращает на себя внимание использование в российском законодательстве применительно к выполнению органами государственной власти своих функциональных обязанностей такого гражданско-правового понятия, как «услуга»⁴.

¹ *Кориунов Н. М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2015. С. 117.

² *Кориунов Н. М.* Указ. соч. С. 117–118.

³ *Там же.* С. 120.

⁴ *Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг:* Федеральный закон РФ от 27 июля 2010 г. №210-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // *Собр. законодательства РФ.* 2010. №31. Ст. 4179.

Фактически, речь идёт о распространении потребительских отношений на классические государственные функции. Справедливости ради следует заметить, что вопрос о правовой природе услуг в публичной сфере остаётся предметом острой дискуссии в отечественном правоведении. В частности, предлагается классифицировать их на административные и неадминистративные¹.

Однако, помимо теоретико-правовых аспектов, у учёных-правоведов вызывает тревогу перспектива «коммерциализации» функций государства, привнесение в неё духа предпринимательства и сопутствующего ему искушения прибылью. Так, по мнению В. И. Крусса, есть весомые обстоятельства, заставляющие критически оценивать отдельные аспекты конституционности административно-демократического тренда, связанного с институционализацией в российской правовой системе публичных услуг.

«С позиций конституционного правопонимания, действия и акты, объединённые понятием публичной услуги, не могут — в фокусе своей направленности — вести к осложнению возможностей пользования конституционными правами и свободами человека и гражданина; во всяком случае, должны быть исключены регулирующее ограничение и ограничение в полном смысле.

Необходимо также последовательно разграничивать публичные услуги, выражающие конституционную природу Российского государства как правового и социального, соответственно. Публичные услуги по отношению к социально-культурным правам и свободам призваны создавать возможности (“каналы”) приобщения к ценностям общего блага посредством потенциала государственной и частной инфраструктуры, а вопрос об их экономически обоснованной оплате должен решаться дифференцированно, на основе бюджетно-финансовых ресурсов и с учётом принадлежности заявителя к определённой социальной категории. Публичные услуги по отношению к конституционно взвешенным экономическим, творческим, иным “внешним” возможностям самореализации свободной личности — должны актуализироваться исключительно в контексте её волеизъявления, обусловленного представлением о наиболее оптимальной — из доступных — версии достижения поставленной цели»².

По мнению В. В. Аргунова, в настоящее время всё более актуальной становится концепция «активного гражданина», которая признаёт инициативность не только государства, но и личности,

¹ Харин И. Н. Публичные услуги в России: проблемы идентификации и классификации // Российская юстиция. 2017. №9. С. 54–57.

² Красс В. И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. №5. С. 69–70.

гражданина, желающего иметь достойный уровень жизни. При сохраняемом объёме достигнутых социальных прав идёт определение механизма их наиболее эффективного (точечного) предоставления с учётом возможностей и поведения самого гражданина. Понятие сервисного государства отражает «определённый объём социальных функций современного государства, а также представления о динамике их развития. Особенно показательна динамика — мы наблюдаем отход от целей всеобщего благоденствия за счёт государства, ведь «сервисное государство» теперь учитывает не просто объективную «нуждаемость», но и способности конкретного гражданина самостоятельно реализовать свои интересы и потребности»¹. Применительно к сфере гражданского судопроизводства, как полагает правовед, данная динамика в развитии социальной функции государства даёт возможность «возвратить отношение к правосудию как *ultima ratio* (последний аргумент), а не просто рядовой услуги со стороны государства, а суду — уважение и величие, а не бытие правового супермаркета»².

В научной литературе совершенно обоснованно ставится вопрос о поиске инновационных способов решения острых социальных проблем и механизмов распределения социальной ответственности между субъектами социальной политики. Экспертами в качестве одного из наиболее перспективных направлений рассматривается социальное предпринимательство. Речь идёт о новаторской деятельности, изначально направленной на снятие или смягчение социальных проблем общества на условиях самокупаемости и устойчивости³.

С точки зрения академика Т. Я. Хабриевой, в фокусе исследований российской правовой науки находится «поиск оптимального баланса централизации и децентрализации, концентрации и деконцентрации публичного управления, объём, форма и содержание каждого из которых меняется»⁴.

¹ Арзунов В. В. Теория «сервисного государства» и её влияние на гражданский процесс // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 20. М.: Юрист, 2020. С. 152.

² Арзунов В. В. Указ. соч. С. 152.

³ Баталина М., Московская А., Тарадина Л. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учётом возможностей его применения в современной России. URL: <https://socpolitika.ru/rus/ngo/research/document9919.shtml> (дата обращения: 01.02.2020).

⁴ Хабриева Т. Я. Воплощение идей теории государства и права в законотворческой практике/Т. Я. Хабриева // Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. — М.: ИД «Юриспруденция», 2016. С. 280.

Представители российского экспертного сообщества выделяют такой важнейший критерий социального предпринимательства, как его социальная миссия, проявляющаяся в решении конкретной социальной проблемы, которая не получает разрешения вследствие провалов рынка и государства¹.

Наиболее активно теория социального предпринимательства развивается представителями экономической науки, которые разрабатывают её в контексте развития теории институтов. При этом справедливо отмечается, что эффективное управление социальной сферой, призванной обеспечить каждому гарантированный доступ к получению таких базовых жизненных благ, как здоровье, жильё, минимальный доход, услуги в сфере культуры, предполагает в качестве ключевого элемента развития социально ориентированных предпринимательских практик создание благоприятной институциональной среды².

Представляется, что в этом значимом вопросе должны сказать своё слово и представители российской юридической науки, в частности специалисты в области предпринимательского права.

Наряду с проблемой развития социального предпринимательства в современном российском дискурсе обсуждается вопрос о возможности обеспечения поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению. В частности, в программных документах российской политической партии парламентского большинства говорится о целесообразности доведения данного объёма до 10% средств, предусмотренных на реализацию соответствующих программ субъектов Российской Федерации. При этом далеко не все эксперты склонны позитивно оценивать подобную идею. Так, В. Л. Шаповалов полагает, что в данном случае речь идёт «о типичной либеральной идее, направленной на сокращение участия государства в реализации социальной политики, перекладывания части традиционных функций социального государства на структуры негосударственного сектора»³.

¹ Семёнова Д. А. Социальное предпринимательство: формирование нового механизма социального развития // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2016. №4. С. 103–104.

² Семёнова, Д. А. Формирование института социального предпринимательства: теоретический подход // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2018. №2. С. 99–100.

³ Шаповалов В. Л. Указ. соч. С. 66.

На федеральном уровне организационно-правовые механизмы привлечения частных некоммерческих организаций к оказанию социальных услуг населению установлены федеральными отраслевыми законами об образовании¹, здравоохранении², социальном обеспечении³. Федеральное законодательство предоставляет субъектам Российской Федерации широкие возможности в формировании механизмов привлечения частных некоммерческих организаций к оказанию социальных услуг населению. В частности, помимо вышеназванных нормативных правовых актов, следует назвать прежде всего Федеральный закон от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ⁴, а также Основы законодательства Российской Федерации о культуре⁵.

В 2010 г. российское законодательство обогатилось понятием «социально ориентированные некоммерческие организации»⁶. Недостатком предложенной законодателем дефиниции социально ориентированных некоммерческих организаций следует признать размытость формулировок. В частности, указывается на то, что деятельность этих организаций должна быть направлена на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, не уточняя при этом, что понимается под социальными проблемами и их решением, равно как не даётся и определение гражданского общества.

¹ *Об образовании в Российской Федерации*: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ (в ред. от 01.03.2020) // Собр. законодательства РФ. 2012. №53 (Часть I). Ст. 7598.

² *Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации*: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Собр. законодательства РФ, 2011, №48, ст. 6724; *Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации*: Федеральный закон РФ от 29 ноября 2010 г. №326-ФЗ (ред. от 28.01.2020) // Собр. законодательства РФ. 2010. №49. Ст. 6422.

³ *Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации*: Федеральный закон РФ от 28 декабря 2013 г. №442-ФЗ (в ред. от 01.05.2019) // Собр. законодательства РФ. 2013. №52 (Часть I). Ст. 7007.

⁴ *Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации*: Федеральный закон РФ от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ (в ред. от 27.02.2020) // Собр. законодательства РФ. 1999. №42. Ст. 5005.

⁵ *Основы законодательства Российской Федерации о культуре*: Утверждены ВС РФ 9 октября 1992 г. №3612-1 // Российская газета, 1992, 17 ноября.

⁶ *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций*: Федеральный закон РФ от 5 апреля 2010 г. №40-ФЗ (в ред. от 27.05.2014).

С внесением же в 2016 г. очередных изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях»¹ был установлен новый организационно-правовой институт некоммерческой организации — исполнителя общественно-полезных услуг. Согласно данной новелле российского законодательства, социально ориентированной признаётся некоммерческая организация, которая на протяжении одного года и более оказывает общественно полезные услуги надлежащего качества. При этом она не должна являться некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, и не иметь задолженностей по налогам и сборам, а также иным обязательным платежам, предусмотренным российским законодательством. В развитие положений российского законодательства о новом виде некоммерческих организаций Президентом РФ были определены приоритетные направления деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг², а Правительством РФ утверждён их перечень³ и реестр⁴.

Российская практика институционализации социально ориентированных некоммерческих организаций отражает тенденции развития соответствующих структур в зарубежных странах, где организации общественной пользы как институты гражданского общества играют все более важную роль. Характеризуя организации данного типа, исследователи акцентируют внимание на отличительной особенности данных структур — они функционируют «с целью оказания помощи преимущественно или только третьим лицам, а не исключительно своим членам»⁵.

¹ *О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации — исполнителя общественно полезных услуг*: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. №287-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. №27 (Часть I). Ст. 4220.

² *Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг*: Указ Президента Российской Федерации от 8 августа 2016 г. №299 (в ред. от 01. 07. 2017) // Собр. законодательства РФ. 2016. №33. Ст. 5164.

³ *Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания*: Постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2016 г. №1096 (в ред. от 29. 06. 2019) // Собр. законодательства РФ. 2016. №45 (Часть II). Ст. 6261.

⁴ *О реестре некоммерческих организаций — исполнителей общественно полезных услуг*: Постановление Правительства РФ от 26 января 2017 г. №89 // Собр. законодательства РФ. 2017. №6. Ст. 937.

⁵ *Милославская Д. И., Шумбурова О. В., Иванова Н. В.* Статус организаций общественной пользы в законодательстве различных стран // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. №1. С. 35.

Серьёзной проблемой социально-экономического развития России является, как нам представляется, критически низкий уровень доверия в обществе. Но именно доверие следует рассматривать как форму отношений, которые складываются в обществе в конкретных исторических условиях и характеризуются ожиданием потенциально благонадёжного поведения партнёра.

В сущности, социально ориентированные некоммерческие организации призваны содействовать росту доверия в современном российском обществе. Теоретическую основу социально ориентированных некоммерческих организаций составляет понятие производства социальных благ. Именно концепция производства общественных благ на современном этапе является ядром теоретических подходов, объясняющих причины существования некоммерческих организаций в рыночной экономике¹.

Как отмечают теоретики, проблема «провала контракта» («неэффективных контрактов») связана с низким уровнем доверия потребителей коммерческим структурам, преследующим извлечение прибыли в качестве основной деятельности. Особенно остро этот вопрос стоит в таких сферах, как помощь социально уязвимым слоям населения (сиротам, инвалидам, пожилым гражданам), когда потребители лишены возможности контролировать поведение коммерческих производителей услуг. В этой связи доверие к социально ориентированным некоммерческим организациям оказывается неизмеримо выше, поскольку они не имеют своей целью извлечение прибыли и ограничены законодательно. Последнее обстоятельство, по мнению А. В. Иванова, есть своего рода «рента» за приоритетное получение социально ориентированными некоммерческими организациями различных мер государственной и муниципальной поддержки, например, финансовой поддержки в форме субсидий².

Социально ориентированные некоммерческие организации, являясь инновационными структурами, призваны выступать в роли посредников между гражданским обществом Российской Федерации и органами федеральной и региональной власти.

Представляется, что единство целей и интересов учредителей, членов и участников социально ориентированных некоммерческих организаций, отсутствие строгого регламента работы делают их

¹ Косыгина К. Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций // Проблемы развития территории. 2018. №3 (95). С. 110.

² Иванов А. В. Некоммерческие организации — исполнители общественно полезных услуг как новый вид социально ориентированных некоммерческих организаций // Современные инновации. 2017. №8 (22). С. 47.

функционирование более эффективным по сравнению с организациями и учреждениями государственного сектора, а услуги, оказываемые ими, более конкурентоспособными на рынке. Важным фактором в этом процессе выступает неподдельная заинтересованность членов и участников социально ориентированных некоммерческих организаций в избранном ими виде деятельности и её результатах.

С точки зрения методов управления социально ориентированные некоммерческие организации требуют особого подхода, с учётом значимости их роли в социальной, образовательной и культурно-нравственной трансформации российского общества. При этом следует учитывать, что при всём многообразии устремлений рассматриваемых организаций, их цели и характер деятельности не должны противоречить принципам социальной ответственности¹.

Эмпирические исследования показывают, что в большинстве субъектов Российской Федерации правовые основы привлечения некоммерческих организаций к оказанию социальных услуг сформированы в следующих областях социальной сферы: дошкольное и общее образование; среднее профессиональное образование; медицинская помощь в рамках реализации территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи; социальное обслуживание на дому граждан пожилого возраста и инвалидов; реабилитация инвалидов; социальная реабилитация больных наркоманией и др.

3.3. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ ФОРМ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Одной из правовых форм реализации социальной функции государства является правотворческая деятельность. С точки зрения директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академика РАН Т. Я. Хабриевой, последовательное движение России «к инновационному и социально ориентированному типу развития обусловило не только обновление корпуса социального законода-

¹ Левкина Л. И. Взаимодействие инновационных организационных структур сообществ НКО с государственными органами управления // Вопросы управления. 2016. №2 (39). С. 85; Рудник Б. Л., Куштанкина Е. В., Романова В. В. Привлечение НКО к оказанию услуг социальной сферы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. №2. С. 117.

тельства, но и постепенную социализацию всего российского законодательства»¹.

Вряд ли столь оптимистичный подход может быть принят представителями юридической науки единогласно. Например, по мнению Е. В. Аристов, законотворческая деятельность, тенденции и перспективы развития законодательства Российской Федерации во исполнение конституционного принципа социальности государства дают необходимые и достаточные основания для вывода о том, что с концептуально-доктринальной точки зрения наличествует преимущественно косметический характер изменений в действующее законодательство. При этом учёным-правоведом признаётся осуществление определённой деятельности системного характера, направленной на снятие некоторых коллизий и иных дефектов нормативно-правового обеспечения, детерминируемого конституционным принципом социальности государства².

Некоторые представители экспертного сообщества, признавая определённые противоречия и даже некоторую бессистемность российского законодательства в социальной сфере, являющуюся следствием необходимости оперативного реагирования на возникающие трудности эпохи радикального реформирования общественных отношений, возлагали надежды на реализацию государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» на 2013–2020 годы. По их мнению, она была призвана придать нормотворческому процессу в социальной сфере плановый, целостный характер. Благодаря реализации программы число граждан, живущих за чертой бедности, должно было снизиться с 13% (на момент принятия госпрограммы) до 10,2% к 2020 году. К сожалению, этого достигнуто не было.

При этом в правовой системе современной России к настоящему времени продолжает существовать довольно объёмный и при этом фрагментарный массив нормативных правовых актов, регулирующих отношения в социальной сфере, ситуацию в которой, как показывает сухая статистика, вряд ли можно считать удовлетворительной.

На протяжении последних лет идёт жаркая научная дискуссия о необходимости принятия федерального систематизированного акта — Социального кодекса Российской Федерации. Следует отметить, что в настоящее время действует более полутысячи федеральных за-

¹ *Научные концепции развития российского законодательства*: монография. 7-е изд доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М.: ИД Юриспруденция, 2015. С. 20.

² *Аристов Е. В.* Концепция проекта Социального кодекса Российской Федерации // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право.* 2018. Том 48. №3. С. 510.

конов, имеющих в большей или меньшей степени социальную направленность. Непосредственно же предмету нормативного правового регулирования социальной поддержки населения посвящено более полутора сотен федеральных законов.

Несколько лет назад российскими учёными из Института социально-экономических проблем народонаселения РАН на основе социально-экономической и юридической экспертиз влияния российских законов и законопроектов на повышение качества и доступности социальных услуг для широких слоёв населения российскими учёными было подготовлено заключение о целесообразности принятия Социального кодекса Российской Федерации¹.

Исследователи, проанализировав Проект, подготовленный ещё в 2003 году межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение», выразили полное согласие с самой идеей принятия соответствующего федерального законодательного акта сводного характера в виде кодекса, позволяющего охватить всю важнейшую часть нормативного материала законодательства о социальной сфере на основе единых принципов. Это позволит достаточно детально, полно и непосредственно урегулировать общественные отношения в рассматриваемой сфере. Вместе с тем был отмечен принципиальный недостаток предложенного законопроекта, который делает его практически невыполнимым на практике. Речь идёт о проблеме излишней широты отношений, подлежащих правовому регулированию. В частности, речь идёт о детальной регламентации социальных прав в сфере трудовых, гражданских, жилищных, налоговых отношений; социальных правах в сфере образования, культуры, инфраструктуры, экологии и безопасности. Совершенно очевидно, что это приведёт либо к дублированию, либо к конкуренции соответствующих норм с уже существующими отраслями российского законодательства (трудовым, гражданским, жилищным, экологическим и др.).

Таким образом, избыточность предмета правового регулирования чрезвычайно «утяжелила» предложенный законопроект.

Вместе с тем, аналитикам удалось выделить и сильные стороны предложенного Проекта. В частности, речь идёт о таких важных позициях как:

- соответствие нормам международно-правового характера в социальной сфере;
- формирование условий для функционирования единой (в масштабе федеративного государства) системы социального обеспечения за счёт кодификации основных законодательных актов в этой сфере;

¹ Локосов В. В., Ярашева А. В. Социальный кодекс России: pro et contra: монография. М.: ЛексПраксис, 2014.

- позитивным шагом стала бы и унификация терминологии социального законодательства, адекватной современному состоянию;
- упорядочение существующих в настоящее время видов социального обеспечения;
- создание на базе Социального кодекса Российской Федерации единой двухуровневой системы социального законодательства;
- отказ от имеющей место декларативности в регулировании отношений по социальному обеспечению;
- гарантированность соблюдения минимальных социальных стандартов, что в условиях значительно числа дотационных субъектов Российской Федерации, приобретает особую актуальность, поскольку позволяет обеспечивать реальное равноправие граждан в сфере получения социальной помощи;
- формирование единых минимальных стандартов с учётом всех социальных реалий, в том числе в российских регионах;
- возможность оптимизировать правоприменительную практику в части исполнения единых минимальных социальных стандартов;
- возможность оперативной корректировки регулирования социальной сферы посредством внесения в кодифицированный акт изменений и дополнений с учётом сложившейся правоприменительной практики¹.

При этом российские парламентарии возлагают надежды, прежде всего, на региональный законодательный корпус. Так, по мнению первого заместителя председателя Комитета Совета Федерации по социальной политике Л. П. Кононовой, несмотря на то, что на федеральном уровне предпринимались попытки разработать Социальный кодекс, «на уровне регионов это сделать намного проще и, наверно, оптимально»².

Положительно оценивая опыт тех субъектов Российской Федерации, которые пошли по пути принятия подобных кодифицированных актов, парламентарий подчеркнула, что мера служит хорошей основой для более эффективного распределения региональных бюджетных средств, а также упрощает для населения «пользование законодательством». Последнее обстоятельство, действительно, немаловажный фактор. Как показывает практика, принятие Социального кодекса позволяет существенно сократить количество других

¹ Локосов В. В., Ярашева А. В. Указ. соч. С. 99–100.

² Регионам нужен Социальный кодекс, считает Кононова // Официальный сайт «Парламентской газеты»: [сайт]. — URL: <https://www.pnp.ru/politics/regionam-nuzhen-socialnyy-kodeks-schitaet-kononova.html> (дата обращения: 01.02.2020).

региональных актов. Например, в Ленинградской области после принятия соответствующего нормативного правового акта было признано утратившими силу более 60 региональных законов, а в Санкт-Петербурге — 78¹.

Надо признать, что субъектами Российской Федерации к настоящему времени накоплен значительный опыт систематизации социального законодательства, в целом, позитивно оцениваемый представителями научного сообщества².

Первый региональный Социальный кодекс был принят ещё в 2004 г. в Белгородской области³. В последующие годы аналогичные акты были приняты в Омской области⁴, Ярославской области⁵, Санкт-Петербурге⁶,

¹ Регионам нужен Социальный кодекс, считает Кононова // Официальный сайт «Парламентской газеты»: [сайт]. — URL: <https://www.pnp.ru/politics/regionam-nuzhen-socialnyy-kodeks-schitaet-kononova.html> (дата обращения: 01.02.2020).

² Аминова А. Р. Пилотная стадия кодификации социального законодательства в Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2018. №2 (32). С. 95–98; Андреева Е. И., Бычков Д. Г., Феоктистова О. А. Региональные подходы к оптимизации мер социальной поддержки // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. №5. С. 25–36; Литвинова В. В. Сравнительный анализ социальных кодексов субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2019. №3 (100). С. 151–160.

³ Закон Белгородской области от 28 декабря 2004 г. №165 (ред. от 19 декабря 2019 г.) «Социальный кодекс Белгородской области»: URL: Официальный сайт Белгородской областной Думы: https://www.belduma.ru/document/laws/laws_detail.php?soz=3&god=2004&nom=165 (дата обращения: 01.02.2020).

⁴ Кодекс Омской области о социальной защите отдельных категорий граждан: Закон Омской области от 4 июля 2008 г. №1061-ОЗ (ред. от 05 ноября 2019 г.): URL: Справочная правовая система «Консультант Плюс»: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW148&n=37486#0462712977989266> (дата обращения: 01.02.2020).

⁵ Социальный кодекс Ярославской области: Закон Ярославской области от 12 декабря 2008 г. №65-а (ред. от 24 сентября 2019 г.): URL: Официальный сайт Ярославской областной Думы: http://www.duma.yar.ru/service/acts/z_08_065.html (дата обращения: 01.02.2020).

⁶ Социальный кодекс Санкт-Петербурга: Закон Санкт-Петербурга от 22 ноября 2011 г. №728–132 (ред. от 17 февраля 2020 г.): URL: Официальный сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга: <https://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/891859785> (дата обращения: 01.02.2020).

Волгоградской области¹, Ленинградской области².

В качестве же первоочередных мер представителями экспертного сообщества предлагается федеральному законодателю принятие целой серии федеральных законов. Обозначим лишь некоторые из них.

Во-первых, законодательное закрепление минимальных социальных стандартов. Представляется заслуживающим внимания предложение о необходимости принятия специального Федерального закона «О социальном стандарте достойной жизни». Кстати, соответствующее предложение содержится в социальной программе партии «Родина». По мнению инициаторов принятия данного нормативного правового акта, он должен включать в себя: во-первых, гарантированный государством стартовый уровень доходов; во-вторых, ассортимент продуктов питания и непродовольственных товаров, лекарств и услуг первой необходимости; в-третьих, гибкий и прозрачный механизм государственного регулирования цен на социально значимые товары.

Во-вторых, не терпящим отлагательств вопросом является принятие профильного закона о снижении социальной проблемы бедности.

В-третьих, в целях ликвидации признаваемого даже на правительственном уровне феномена «работающих нищих», необходимо законодательное закрепление адекватной ставки минимального размера оплаты труда, Жизненно необходима его привязка не к неадекватным, а к реальным условиям, к действительному (фактическому) размеру прожиточного минимума.

В-четвёртых, важно на законодательном уровне закрепить минимальную ставку почасовой (или дневной) оплаты труда с адекватной привязкой к экономическим реалиям. В современной России работниками вынуждены «тянуть» две ставки и более, что ведёт к негативным последствиям физического и морально-психологического характера как для самого работающего, так и для членов его семьи (несовершеннолетние дети остаются без родительского внимания).

¹ *Социальный кодекс Волгоградской области: Закон Волгоградской области от 31 декабря 2015 г. №246-ОД (ред. от 04 февраля 2020 г.): URL: Официальный сайт Волгоградской областной Думы: http://asozd.volgoduma.ru/index.php?option=com_asozd&view=download&format=raw&data=4Kklp%2FsfYXPHi%2FGUjFz%2Fw%3D%3D (дата обращения: 01.02.2020).*

² *Социальный кодекс Ленинградской области: Областной закон Ленинградской области от 17 ноября 2017 г. №72-оз (ред. от 17 февраля 2020 г.): URL: Правовые акты Ленинградской области, 2020: <https://lenoblpravo.ru/zakon/2017-11-17-n-72-oz/> (дата обращения: 01.02.2020).*

В-пятых, законодателем должны быть определены жёсткие требования к бюджетной политике, направленной на обеспечение социальной политики Российского государства.

В-шестых, необходим пакет законодательных изменений, устраняющих явную дефектность социальной политики Российской Федерации в отношении целого ряда ключевых социальных, которые в настоящее время являются декларативными (фиктивными) и перевода их в разряд (качество) реальных и действенных. В частности, речь идёт о размерах пособий на детей, по беременности, родам, инвалидности и т. п.

В-седьмых, необходим радикальный пересмотр федеральным законодателем российской пенсионной реформы.

В-восьмых, нормативное правовое регулирование, которое обеспечивало бы большую степень согласованности федерального законодательства в социальной сфере и регионального законодательства, прежде всего социальных кодексов субъектов Российской Федерации, принятие которых заслуживает всемерной поддержки и дальнейшего развития и совершенствования.

Исследователями предлагается принятие специального федерального закона о социальном предпринимательстве. В настоящее время социальные предприниматели осуществляют свою деятельность в нормативном правовом формате, установленном для социально ориентированных некоммерческих организаций либо коммерческих структур малого и среднего предпринимательства. Совершенно ясно, что указанные законодательные параметры не учитывают специфику социального предпринимательства, которое, как нам представляется, имеет большие возможности для решения множества социальных противоречий в современном российском обществе. Необходима чёткая законодательная дефиниция понятия «социальное предпринимательство», обеспечение мер его государственной поддержки и т. п.¹

В научной литературе справедливо отмечается, что отчасти широту конституционного регулирования в современной России социальных отношений и социальных прав можно рассматривать как продолжение традиции конституций советского периода. При этом действующая Конституция РФ закрепляет эти права в принципиально ином контексте. Речь идёт о государстве, провозглашающем принципы рыночной экономики, признающем и защищающем все формы собственности. Отсюда проистекает и принципиально иная концепция социальных прав.

Судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь справедливо заметил, что действующая Конституция РФ, будучи весьма либеральной с точки зрения общеправовых, мировоззренческих подхо-

¹ Семёнова Д. А. Социальное предпринимательство: формирование нового механизма социального развития // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2016. №4. С. 106.

дов к решению многих фундаментальных проблем (политической власти, рыночной экономики, положения личности в обществе и государстве) в то же время безоговорочно закрепляет *нормативно-правовую модель социально-ориентированной свободы*. В частности, уже в формулировке ч. 1 ст. 7 Конституции РФ присутствует указание на *свободное развитие человека* как на важнейшую цель социального государства, его сущностную характеристику. Между тем, как известно, свобода является смысловой доминантой логической формулы именно правовой, а не социальной государственности. Для последней же такой доминантой являются идеи справедливости и равенства. По мнению авторитетного ученого-правоведа, в силу данного обстоятельства, российская конституционная модель социального государства «содержит некий внутренний резерв для преодоления противоречий между принципами социального государства, с одной стороны, и правового государства — с другой, на основе баланса соответствующих конституционных ценностей»¹.

По мнению ряда российских правоведов, обновление Конституции РФ в результате внесения в её текст соответствующих изменений² также способствует раскрытию её потенциала в сфере регулирования социальных прав и социальных отношений.

В целом, завершая анализ современного состояния и тенденций развития юридических форм реализации социальной функции современного Российского государства, следует акцентировать внимание на необходимости укрепления доверия населения к правотворческой деятельности государства в социальной сфере.

К сожалению, существующая сегодня частота изменений действующего законодательства, которая сопровождается несистемностью и даже хаотичностью в принятии новых законов подрывает доверие к государству. В ряде случаев нарастают признаки избыточности нормативного вмешательства со стороны государства в общественные отношения. Зачастую, как в случае с пенсионной реформой, законодательные решения воспринимаются как несправедливые.

Наконец, принимаемые законы далеко не всегда увязаны с актами стратегического планирования. Основные направления стратегического планирования в социальной сфере и векторы развития социального законодательства в ряде случаев плохо коррелируются друг с другом.

¹ Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации: монография. М.: Юстицинформ, 2005. С. 484.

² О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 №1-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. №11. Ст. 1416.

Заключение

Проведённое исследование позволяет подвести итоги и сделать следующие выводы.

Во-первых, российской теоретико-правовой наукой было выработано три основных подхода к исследованию функций государства: как деятельность (деятельностный подход); как направление и содержание политики государства (предметно-политический подход); как обусловленные телеологией проявления социального назначения государства (социально-телеологический подход). При этом, с точки зрения ретроспективного анализа, количество функций государства, их содержание, равно как и дефинитивное выражение претерпевали и продолжают претерпевать существенные изменения. Посредством своего функционала, используя соответствующий политико-правовой инструментарий, государство оказывает влияние на состояние социальных процессов. Программно-целевой подход к исследованию функций государства указывает на их системный характер, позволяя обнаруживать дисфункции социальной системы.

Благодаря функциональному анализу можно с достаточной высокой степенью достоверности получить адекватное представление о характере государства и социальном векторе его бытия.

Говоря о социальной функции государства, следует обратить внимание на проблему слабой разработанности понятийно-категориального аппарата сферы социальных отношений. Правоведы в этой связи совершенно обоснованно обращают внимание на неясность как понятия «социальное государство», так и определения критериев его «социальности».

Неоднозначно решается в науке и вопрос о генезисе социальной функции государства. С точки зрения одних исследователей, социальная функция имманентно присуща всякому государственно организованному социуму. Следовательно, даже в условиях жёсткой классовой асимметрии государственно организованного общества

на ранних этапах его развития, государство было вынуждено решать и отдельные общесоциальные задачи. Другие авторы, напротив, акцентируют внимание на довольно позднем появлении в числе функций государства социальной функции. Как нам представляется, необходимо учитывать масштабы охвата государством социальной сферы, а также придания государственной деятельности характера стратегического планирования в управлении теми процессами, которые имеют место в социальной сфере. В этом смысле, несомненно, социальная функция появляется гораздо позже остальных.

Оптимальным пониманием социальности государства следует признать максимизацию доступа к общественным благам всех членов общества, достигаемую посредством целенаправленной деятельности государства.

Во-вторых, определение места социальной функции в системе функций государства может осуществляться посредством использования различных критериев. Так, с точки зрения классификации, в зависимости от степени значимости, социальная функция, несомненно, должна быть признана главной. Соответственно, производной от неё будет выступать функция индексации.

Если за основу классификации взять критерий разграничения функций на внутренние и внешние, то, как правило, социальную функцию рассматривают в числе внутренних функций государства. Тем не менее в современной науке был заявлен и широкий подход, предполагающий выделение внутренней социальной функции и внешней, поскольку в условиях международной интеграции социальный вектор деятельности государства выходит за национальные границы. Так, Российская Федерация, как субъект международного сообщества, принимает самое активное участие в решении гуманитарных проблем, соотносимых с теми вопросами, которые отождествляются с социальной функцией.

С точки зрения выделения постоянных и временных функций, социальная функция является постоянной. В дисфункции деятельности государства в социальной сфере под угрозой оказывается существование самого государства и населения страны.

Определённый плюрализм прослеживается в правовой науке в отношении структурной характеристики социальной функции. Как правило, исследователи говорят о ней в единственном числе. Однако некоторые учёные-правоведы, отталкиваясь от соответствующих критериев проявления, говорят о ней во множественном числе, характеризуя её подфункции в качестве самостоятельных направлений.

Следует признать, что функции современного государства отличаются комплексным синтезированным характером. Причём ши-

рокое понимание социальности заставляет говорить о «социальной компоненте» во всех функциях государства. Иными словами, ни одна из функций не является социально нейтральной. Между функциями государства существует тесная диалектическая взаимосвязь. Наиболее тесная взаимосвязь, подчас доходящая до слияния, как показало проведённое исследование, существует между социальной и экономической функциями государства.

В-третьих, осуществляя социальную функцию, государство действует разнообразные ресурсы. В их числе следует назвать следующие средства: материальные, финансовые, кадровые, информационные, силовые и др. Наибольший эффект при этом достигается при их комплексном использовании.

Государство, реализуя свой функционал в социальной сфере, использует директивно-императивный, диспозитивный и рекомендательный (индикативный) методы. В числе важнейших средств государственно-властного воздействия на социальные процессы следует назвать поощрение, убеждение и легитимное принуждение.

Основными формами реализации социальной функции государства являются администрирование (организационно-управленческая деятельность), стратегическое планирование, разработка и принятие нормативных правовых актов, организация и осуществление контроля за выполнением принятых решений, осуществление различных видов мониторинга.

О социальной функции государства можно судить по той политике, которую государство проводит в социальной сфере. Анализ доктринальных источников даёт основания утверждать, что социальная политика государства является междисциплинарным понятием, объём которого подчас существенно отличается. Тем не менее, можно выделить главное в рассматриваемом феномене. Это деятельность, прежде всего, властных субъектов, призванных обеспечивать сохранение и воспроизведение целостности государственно организованного социума (его жизнеспособности) и цивилизованного взаимодействия в обществе различных социальных сил, причём, зачастую с не совпадающими интересами.

Социальная политика современного государства призвана решать ряд проблем — проблему видения социальных перспектив; проблему определения социальных целей; проблему адекватного видения социальных возможностей; проблему минимизации социальных рисков.

Социальная политика, равно как и его экономическая политика являются структурными компонентами более ёмкого понятия — «политика социального правового государства».

В-четвёртых, социальная функция современного Российского государства в условиях рыночной экономики, которой изначально присущ рисковый характер, преследует в качестве одной из основных целей минимизацию социальных рисков. В общественных науках, применительно к актуальному состоянию общества, утвердилось понятие «общество риска». Для характеристики современного российского общества помимо названного понятия используется ещё одно — «общество травмы». Проявлениями этого, как показывают эмпирические данные социологических исследований, выступает социальная апатия значительной части населения, которое демонстрирует тревожную тенденцию неудовлетворённости своим положением, что чревато перспективой социальных потрясений. В этой связи вопросы минимизации социальных рисков выходят на первый план.

К сожалению, как показало проведённое исследование, действующее российское социальное законодательство оперирует понятийно-категориальным аппаратом, который не позволяет говорить о чётких дефинитивных определениях, относящихся к защите личности от социальных рисков. В частности, нет ясности в вопросе о том, как соотносятся такие ключевые понятия, как «социальное обеспечение», «социальная защита», «социальная поддержка», «социальная помощь». На доктринальном уровне они произвольно выстраиваются исследователями в некую иерархическую систему. Многие подходы, предлагаемые исследователями, являются небесспорными.

Центральными, системообразующими понятиями защиты личности от социальных рисков следует признать такие понятия, как «достойный уровень жизни» и «достойное человеческое существование».

В-пятых, в условиях болезненного становления рыночных отношений социальная система Российской Федерации не столько целенаправленно реформировалась, сколько ситуативно приспособлялась к новым реалиям. Вплоть до рубежа XXI века, государственные институты, исходя из задачи снижения уровня протестного потенциала, вынуждены были осуществлять политику предоставления всё новых и новых социальных обязательств, которые распространялись на самые широкие социальные страты. Однако в первое десятилетие XXI в. властью были предприняты решительные шаги по оптимизации не оправдывающей себя системы социальных гарантий. При этом реализация политики «монетизации льгот» обернулась дестабилизацией социальной обстановки. В контексте решения социальных проблем государство заявило о стратегическом плане действий, который получил оформление в виде так называемых «на-

циональных проектов». Их важнейшей целью стало существенное повышение качества жизни граждан Российской Федерации. К сожалению, многие поставленные цели оказались недостижимыми. Тем не менее осуществление социальной функции современного Российского государства отныне стало проводиться на основе целенаправленного стратегического планирования.

В-шестых, в условиях существующей в Российской Федерации избыточной дифференциации доходов населения актуальность приобретают вопросы перехода к социально ориентированной налоговой политике, предусматривающей перераспределение доходов населения между различными категориями граждан в целях стимулирования развития человеческого капитала и поддержания социального равновесия. Прежде всего, речь идёт о необходимости введения прогрессивной шкалы налогообложения по налогу на доходы физических лиц. Именно прогрессивное налогообложение доходов в наибольшей степени отвечает принципам социальной справедливости. Введение прогрессивной шкалы налогообложения не является единственным направлением придания социального характера налогообложению. Можно привести и другие подходы, чья эффективность подтверждена опытом наиболее успешных зарубежных стран. В частности, введение семейного налогообложения доходов населения, когда в качестве налогооблагаемой базы выступает расходный доход семьи или главы семьи с учётом произведённых и законодательно закреплённых в соответствующих пределах расходов (например, расходы на добровольное пенсионное, медицинское страхование, страхование жизни налогоплательщика и членов его семьи, на обучение детей и т. д.).

В-седьмых, социальная политика, как регулятор разнообразных интересов социальных групп, эффективна лишь при условии стабильности общества. В этом случае она призвана разрешать противоречия между текущими и перспективными интересами общества, между несовпадающими или противоречащими интересами множества социальных групп и слоёв общества. Изначально представление о социальной политике государства раскрывалось, главным образом, через функцию труда и потребления. В дальнейшем происходило расширение данной функции посредством включения в неё дополнительных элементов (например, функции повышения благосостояния народа, оказания социальных услуг населению и т. д.). Анализ новейших тенденций позволяет исследователям констатировать увеличение объёма и содержания функции социальной политики. При этом особое значение имеет такая функция социальной политики государства, как социальная защита населения.

В-восьмых, в последнее время в работах отечественных правоведов всё активнее используется термин «сервисное государство», который позволяет пересмотреть параметры социального государства с учётом наработок экономического подхода к праву, а также эффективности размещения ресурсов и сокращения транзакционных издержек. Однако данный конструкт не является органичным для российского общественного сознания, его механическое перенесение несёт серьёзные социальные риски.

Тенденцией последнего времени стал поиск инновационных способов решения острых социальных проблем и новых действенных механизмов распределения социальной ответственности между субъектами социальной политики. В качестве одного из наиболее перспективных направлений можно назвать социальное предпринимательство. Речь идёт о новаторской деятельности, изначально направленной на снятие или смягчение социальных проблем общества на условиях самокупаемости и устойчивости. Важнейшим критерием социального предпринимательства является его социальная миссия, проявляющаяся в решении конкретной социальной проблемы. Эффективное управление социальной сферой, призванной обеспечить каждому гарантированный доступ к получению таких базовых жизненных благ, как здоровье, жильё, минимальный доход, услуги в сфере культуры, предполагает в качестве ключевого элемента развитие социально ориентированных предпринимательских практик.

В-девятых, важнейшей правовой формой реализации социальной функции современного Российского государства выступает правотворческая деятельность. На основе проведённого исследования можно сделать вывод о существовании ряда проблем. Действующее федеральное социальное законодательство состоит из бесчисленного множества нормативных правовых актов, в которых сложно разобраться даже профессионалу. Очевидным выходом из сложившегося положения явилось бы принятие Социального кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, как показывает анализ законопроектной деятельности в данной сфере, принятие подобного акта сопряжено с немалыми сложностями, учитывая широкий охват сферы его правового регулирования. Помимо громоздкости данного документа, он неизбежно привёл бы к дублированию норм из других кодифицированных актов.

Отстаивая широкий поход к пониманию социальной функции современного Российского государства, тем не менее, мы считаем необходимым указать на нецелесообразность принятия единого кодифицированного акта, в котором были бы отражены все во-

просы, касающиеся социальной сферы современного общества. По-видимому, оптимальной формой явилась бы систематизация законодательства, сфера действия которого ограничена вопросами социальной защиты и социального обеспечения населения. Именно по этому пути пошли законодательные собрания в субъектах Российской Федерации.

Несомненно, принятие кодифицированного акта в такой жизненно важной для самых широких слоёв населения сфере упорядочивает правовое регулирование, облегчает доступ граждан к нормативно-правовому массиву.

Прежде всего, необходимо выделить установление единых правовых основ здравоохранения, системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования, которые отнесены к исключительному ведению Российской Федерации. А также координацию вопросов здравоохранения, в частности обеспечения оказания доступной качественной медицинской помощи, сохранения и укрепления общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью, которые отнесены к совместному ведению Федерации и её субъектов.

Таковы основные результаты проведённого исследования социальной функции современного Российского государства.

Библиографический список

1. Абакумова, Е. Б. Государственное обеспечение права на труд лиц с ограниченными возможностями здоровья / Е. Б. Абакумова // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №4. — С. 34–39.

2. Абдурахманова, И. В. Становление концепции социального государства в российской и в зарубежной юриспруденции / И. В. Абдурахманова // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — №3. — С. 144–146.

3. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян — М.: Юстицинформ, 2015. — 640 с.

4. Авдеев, Д. А. Конституционная экономика в современной России (новый взгляд на старые проблемы)/Д. А. Авдеев // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 40–51.

5. Аверьянова, М. И. Обеспечение жилищных прав бездомных / М. И. Аверьянова // Социальное и пенсионное право. — 2018. — №2. — С. 42–45.

6. Аганбегян, А. Г. Демографическая драма на пути перспективного развития России/А. Г. Аганбегян // Народонаселение. — 2017. — №3 (77). — С. 4–23.

7. Аганбегян, А. Г. Сбережение населения России под вопросом/А. Г. Аганбегян // Народонаселение. — 2018. — Том. 21. — №4. — С. 4–13.

8. Агашев, Д. В. Вопросы интеграции законодательства государств Евразийского экономического союза в сфере социального обеспечения/Д. В. Агашев // Социальное и пенсионное право. — 2018. — №3. — С. 22–26.

9. Адриановская, Т. Л. Эффективность правового регулирования оказания медицинской помощи на современном этапе / Т. Л. Адриановская // Социальное и пенсионное право. — 2018. — №2. — С. 25–28.

10. Александрова, А. В. Конституционное регулирование пенсионных прав и пределы усмотрения законодателя / А. В. Александрова // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Выпуск 19. — М.: Юрист. — 2019. — С. 612–616.

11. Александрова, О. А., Ярашева А. В. Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности / О. А. Александрова, А. В. Ярашева // Народонаселение. — 2018. — Том 21. — №1. — С. 4–21.

12. Алексева, О. А., Бестужева, О. Ю., Вершинская, О. Н., Галюжин, А. Ю., Скворцова, Е. Е Новые возможности и риски потребления электронных услуг людьми старшего возраста / О. А. Алексева, О. Ю. Бестужева, О. Н. Вершинская, А. Ю. Галюжин, Е. Е Скворцова // Народонаселение. — 2019. — Том 22, — №1. — С. 128–142.

13. Аминова, А. Р. Пилотная стадия кодификации социального законодательства в Российской Федерации / А. Р. Аминова // Вестник Российского университета кооперации. — 2018. — №2 (32). — С. 95–98.

14. Андреева, Е. И., Бычков, Д. Г., Феоктистова О. А. Региональные подходы к оптимизации мер социальной поддержки / Е. И. Андреева, Д. Г. Бычков, О. А. Феоктистова // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. — 2016. — №5. — С. 25–36.

15. Андреева, Л. А. Обязательные социальные фонды в России: проблемы и перспективы / Л. А. Андреева // Социальное и пенсионное право. — 2018. — №4. — С. 19–25.

16. Анисимова, Н. В. Исторические традиции принципа субсидиарности / Н. В. Анисимова // Социальная роль права: история и перспективы. Материалы международной научной конференции/ под ред. Ю. И. Скуратова. — М.: Союз, 2003. — С. 139–148.

17. Аргунов, В. В. Теория «сервисного государства» и её влияние на гражданский процесс / В. В. Аргунов // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Вып. 20. — М.: Юрист, 2020. — С. 151–155.

18. Аристов, Е. В. Концепция проекта Социального кодекса Российской Федерации/Е. В. Аристов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. — 2018. — Том 48. — №3. — С. 509–518.

19. Аристов, Е. В. Научные интерпретации содержания понятий «социальное государство» и «социальность государства»/Е. В. Аристов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. Вып. 38. — С. 417–429.

20. Аристов, Е. В. Правовая парадигма социальности государства: монография/Е. В. Аристов. — М.: Юнити-Дана, 2016. — 367 с.

21. Аристов, Е. В. Социальность государства: зарубежный опыт конституционно-правового обеспечения: Дис. ... докт. юрид. наук./Е. В. Аристов. — М., — 2017. — 473 с.
22. Аристов, Е. В. Роль политических партий в формировании социального государства: монография / Е. В. Аристов. — М.: Юнити-Дана, 2016. — 191 с.
23. Архангельский, В. Н., Елизаров, В. В., Джанаева, Н. Г. Оценка уровня жизни семей с детьми: аналитические возможности обследования Росстата / В. Н. Архангельский, В. В. Елизаров, Н. Г. Джанаева // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — №1 (211). — С. 65–79.
24. Астафичев, П. А. Свобода экономической деятельности и право на достойный жизненный уровень в конституционном праве России / П. А. Астафичев // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 64–74.
25. Афанасьев, В. С. Функции государства: начала философско-системного анализа / В. С. Афанасьев // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — №3 (47). — С. 54–59.
26. Афлетонова, А. М., Хамитова, Г. М. Развитие законодательства Российской Федерации о финансовой поддержке женщин, имеющих детей в возрасте от 1,5 до 3 лет / А. М. Афлетонова, Г. М. Хамитова // Социальное и пенсионное право. — 2018. — №3. — С. 27–31.
27. Бабаев, С. В. Теория функций современного Российского государства: Дис. ... канд. юрид. наук. / С. В. Бабаев. — Н. Новгород, 2001. — 201 с.
28. Бабурин, С. Н. Сущность государства / С. Н. Бабурин // Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. М. Н. Марченко. — М.: Проспект, 2014. — С. 153–177.
29. Барышков В. П. Аксиология: учебное пособие / В. П. Барышников. — Саратов: ИЦ «Наука», 2009. — 65 с.
30. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну: монография./пер. с нем. В. Седелника и Н. Фёдоровой; послесл. А. Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
31. Беляева, Ю. Н. О социальных функциях государства / Ю. Н. Беляева // Журнал российского права. — 2016. — №1. — С. 99–106.
32. Бенедская, О. А. Чтобы Атлант не расправил плечи: Конституционный Суд РФ и социальное бремя бизнеса / О. А. Бенедская // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 98–103.
33. Блохин, П. Д. Экономические доводы в конституционном и административном судопроизводстве / П. Д. Блохин // Ежегодник

конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 103–121.

34. Бобков, В. Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения/В. Н. Бобков // Народонаселение. — 2019. — №2. — С. 91–104.

35. Бобков, В. Н. Повышение адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми: вологодский пилотный проект / В. Н. Бобков // Народонаселение. — 2019. — Том 22. — №1. — С. 106–121.

36. Бобков, В. Н., Гулюгина, А. А., Одинцова, Е. В., Сафронова, А. М. Социально приемлемая потребительская корзина / В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина, Е. В. Одинцова, А. М. Сафронова // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — №2 (212) — С. 8–26.

37. Большакова, Ю. М. От государственных услуг к государственному сервису: к социологии современного государственного управления / Ю. М. Большакова // Власть. — 2018. — №6. — С. 111–117.

38. Бондарь, Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации: монография / Н. С. Бондарь. — М.: Юстицинформ, 2005. — 592 с.

39. Бондарь, Н. С. Экономическая Конституция, конституционная экономика и (или?) экономический конституционализм/Н. С. Бондарь // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 123–154.

40. Бородач, М. В. Конституционный принцип признания и защиты равным образом всех форм собственности как базисная ценность конституционной экономики / М. В. Бородач // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 155–183.

41. Быстренко, В. И. Россия как социальное государство: миф или реальность?/В. И. Быстренко // Идеи и Идеалы. — 2018. — №4(38). — Т. 1. — С. 26–48.

42. Вайпан, В. А. Закрепление в предпринимательском праве социально справедливых принципов рыночной экономики/В. А. Вайпан // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 184–200.

43. Вебер, М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма./М. Вебер; 3-е изд., доп. и испр. — М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2016. — 656 с.

44. Велиева, Д. С. Проблемы конституционной концептуализации понятия «достойная жизнь» / Д. С. Велиева // Ленинградский юридический журнал. — 2014. — №2 (36). — С. 74–84.
45. Воронин Ю. В., Столяров, А. В., Тучкова, Э. Г. К вопросу о выработке нового общественного договора (часть I)/Ю. В. Воронин, А. В. Столяров, Э. Г. Тучкова // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №4. — С. 3–8.
46. Воронин, Ю. В., Столяров, А. В., Тучкова, Э. Г. К вопросу о выработке нового общественного договора (часть II) / Ю. Ю. Воронин, А. В. Столяров, Э. Г. Тучкова // Социальное и пенсионное право. — 2020. — №1. — С. 3–8.
47. Воронюк, Е. П. Социальная функция государства и публичные услуги — конституционные основы / Е. П. Воронюк // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Выпуск 19. — М.: Юрист, — 2019. — С. 161–165.
48. Гаджиев, Г. А. Право и экономика: (методология): монография. / Г. А. Гаджиев. — М.: Норма, Инфра-М, 2016. — 320 с.
49. Галустян, И. Ш., Мелекаев, Р. К. Понимание правового государства как социального в отечественной теории права / И. Ш. Галустян, Р. К. Мелекаев // Северо-Кавказский федеральный университет. — 2019. — №1. — С. 198–204.
50. Горлин, Ю. М., Ляшок, В. Ю., Малева, Т. М. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски / Ю. М. Горлин, В. Ю. Ляшок, Т. М. Малева // Экономическая политика. 2018. Т. 13. №1. С. 148–179.
51. Государственная и муниципальная социальная политика. Курс лекций: учебное пособие / под общ. ред. Н. А. Волгина. — М.: КноРус, 2018. — 1016 с.
52. Государство созидующее: теоретическая модель и современные риски: монография / под ред. О. Н. Полухина. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 416 с.
53. Грабова, О. Н., Суглобов, А. Е. Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления / О. Н. Грабова, А. Е. Суглобов / Экономика. Налоги. Право. — 2017. — №6. — С. 108–116.
54. Гроздилов, С. В., Баруздин, П. Ю. Справедливость в системе социально-экономических отношений: теоретические и институциональные аспекты / С. В. Гроздилов, П. Ю. Баруздин // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — №1 (211) — С. 89–97.
55. Губанкова, Т. Н. Эволюция теоретико-правовых воззрений о социальном государстве в контексте развития социальной доктрины Российской Федерации / Т. Н. Губанкова // Вестник ТГУ. — 2016. — Выпуск. 2 (6). — С. 75–82.

56. Данилов, Е. О. Эволюция правового регулирования медицинской деятельности в России (часть 1) / Е. О. Данилов // История государства и права. — 2019. — №4. — С. 9–15.
57. Данилов, Е. О. Эволюция правового регулирования медицинской деятельности в России (часть 2) / Е. О. Данилов // История государства и права. — 2019. — №5. — С. 45–51.
58. Демко, А. А. Анализ основных этапов пенсионной реформы, промежуточные итоги и дальнейшие перспективы / А. А. Демко // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Выпуск 19. — М.: Юрист, — 2019. — С. 617–621.
59. Дискин, И. Е. Кризис... И всё же модернизация! / И. Е. Дискин. — М.: Европа, 2009. — 264 с.
60. Доброхлеб, В. Г. Социальные вызовы новой пенсионной реформы в условиях современной демографической ситуации в России / В. Г. Доброхлеб // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — №1 (211) — С. 59–64.
61. Доброхлеб, В. Г., Баллаева, Е. А. Семья перед лицом новых социальных вызовов / В. Г. Доброхлеб, Е. А. Баллаева // Народонаселение. — 2018. — Том. 21. — №2. — С. 60–68.
62. Доверие в пяти ракурсах. Материалы семинара «Реалистическое моделирование» 29 ноября 2018 г. // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. — 2019. — №2 (716). — 75 с.
63. Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства: Научно-методический семинар Аналитического управления в рамках подготовки заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации / под общ. ред. В. Д. Кривцова // Аналитический вестник Совета Федерации. — 2020. — №3 (748). — 58 с.
64. Долинская, В. В., Долинская, Л. М. Проблемы правового статуса самозанятых / В. В. Долинская, Л. М. Долинская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2018. — №1. — С. 113–129.
65. Долматова, Н. Г. К вопросу о правовом регулировании полномочий участников бюджетных правоотношений в области обеспечения бюджетной безопасности / Н. Г. Долматова // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — №10. — С. 30–34.
66. Донцов С. Е. Оправдание частной собственности: монография. / С. Е. Донцов. — М.: Оригинал-макет, 2015. — 640 с.
67. Дорошенко Е. Н. Конституционные стандарты достойной жизни и свободного развития человека при проведении пенсионной реформы / Е. Н. Дорошенко // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — №12 (97). — С. 39–54.

68. Дробязко, С. Р. Лица неперспективной жизни в версии Министерства здравоохранения Российской Федерации / С. Р. Дробязко // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — №10. — С. 46–48.
69. Елизаров, В. В., Сеница, А. Л. Факторы бедности семей с детьми и перспективы её снижения / В. В. Елизаров, А. Л. Сеница // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — №2 (212) — С. 63–75.
70. Еникеев, О. А. Гражданско-правовые договоры как гарантия конституционного права на медицинскую помощь / О. А. Еникеев // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Вып. 19. — М.: Юрист, 2019. — С. 200–204.
71. Ерёмкина, О. Ю. Теоретико-правовые основы оценки эффективности государственного управления в социальной сфере: Дис. ... канд. юрид. наук. / О. Ю. Ерёмкина. — М., 2020. — 224 с.
72. Ермакова Э. Р. Социально-экономическое неравенство как следствие несовершенства процессов перераспределения. / Э. Р. Ермакова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2018. — Т. 14. — №7. — С. 1235–1250.
73. Ерыгин, А. А. Роль общественных палат субъектов Российской Федерации в формировании общественных советов при региональных органах государственной власти / А. А. Ерыгин // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — №12. — С. 11–15.
74. Жаромский, В. С. Построение комплексной оценки бедности по трём профилям бедности / В. С. Жаромский // Народонаселение. — 2019. Том 22. — №1. — С. 92–105.
75. Жичкина, С. Е. Концепция «социального вопроса» и современность: монография / С. Е. Жичкина. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 208 с.
76. Жуков, В. Н. Государство. Право. Власть: философия и социология: монография / В. Н. Жуков. — М.: Мир философии, 2015. — 591 с.
77. Заборовская, Ю. М. Конвенция о правах инвалидов и её влияние на социальную политику в отношении осуждённых инвалидов / Ю. М. Заборовская // Социальное и пенсионное право. — 2018. — №2. — С. 8–10.
78. Заборовская, Ю. М. Право на охрану здоровья инвалидов, пожилых лиц и лиц, страдающих социально значимыми заболеваниями, осуждённых к лишению свободы / Ю. М. Заборовская // Социальное и пенсионное право. — 2020. — №1. — С. 32–36.
79. Забрамная, Е. Ю. Конституционно-правовые основы правопорядка в сфере труда / Е. Ю. Забрамная // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Вып. 19. — М.: Юрист, 2019. — С. 622–625.

80. Записная, Т. В. Понятие государственной политики в области охраны здоровья населения / Т. В. Записная // *Медицинское право*. — 2019. — №5. — С. 14–18.

81. Зубова, Л. Г. Неравенство и бедность в России: динамика, причины, необходимость преодоления / Л. Г. Зубова // *Народонаселение*. — 2017. — №3 (77). — С. 104–115.

82. Иваненко, В. А., Иваненко, В. С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционно-правовые аспекты: монография / В. А. Иваненко, В. С. Иваненко. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 404 с.

83. Иванов, А. В. Некоммерческие организации — исполнители общественно полезных услуг как новый вид социально ориентированных некоммерческих организаций / А. В. Иванов // *Современные инновации*. — 2017. — №8 (22). — С. 46–48.

84. Истомина, Е. А. Динамика развития социальных рисков и защита от них / Е. А. Истомина // *Социальное и пенсионное право*. — 2019. — №4. — С. 40–44.

85. Истомина, Е. А., Фёдорова, М. Ю. Правовое положение граждан как субъектов управления социальными рисками / Е. А. Истомина, М. Ю. Фёдорова // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. — 2020. — Вып. 49. — С. 576–603.

86. Кабышев, С. В., Ермаков, А. Д. Конституционные цели политических партий современной России: монография / С. В. Кабышев, А. Д. Ермаков. — М.: Городец, 2015. — 134 с.

87. Казачкова, З. М., Казачков, В. А. Право и медицина: в поисках оптимального баланса / З. М. Казачкова, В. А. Казачков // *Социальное и пенсионное право*. — 2019. — №1. — С. 32–37.

88. Калашников, С. В. Очерки теории социального государства. / С. В. Калашников. — М.: Экономика, 2006. — 362 с.

89. Калинина, Е. Ю. Государство как социальный конструкт: монография / Е. Ю. Калинина. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 200 с.

90. Канарш, Г. Ю. Справедливость, демократия, капитализм: Пути модернизации России в XXI веке: монография / Г. Ю. Канарш. М.: Ленанд, 2020. — 304 с.

91. Карапетов, А. Г. Экономический анализ права: монография / А. Г. Карапетов. — М.: Статут, 2016. — 528 с.

92. Карданова, И. В. К вопросу о конституционных гарантиях социального обеспечения / И. В. Карданова // *Научные труды. Российская академия юридических наук*. — Вып. 19. — М.: Юрист, 2019. — С. 632–637.

93. Карданова, И. В. Проблема реализации прав граждан на пенсионное обеспечение / И. В. Карданова // *Научные труды. Россий-*

ская академия юридических наук. — Вып. 20. — М.: Юрист. — 2020. — С. 213–218.

94. Кармишкина, Л. А., Кармишкина, Е. Д., Королёва Л. П., Ермакова, Э. Р. Европейский опыт измерения социальной справедливости / Л. А. Кармишкина, Е. Д. Кармишкина, Л. П. Королёва, Э. Р. Ермакова // Национальная безопасность / nota bene. — 2020. — №1. — С. 53–68.

95. Карпова, Т. Ю., Арбаев, Г. Э. Самозанятость в Российской Федерации: проблемы и пути развития / Т. Ю. Карпова, Г. Э. Арбаев // Проблемы экономики и юридической практики. — 2017. — №6. — С. 95–98.

96. Каткова, И. П. Российское здравоохранение в контексте задач достижения всеобщей доступности услуг здравоохранения к 2030 году / И. П. Каткова // Народонаселение. — 2020. — Том 23. — №1. — С. 135–147.

97. Клишас, А. А. Социальное государство: монография / А. А. Клишас. — М.: Международные отношения, 2017. — 272 с.

98. Ковалева, Е. А. Функции государства в аспекте программно-целевого подхода к управлению социальными процессами / Е. А. Ковалева // Пробелы в российском законодательстве. — 2011. — №2. — С. 78–81.

99. Ковалевский, С. М. Некоторые правовые вопросы реализации механизмов социального страхования отдельных категорий граждан (часть I) / С. М. Ковалевский // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №3. — С. 11–16.

100. Коженко, Я. В., Мамычев, А. Ю. Сервисное государство: проблемы теории и практики реализации / Я. В. Коженко, А. Ю. Мамычев // Власть. — 2010. — №3. — С. 44–46.

101. Кожина, Ю. А., Фроловская, Ю. И. Социальная политика государства в отношении пенсионных прав ребёнка / Ю. А. Кожина, Ю. И. Фроловская // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №3. — С. 32–34.

102. Козюк, М. Н. Медиация как вид социальной помощи (к постановке проблемы) / М. Н. Козюк // Социальное и пенсионное право. — 2018. — №2. — С. 11–15.

103. Козюк, М. Н. Проблемы городского развития и благоустройства в политико-правовых актах Президента России / М. Н. Козюк // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — №9. — С. 20–23.

104. Колесник, А. П. Пенсионная система в процессе глобализации / А. П. Колесник // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №3. — С. 41–49.

105. Колесников, Е. В., Плотникова, И. Н., Старшова, У. А. Становление социального государства в Российской Федерации: проблема развития социальных и экономических прав человека и гражданина / Е. В. Колесников, И. Н. Плотникова, У. А. Старшова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2018. — №4. — С. 91–109.
106. Колотова, Н. В. Конституционализация социальных прав — тенденция развития современного права / Н. В. Колотова // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — №1. — С. 5–9.
107. Комарова, В. В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) / В. В. Комарова // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — №3 (117). — С. 22–31.
108. Комарова, В. В. Потенциал политической партии как института гражданского общества: правовое закрепление / В. В. Комарова // Право и общество. — 2017. — №1 (23). — С. 35–48.
109. Кондракова, И. А., Шепеленко, М. Ю. Проблемы формирования и исполнения бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации / И. А. Кондракова, М. Ю. Шепеленко // Социальное и пенсионное право. — 2018. — №3. — С. 32–37.
110. Корсаненкова, Ю. Б. Понятие безработного и социальный риск безработицы в контексте системного подхода / Ю. Б. Корсаненкова // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №4. — С. 48–52.
111. Корсаненкова, Ю. Б. Понятие и юридическое значение межотраслевых связей права социального обеспечения / Ю. Б. Корсаненкова // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №2. — С. 22–25.
112. Корчагина, И. И., Прокофьева, Л. М., Тер-Акопов, С. А. Европейский опыт измерения бедности и социальной исключительности: индекс AROPE / И. И. Корчагина, Л. М. Прокофьева, С. А. Тер-Акопов // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — №3. — С. 162–175.
113. Коршунов, Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: монография / Н. М. Коршунов — М.: Норма: Инфра-М, 2015. — 240 с.
114. Косевич, Н. Р. Система законодательства о защите детства в России: научно-практический комментарий / Н. Р. Косевич. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 216 с.
115. Косыгина, К. Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций / К. Е. Косыгина // Проблемы развития территории. — 2018. — №3(95). — С. 107–121.
116. Кочеткова, Л. Н. Социальное государство: Опыт философского исследования: монография / Л. Н. Кочеткова. — М.: Либроком, 2016. — 160 с.

117. Кочетов, А. Н., Журавлёв, А. Л. Социальная незащищённость труда в России / А. Н. Кочетов, А. Л. Журавлёв // Социальное и пенсионное право. — 2020. — №1. — С. 48–52.

118. Крусс В. И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации / В. И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — №5. — С. 59–70.

119. Крусс, В. И. Добросовестность как вектор и «искушение» конституционализации экономической составляющей правовой системы России / В. И. Крусс // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 226–253.

120. Крылова, Е. Г. Конституционное право граждан на образование: тенденции развития на современном этапе / Е. Г. Крылова // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Вып. 19. — М.: Юрист, 2019. — С. 233–238.

121. Кубедду, Р. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек / Р. Кубедду; пер. с англ. под ред. А. Курыева. — М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2008. — 406 с.

122. Кукарская, К. В. Ипотечные программы для пенсионеров в России и странах ближнего зарубежья: сравнительно-правовой аспект / К. В. Кукарская // Социальное и пенсионное право. — 2020. — №1. — С. 29–31.

123. Ларионов, И. К. Синергия государственно-правовых и производственных основ жизнедеятельности общества: монография / И. К. Ларионов. — М.: Дашков и К., 2020. — 474 с.

124. Лебедев, А. Н., Гордякова, О. В. Международный индекс счастья и психологическое состояние российского общества. / А. Н. Лебедев, О. В. Гордякова // Прикладная юридическая психология. — 2018. — №2. — С. 14–25.

125. Левкина, Л. И. Взаимодействие инновационных организационных структур сообществ НКО с государственными органами управления / Л. И. Левкина // Вопросы управления. — 2016. — №2 (39). — С. 76–86.

126. Леонов, И. В. Современное социальное государство: сущность, признаки, проблемы формирования: учебное пособие / И. В. Леонов. — М.: МГИМО-Университет, 2006. — 96 с.

127. Лесовская, М. И. Дилемма легализации самозанятых / М. И. Лесовская // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2019. — №1. — С. 94–108.

128. Ливеровский, А. А. Конституционное регулирование экономических процессов / А. А. Ливеровский // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч.

ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 19–39.

129. Лисицин, П. П., Степанов, А. М. Формы взаимодействия низкоквалифицированных трудовых мигрантов и работодателей в принимающих сообществах (на примере Греции, России и Франции) / П. П. Лисицин, А. М. Степанов // Журнал исследований социальной политики. — 2018. — Том 16. — №4. — С. 611–627.

130. Литвинова, В. В. Сравнительный анализ социальных кодексов субъектов Российской Федерации / В. В. Литвинова // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — №3 (100). — С. 151–160.

131. Лихтер, П. Л. Правовая категория «общее благо» в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации / П. Л. Лихтер // Lex Russica. — 2019. — №4. (149). — С. 78–83.

132. Локосов, В. В., Ярашева, А. В. Социальный кодекс России: pro et contra: монография / В. В. Локосов, А. В. Ярашева. — М.: ЛексПраксис, 2014. — 127 с.

133. Лукашева, Е. А. Мифологизация политической и правовой жизни: монография / Е. А. Лукашева. — М.: Норма: Инфра-М, 2018. — 272 с.

134. Лунгу, Е. В. Конституционные правоотношения в социальной сфере / Е. В. Лунгу // Социальное и пенсионное право. — 2018. — №3. — С. 17–21.

135. Лунгу, Е. В. Конституционные правоотношения и пенсионная реформа как фактор объективной правовой реальности / Е. В. Лунгу // Российская юстиция. — 2019. — №2. — С. 58–60.

136. Любашиц, В. Я., Разуваев, Н. В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель: монография / В. Я. Любашиц, Н. В. Разуваев. — М.: Риор: Инфра-М, 2018. — 533 с.

137. Мавлютова, Г. А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию как обновлённая стратегия развития Российского государства / Г. А. Мавлютова // Экономическая безопасность и качество. — 2018. — №2 (31). — С. 5–8.

138. Макар, С. В., Симагин, Ю. А., Ярашева, А. В. Демографическая ситуация в России и социальная инфраструктура / С. В. Макар, Ю. А. Симагин, А. В. Ярашева // Народонаселение. — 2020. — Том 23. — №1. — С. 67–75.

139. Мандрыка, Е. В., Мандрыка, Н. Н. Проблемы конституционного регулирования социальных прав личности в постсоциалистических государствах в контексте социально-экономических преобразований в обществе / Е. В. Мандрыка, Н. Н. Мандрыка // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Вып. 19. — М.: Юрист, 2019. — С. 244–248.

140. Мартынова, А. А. Современные модели финансирования здравоохранения в России / А. А. Мартынова // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — №6. — С. 42–45.
141. Матвеев, П. Е. Аксиология: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1. История аксиологии / П. Е. Матвеев. — Владимир: Изд-во ВлГУ. 2017. — 176 с.
142. Матулов, Б. Н. Участие негосударственных социально ориентированных субъектов в механизме реализации социальных прав граждан на местном уровне: проблемы и перспективы / Б. Н., Матулов // Социальное и пенсионное право. — 2020. — №1. — С. 9–13.
143. Менгер, А. Новое учение о государстве: Создание правового фундамента народного трудового государства / А. Менгер; пер. с нем. под ред. В. Л. Шанцера. изд. 2-е. — М.: Ленанд, 2015. — 280 с.
144. Метелёва, Е. Р. Определение ключевых терминов в социальной сфере / Е. Р. Метелёва // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. — Т. 26. — №1. — С. 90–98.
145. Мигранова, Л. А. Заработная плата в России и в мире: сравнительный анализ / Л. А. Мигранова // Народонаселение. — 2018. — Том 21. — №3. — С. 52–67.
146. Мигранова, Л. А. Минимальная гарантия оплаты труда в России и её регионах / Л. А. Мигранова // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — №2 (212) — С. 27–34.
147. Мигранова, Л. А., Роик, В. Д. Заработная плата и социальное страхование / Л. А. Мигранова, В. Д. Роик // Народонаселение. — 2019. — №2. — С. 64–77.
148. Мизес, Л. фон Социализм: экономический и социологический анализ / Л. фон Мизес; пер. с англ. Б. Пинскера; науч. ред. Р. Левита. — М., Челябинск: Социум, 2016. — 598 с.
149. Милославская Д. И., Шумбурова О. В., Иванова Н. В. Статус организаций общественной пользы в законодательстве различных стран / Д. И. Милославская, О. В. Шумбурова, Н. В. Иванова // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2015. — №1. — С. 33–52.
150. Миронова, Т. К. Правовое регулирование бесплатного оказания медицинской помощи: учеб. пособие / Т. К. Миронова. — М.: Юстицинформ, 2018. — 108 с.
151. Михалкин, Н. В. Социализм вчера, сегодня, завтра: монография / Н. В. Михалкин. — М.: Юрлитинформ, — 2017. — 144 с.
152. Молчанова, Е. В., Буркин, М. М. Общественное здоровье в России и странах Северной Европы / Е. В. Молчанова, М. М. Буркин // Народонаселение. — 2018. — Том 21. — №2. С. 84–98.
153. Мосин, Е. Ф. Конституционно-экономическая проблематика справедливости налогообложения и распределения его результатов

/ Е. Ф. Мосин // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 389–407.

154. Москалькова, Т. Н., Черников, В. В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. — 2-е изд. / Т. Н. Москалькова, В. В. Черников. — М.: Проспект, 2020. — 448 с.

155. Мохов, А. Ю. Вопросы нормативного регулирования обеспечения права каждого на питание в Российской Федерации / А. Ю. Мохов // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Вып. 19. — М.: Юрист, 2019. — С. 249–252.

156. Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. — М.: ИД Юриспруденция, 2015. — 544 с.

157. Ненахова, Ю. С. Трудовой потенциал инвалидов: проблемы реализации / Ю. С. Ненахова // Народонаселение. — 2018. — Том 21. — №3. — С. 96–107.

158. Несмеянова, С. Э., Калинина, Е. Г. Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт / С. Э. Несмеянова, Е. Г. Калинина // Российское право: образование, наука, практика. — 2017. — №4. — С. 7–12.

159. Нестеренко, Ю. Н., Протасова, Е. А. Самозанятость в России: состояние и потенциал развития / Ю. Н. Нестеренко, Е. А. Протасова // Народонаселение. — 2019. — Том 22. — №4. — С. 78–89.

160. Никифорова, Н. Н. Новеллы законодательства о пенсионном обеспечении государственных гражданских служащих: критический анализ ряда положений / Н. Н. Никифорова // Социальное и пенсионное право. — 2018. — №1. — С. 38–43.

161. Новикова, И. Д. Надлежащий уровень правовой регламентации административных процедур как важное направление совершенствования института государственных услуг / И. Д. Новикова // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — №5. — С. 51–54.

162. Новопавловская, Е. Е. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как индикатор состояния российского законодательства в области социального обеспечения / Е. Е. Новопавловская // Администратор суда. — 2019. — №2. — С. 44–49.

163. Новопавловская, Е. Е. Практика Конституционного Суда Российской Федерации как индикатор состояния российского законодательства в области социального обеспечения / Е. Е. Новопавловская // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Вып. 19. — М.: Юрист, 2019. — С. 257–260.

164. Нойхауз, Н. Ценности христианской демократии / Н. Нойхауз; пер. с нем. — М.: Республика, 2005. — 192 с.

165. Общая теория государства и права: учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. — 392 с.

166. Овсянников, А. А., Лакеева, Л. В. Рассогласованность рынка труда и системы профессиональной ориентации в России / А. А. Овсянников, Л. В. Лакеева // Народонаселение. — 2019. — Том 22. — №4. — С. 62–77.

167. Одегов, Ю. Г., Гарнов, А. П. Реформа российского образования: проблемы, результаты, перспективы Ю. Г. Одегов, А. П. Гарнов // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — №3 (213). — С. 37–51.

168. Омарова, З. Н., Магомедов, Г. Б. Социальные права человека в современных условиях цифровых технологий / З. Н. Омарова, Г. Б. Магомедов // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — №10. — С. 37–40.

169. Осокина, Ю. Ю. Нормативно-правовое регулирование социальной функции государства в современной России / Ю. Ю. Осокина // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — №2. — С. 19–20.

170. Открытое правительство за рубежом. Правовое регулирование и практика: монография / отв. ред. И. Г. Тимошенко. — М.: Норма, Инфра-М, 2015. — 210 с.

171. Павитра, П., Валтонен, Х., Ковтун, Н. В. Социально-экономическое неравенство населения в области здоровья в постсоветской России / Пол Павитра, Ханну Валтонен., Н. В. Ковтун // Народонаселение. — 2019. — Том 22, — №1. — С. 61–78.

172. Пациорковский, В. В. Актуальные вопросы повышения рождаемости / В. В. Пациорковский // Народонаселение. — 2018. — Том 21. — №1. — С. 31–47.

173. Пашенцев, Д. А., Ситдикова Л. Б. Правовые средства реализации национальных целей Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) / Д. А. Пашенцев, Л. Б. Ситдикова // Российская юстиция. — 2019. — №8. — С. 2–4.

174. Пашкова, Г. Г. Формы и принципы социальной справедливости / Г. Г. Пашкова // Социальное и пенсионное право. — 2018. — №1. — С. 18–23.

175. Пернацкий, В. И. Философия политики и права: учеб. пособие / В. И. Пернацкий. — М.: Риор: Инфра-М, 2013. — 224 с.

176. Печникова, О. Г. Нормативное закрепление вопросов охраны материнства и детства в России как регулятор актуальных социаль-

но значимых направлений государственного развития: история и современность / О. Г. Печникова // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №1. — С. 11–13.

177. Плотникова, И. Н. К вопросу о конституционно-правовой политике, конституционализации и эффективности закона, конвенционализме в сфере обеспечения экономической свободы личности / И. Н. Плотникова // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 408–431.

178. Пожарский, Д. В. Российское государство и полиция в системе конституционных ценностей / Д. В. Пожарский // Труды Академии управления МВД России. — 2019. — №1 (49). — С. 7–13.

179. Пожарский, Д. В. Становление теории функций государства в отечественной юридической науке: историографический очерк / Д. В. Пожарский // Труды Академии управления МВД России. — 2011. — №4 (20). — С. 7–11.

180. Покида, А. Н., Зыбуновская, Н. В. Регулирование деятельности самозанятых граждан / А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2020. — №1. — С. 60–85.

181. Покида, А. Н., Зыбуновская, Н. В. Самозанятые граждане и социальные гарантии / А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская // Власть. — 2020. — №3. — С. 165–172.

182. Политико-правовые ценности: история и современность: монография / под ред. В. С. Нерсесянца. — М.: Эдиториал Урсс, 2000. — 256 с.

183. Понкин, И. В. Общая теория публичного управления: правовые основы, цели, принципы, инструменты, модели и концепты публичного управления: лекционный курс / И. В. Понкин. — М.: Буки Веди. 2016. — 252 с.

184. Понкин, И. В. Теория государственного управления: учебник / предисл. А. Б. Зеленцова. / И. В. Понкин. — М.: Норма: Инфра-М, 2019. — 529 с.

185. Попов, А. В. Административно-правовой статус самозанятых граждан: проблемы определения и возможные пути их решения / А. В. Попов // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2018. — №2 (69). — С. 53–59.

186. Прекариат: становление нового класса: коллективная монография / под ред. Ж. Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. — 400 с.

187. Пузырева, А. А. Пределы использования частнопроводных конструкций в праве социального обеспечения: Дис. ... канд. юрид. наук. / А. А. Пузырева. — Екатеринбург, 2020. — 235 с.

188. Пучкова, В. В. Совершенствование обеспечения конституционного права на охрану здоровья / В. В. Пучкова // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — №4. — С. 52–54.

189. Радченко О. А. Качество образования как ключевой показатель уровня жизни населения (на примере статистического анализа системы образования Канады) / О. А. Радченко // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — №4 (214) — С. 97–105.

190. Разуваев, Н. В. Государство в эволюционном измерении: монография / Н. В. Разуваев. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 520 с.

191. Ракитский, Б. В. Методологические проблемы и ориентиры исследования социального неравенства / Б. В. Ракитский // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — №3 (213). — С. 64–69.

192. Ревина С. Н., Блинов С. В., Кузьмина Н. М., Сидорова А. В. Особенности правового регулирования телездоровоохранения в Соединённых Штатах Америки / С. Н. Ревина, С. В. Блинов, Н. М. Кузьмина, А. В. Сидорова // Российская юстиция. — 2019. — №4. — С. 70–72.

193. Ржаницына, Л. С. Стандарт экономической устойчивости семьи - новый ориентир политики доходов / Л. С. Ржаницына // Народонаселение. — 2019. — Том 22. — №1. — С. 122–127.

194. Родионова, О. В. Проблемы развития теории и практики современного социального государства. / О. В. Родионова // Lex Russica (Закон Русский). — 2015. — №1 (Том ХСVIII). — С. 28–40.

195. Родионова, О. В. Характерные черты социальной функции современного государства / О. В. Родионова // История государства и права. — 2007. — №3. — С. 9–10.

196. Рожнева, С. С. Образ России в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию (1994–2019 гг.) // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — №12. — С. 22–26.

197. Роик, В. Д. Социальный бюджет России: от патерналистской к страховой парадигме / В. Д. Роик // Народонаселение. — 2017. — №1 (75). — С. 4–13.

198. Роик, В. Д. Труд, его эволюция и перспективы / В. Д. Роик // Народонаселение. — 2018. — Том 21. — №1. — С. 97–108.

199. Ромашов, Р. А. Конституционная экономика как системный элемент современного конституционализма / Р. А. Ромашов // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 432–441.

200. Ротбард, М. К новой свободе: Либертарианский манифест / М. Ротбард; пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2009. — 398 с.

201. Рощепко, Н. В. Социальный контракт как основание предоставления государственной социальной помощи / Н. В. Рощепко // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №4. — С. 24–28.

202. Рубанова, М. Е., Портенко, Н. Н., Масляков, В. В. Конституционное право граждан на социальное обеспечение: динамика правового регулирования / М. Е. Рубанова, Н. Н. Портенко, В. В. Масляков // Медицинское право. — 2019. — №5. — С. 24–27.

203. Рудник Б. Л., Куштанина Е. В., Романова В. В. Привлечение НКО к оказанию услуг социальной сферы / Б. Л. Рудник, Е. В. Куштанина, В. В. Романова // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2017. — №2. — С. 105–129.

204. Русанова, Н. Е. Здоровье населения: от индивидуальной ценности до базового фактора общественного развития / Н. Е. Русанова // Народонаселение. — 2018. — Том 21. — №1. — С. 109–121.

205. Рыбаков, В. А. Функции государства: системный подход / В. А. Рыбаков // Вестник Омского университета. — Серия «Право». — 2017. — №2 (51). — С. 14–18.

206. Рыбаковский, Л. Л., Маевский, Д. П., Кожевникова, Н. И. Миграционная подвижность населения и её измерение / Л. Л. Рыбаковский, Д. П. Маевский, Н. И. Кожевникова // Народонаселение. — 2019. — №2. — С. 4–16.

207. Рыбаковский, Л. Л., Кожевникова, Н. И. Депопуляция в России, ее этапы и их особенности / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // Народонаселение. — 2018. — Том 21. — №2. — С. 4–17.

208. Рыбаковский, О. Л., Таюнова, О. А. Демографический потенциал: из истории понятия / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. — 2019. — №2. — С. 17–25.

209. Рыбаковский, О. Л., Таюнова, О. А. Цели стратегии миграционного развития России / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. — 2018. — Том 21. — №1. — С. 22–30.

210. Саленко, А. В., Косс, А. В., Навагина, Т. А. Конституционный Суд Российской Федерации: защитник ипотечных банков или гарант социального государства? / А. В. Саленко, А. В. Косс, Т. А. Навагина // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 442–459.

211. Семёнова, Д. А. Социальное предпринимательство: формирование нового механизма социального развития / Д. А. Семёнова // Вестник Московского финансово-юридического университета. — 2016. — №4. — С. 102–108.

212. Семёнова, Д. А. Формирование института социального предпринимательства: теоретический подход / Д. А. Семёнова // Вест-

ник Московского финансово-юридического университета. — 2018. — №2. — С. 98–105.

213. Семёнова, Н. Н. Совершенствование налогообложения доходов физических лиц в России в контексте формирования социально ориентированной налоговой политики / Н. Н. Семёнова // Финансы и кредит. — 2018. — Т. 24. — №3. — С. 129–142.

214. Семёнова, Т. А., Чуднов, И. А. Правовое регулирование самозанятости: советский опыт и современные реалии / Т. А. Семёнова, И. А. Чуднов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2017. — №4 (333). — С. 137–157.

215. Семянникова, Д. А. Пути совершенствования законодательства в области социального обслуживания детей-инвалидов, являющихся сиротами и воспитывающихся в специализированных учреждениях / Д. А. Семянникова // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №2. — С. 31–36.

216. Сергеев, А. А. Запрет различного обращения с лицами, находящимися в сходных правовых ситуациях, как принцип социального государства / А. А. Сергеев // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №4. — С. 29–33.

217. Сивицкий, В. А. Конституционно-правовые вызовы роботизации экономики / В. А. Сивицкий // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 460–468.

218. Синельников, А. Б. Трансформация брака и рождаемость в России / А. Б. Синельников // Народонаселение. — 2019. — №2. — С. 26–39.

219. Сеница, А. Л. Повышение уровня и качества образования коренных малочисленных народов Севера: проблемы и перспективы / А. Л. Сеница // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — №3 (213) — С. 70–81.

220. Синюков, В. Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции / В. Н. Синюков // Lex Russica (Закон русский). — 2018. — №10 (145). — С. 18–29.

221. Славова, Н. А. Государственные гарантии бесплатного оказания гражданами медицинской помощи как реализация социальной функции государства / Н. А. Славова // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — №11. — С. 19–23.

222. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. / А. Смит. М.: Эксмо, 2007. — 960 с.

223. Соколенко, Н. Н., Ханчукаева, Л. А. Социальный контракт как мера государственной поддержки лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации: некоторые проблемы правового регулирования

ния / Н. Н. Соколенко, Л. А. Ханчукаева // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №1. — С. 14–19.

224. Соловьёв, А. К. Пенсионное обеспечение в России / А. К. Соловьёв // Народонаселение. — 2017. — №1 (75). — С. 14–21.

225. Соловьёв, А. К. Проблемы сокращения бедности пенсионеров в России в условиях бюджетного кризиса / А. К. Соловьёв // Социальное и пенсионное право. — 2018. — №1. — С. 44–49.

226. Средние классы в капиталистической России: монография / В. Н. Боков, Е. В. Одинцова, В. Г. Квачев; под ред. В. Н. Бобков. — М.: Кнорус, — 2018. — 208 с.

227. Степушкина, Е. И. Правотворческая деятельность социального государства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — №4. — С. 194–201.

228. Стерлягова, Ю. С. Природа права на охрану здоровья и медицинскую помощь в России / Ю. С. Стерлягова // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Вып. 19. — М.: Юрист. — 2019. — С. 286–290.

229. Столяров, А. В. Возвращение «капитализма катастроф»? (Новое пришествие шоковой терапии в социальное пространство России) / А. В. Столяров // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №3. — С. 50–56.

230. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с.

231. Сургуладзе, В. Ш. Актуальные проблемы прогнозирования в системе государственного стратегического планирования (на примере Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.). / В. Ш. Сургуладзе // Власть. — 2016. — №10. — С. 19–26.

232. Таева, Н. Е. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации: эволюция юридических свойств / Н. Е. Таева // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Том 15. — №8 (117). — С. 43–54.

233. Тарабан, Н. А., Чупилин Д. А. Социальное обеспечение как элемент правового статуса личности: международно-правовой аспект // Социальное и пенсионное право. — 2002. — №1. — С. 9–13.

234. Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. — М.: ИД «Юриспруденция», 2016. — 480 с.

235. Тимофеев, И. В. Конституционный Суд Российской Федерации в механизме защиты права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь / И. В. Тимофеев // Журнал конституционного правосудия. — 2019. — №1. — С. 28–32.

236. Ткаченко, А. А. Бедность и население России: ретроспективный взгляд на проблему / А. А. Ткаченко // Народонаселение. — 2019. — Том 22. — №4. — С. 36–50.
237. Ткаченко, А. А. Государственная политика и национальный проект «Демография» / А. А. Ткаченко // Народонаселение. — 2018. — Том. 21. — №4. — С. 23–35.
238. Тонков, Е. Е. Государство созидающее как вектор развития современной России: монография / Е. Е. Тонков. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 392 с.
239. Тонков, Е. Е. Модернизация юридических форм государственной деятельности: монография / Е. Е. Тонков. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 256 с.
240. Тощенко, Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа): монография / Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2020. — 352 с.
241. Тощенко, Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: монография / Ж. Т. Тощенко. — М.: Наука, 2018. — 350 с.
242. Фёдорова М. Ю. Правовые проблемы социальной защиты мигрантов в решениях Конституционного Суда РФ / М. Ю. Фёдорова // Труды Института государства и права РАН. — 2017. — №1. — С. 114–124.
243. Фетюков, Ф. В. Взаимодействие государства и гражданского общества (теоретико-правовое исследование): монография / Ф. В. Фетюков. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 160 с.
244. Филиппова, Н. А. Скрытые государственные и муниципальные услуги как коррупциогенный фактор / Н. А. Филиппова // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: Сборник научных трудов по итогам III Всероссийской научной конференции с международным участием (26–27 октября 2018 г., Екатеринбург). Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2019. С. 138–148.
245. Фомин, А. А. Законодательная конструкция «социальная помощь малоимущим»: содержание и соотношение со смежными правовыми понятиями / А. А. Фомин // Российская юстиция. — 2019. — №2. — С. 6–8.
246. Фомин, А. А. Принципы социальной политики Российской Федерации в сфере преодоления Бедности / А. А. Фомин // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №3. — С. 26–31.
247. Фомин, А. А. Социальное государство, достойная жизнь и преодоление бедности: взаимообусловленность в условиях конституционализации экономики России / А. А. Фомин // Ежегодник кон-

ституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 477–486.

248. Фомичёва, Т. В., Катаева, В. А. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики / Т. В. Фомичёва, В. А. Катаева // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — №1 (211) — С. 80–84.

249. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. С Предисловием к переизданию 1990 года / Ю. Хабермас; пер. с нем. В. В. Иванов. — М.: Весь мир, 2017. — 344 с.

250. Хайек, Ф. А. фон. Дорога к рабству / Ф. А. фон Хайек / пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2005. — 264 с.

251. Хайек, Ф. А. фон. Конституция свободы / Ф. А. фон Хайек / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2018. — 528 с.

252. Хайек, Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. фон Хайек / пер. с англ. — М.: ИРИСЭН, 2006. — 644 с.

253. Хайруллин, В. И. Категория справедливости в истории политико-правовой мысли: монография / В. И. Хайруллин. — М.: Ленанд, — 2020. — 188 с.

254. Хамитова, Г. М., Абдикеев, В. Р. Пробелы в законодательстве Российской Федерации, регламентирующем защиту прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Г. М. Хамитова, В. Р. Абдикеев // Социальное и пенсионное право. — 2020. — №1. — С. 26–28.

255. Хамитова, Г. М., Гимадиева, Р. Р. Анализ разработанности нормативно-правовой базы Российской Федерации о платных услугах социального обслуживания / Г. М. Хамитова, Р. Р. Гимадиева // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №1. — С. 19–21.

256. Харинов, И. Н. Публичные услуги в России: проблемы идентификации и классификации / И. Н. Харинов // Российская юстиция. — 2017. — №9. — С. 54–57.

257. Хёффе, О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / О. Хёффе; пер. с нем. Вл. С. Малахова при участии Е. В. Малаховой. — М.: Гнозис: Логос, 1994. — 328 с.

258. Ходусов, А. А. К вопросу о сущности и проблемах социального государства / А. А. Ходусов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2018. — №4. — С. 114–125.

259. Цуканова, Н. П. Социальные выплаты по безработице как стимулирующие гарантии для безработных граждан / Н. П. Цуканова // Социальное и пенсионное право. — 2020. — №1. — С. 52–56.

260. Чепенко, Я. К. Пробелы в правовом регулировании положения личности в условиях новых технологий и конституционные механизмы их преодоления / Я. К. Чепенко // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Вып. 19. — М.: Юрист, 2019. — С. 307–310.

261. Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право: учебное пособие для магистрантов и аспирантов / В. Е. Чиркин. — М.: Юриспруденция, 2011. — 400 с.

262. Чупилкина, А. Ф. Конституционная экономика как методология борьбы гражданского общества за ресурсы / А. Ф. Чупилкина // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 487–505.

263. Шаповалов, В. Л. Социальное благополучие граждан в программах российских политических партий / В. В. Шаповалов // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. — 2019. — №2. — С. 58–69.

264. Шарков, А. В. Социальная функция государства: история и современность (формационные и цивилизационные аспекты): Дис. ... канд. филос. наук. / А. В. Шарков. — Н. Новгород, 2019. — 231 с.

265. Шарков, Ф. И. Социономика как научная основа разработки концепции развития социального государства / Ф. И. Шарков // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — №2 (212). — С. 85–90.

266. Шестаков В. П., Свинцов, А. А., Радудо, В. И., Чернякина, Т. С. Основные направления совершенствования законодательства Российской Федерации в соответствии с требованиями Конвенции о правах инвалидов / В. П. Шестаков, А. А. Свинцов, В. И. Радудо, Т. С. Чернякина // Социальное и пенсионное право. — 2019. — №2. — С. 37–42.

267. Шестаков, В. П., Свинцов, А. А., Чернякина, Т. С., Радудо, В. И. Отдельные аспекты судебной практики судов общей юрисдикции в рамках исполнения положений Конвенции о правах инвалидов / В. П. Шестаков, А. А. Свинцов, Т. С. Чернякина, В. И. Радудо // Администратор суда. — 2019. — №4. — С. 23–27.

268. Шибалков, И. П. Подходы к совершенствованию региональной политики в сфере охраны здоровья населения / И. П. Шибалков // Народонаселение. — 2017. — №3 (77). — С. 144–158.

269. Шишов, М. А. Актуальные вопросы льготного лекарственного обеспечения / М. А. Шишов // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — №5. — С. 51–54.

270. Шнейдерман, И. В., Гришанов, В. И., Гузанова, А. К., Ноздрина, Н. Н. Проблемы ветхого и аварийного жилья в России / И. В. Шнейдерман, В. И. Гришанов, А. К. Гузанова, Н. Н. Ноздрина // Народонаселение. — 2019. — Том 22. — №4. — С. 18–35.

271. Шпикер, М. Социальное государство: принципы — границы — возможности / М. Шпикер // Нойхауз, Н. Ценности христианской демократии / Н. Нойхауз; пер. с нем. — М.: Республика, 2005. — С. 67–74.

272. Шупицкая, О. Н. Конституционные ценности в сфере экономики и проблемы их реализации / О. Н. Шупицкая // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Вып. 19. — М.: Юрист, 2019. — С. 325–328.

273. Эсмантович, И. И. Социальная защита прав мигрантов как одно из направлений деятельности социального государства / И. И. Эсмантович // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — №3–2. — С. 221–224.

274. Юрьев, А. И. О монографии академика А. Г. Аганбегяна «О приоритетах социальной политики»: размышления политического психолога. / А. И. Юрьев // Вестник Московского университета. — Серия 12. — Политические науки. — 2019. — №3. — С. 113–120.

275. Ядрихинский, С. А. Принцип всеобщности налогообложения. / С. А. Ядрихинский // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2018. — №9. — С. 97–109.

276. Якимова, Е. М. Государственные специализированные органы по защите прав предпринимателей в системе обеспечения равновесия экономической системы общества / Е. М. Якимова // Гражданское общество в России и за рубежом. — 2019. — №4. — С. 44–47.

277. Якимова, Е. М. Правовые аспекты участия субъектов предпринимательской деятельности в выработке экономической политики государства с позиции конституционной экономики / Е. М. Якимова // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта П. Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, 2019. — С. 520–528.

278. Яницкий, О. Н. Социология риска: ключевые идеи / О. Н. Яницкий // Мир России. — 2003. — №1. — С. 3–35.

279. Ярашева, А. В., Александрова, О. А., Макар, С. В. Роль реабилитационно-образовательных учреждений в профессиональной подготовке и трудоустройстве инвалидов / А. В. Ярашева, О. А. Александрова, С. В. Макар // Народонаселение. — 2019. — №3. — С. 146–161.

Научное издание

Евгения Павловна ПАРИЙ-СЕРГЕЕНКО

**СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

М о н о г р а ф и я

Выпускающий редактор — Д. В. Нефёдов.

Корректор — П. В. Багров

Дизайн обложки, верстка и художественное

оформление издания — издательство «Профпресслит»

Издательство профессиональной прессы и литературы «Профпресслит»,
тел. (863) 241-37-43, www.profpreslit.ru

Отпечатано в редакционно-издательском комплексе «Профпресслит».

Сдано в набор 20.01.2020. Подписано в печать 29.01.2020. Формат 64x80/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 7,9. Тираж 50 экз.

ISBN 978-5-6046295-2-9

9 785604 629529